

МЕНЗБИРОВСКОЕ ОРНИТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
Среднеазиатское отделение

ПАМЯТЬ ВОСКРЕШАЕТ...

К 95-летию со дня рождения
Анвера Кеюшевича Рустамова (1917-2005),
академика АН Туркменистана

Под редакцией О.С. Сопыева и Ш.Р. Херремова

Москва – 2012

Память воскрешает... Колл. авт.

Москва – 2012, – 240 с.: 48 илл.

Книга посвящена памяти Анвера Кеюшевича Рустамова (1917-2005) одного из выдающихся деятелей зоологической и экологической науки и высшего образования Туркменистана во второй половине XX века, создателя Красной книги Туркменистана и Туркменского общества охраны природы. В воспоминаниях его соратников, коллег, учеников, друзей и родных в живой форме излагаются новые сведения о жизни А.К. Рустамова, как человека, ученого и общественного деятеля, впервые публикуется полный список его трудов и экспедиций.

Предназначается для историков науки и образования, для специалистов природоохранной и аграрной областей, ученых зоологов и экологов.

Редакционная коллегия: О.С. Сопыев, Ш.Р. Херремов, В.Г. Шустова, А.Ф. Ковшарь, Э.А. Рустамов, М.Б. Аманова.

Компьютерная верстка и дизайн: Саркисов Л.М.

ISBN 978-5-91304-186-7

Подписано к печати 18.09.2012 г. Заказ № 2547.

Формат 70х100 1/16., объем 16 усл.п.л., тираж 300 экз.

ИПЧ /ООО «Алгоритм»

© – Мензбирское орнитологическое общество

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
 ЧАСТЬ 1. УЧЕНЫЕ И КОЛЛЕГИ: КАКИМ НАМ ЗАПОМНИЛСЯ А.К. РУСТАМОВ	
Памяти крупного ученого-аксакала и надежного друга <i>В.М. Галушин, В.Г. Кривенко</i>	9
Выдающийся ученый, педагог, общественник и исследователь природы туркменской земли <i>О.С. Сопыев</i>	14
А.К. Рустамов был и останется в ряду выдающихся биологов второй половины XX столетия <i>Г.И. Щербак</i>	23
Последний патриарх среди ученых-зоологов XX века <i>Г.Н. Симкин, М.В. Калякин</i>	25
А.К. Рустамов – «Туркменский «Сэр Питер Скотт»» <i>А.В. Яблоков</i>	31
Великий организатор <i>А.Ф. Ковшарь</i>	33
Из воспоминаний на пятой орнитологической конференции <i>Н.П. Воронов</i>	43
Солнечная загадочная Туркмения стала ближе и понятнее после встречи с А.К. Рустамовым <i>Т.Б. Ардамацкая</i>	44
Взаимодействие научных школ <i>А.И. Шураков, А.М. Бурылова</i>	46
Карабах всегда славился своими мыслителями <i>Т.К. Микаилов</i>	48
Он был желанным гостем в нашем институте всегда <i>М.А. Мусаев</i>	49
Мне было с кого брать пример и кем гордиться <i>Э.Г. Султанов</i>	51
Высокий полет в науке <i>Р. Мартиросова</i>	53
 ЧАСТЬ 2. НАШ ЛЮБИМЫЙ РЕКТОР И НАСТАВНИК	
Выдающаяся личность <i>Ш.Р. Херремов</i>	57

Ректорский талант А.К. Рустамова	
<i>В.Г. Шустова</i>	63
Анвер Кеюшевич Рустамов – личность, которая рождается раз в 100 лет	
<i>С.М. Дурдыев</i>	72
Воспоминания о дорогом человеке и ректоре	
<i>А.Д. Аннакурдов</i>	75
Воспитатель, педагог, организатор	
<i>Н.Р. Худайбердыев</i>	79
Добрейшей души человек	
<i>С.А. Адинов</i>	80
Анвер Кеюшевич Рустамов – это не только вузовская школа, это школа жизненной философии и дипломатии	
<i>Г.Н. Аннаклычев</i>	84
Мой портрет нашего Анвера Кеюшевича	
<i>А.К. Ремиханов</i>	94
Светлой памяти прекрасного человека	
<i>Х.Г. Гочмырадов</i>	99

ЧАСТЬ 3. ПОМНИМ НАШЕГО УЧИТЕЛЯ И ПРОДОЛЖАЕМ ЕГО ДЕЛО

Несколько важных слов о нашем учителе	
<i>А.Г. Бабаев</i>	109
«Наука – это океан, и даже умеющий в нем плавать может погибнуть или, не одолев его, возвратиться вспять»	
<i>Г.Т. Мустафаев</i>	111
Ученый – Учитель – Наставник	
<i>М.Б. Аманова</i>	119
Для меня А.К. Рустамов – корифей зоологической науки в Туркменистане	
<i>Ч.А. Атаев</i>	125
Нам было чему у него научиться	
<i>С.М. Шаммаков</i>	129
А.К. Рустамов деятель по охране природы Туркменистана	
<i>А.Э. Эминов, Д.С. Сапармурадов</i>	133
Анвер Кеюшевич Рустамов – ученый, наставник	
<i>К.А. Атаев</i>	136
Мой Анвер Кеюшевич: штрихи к портрету учителя	
<i>М.Р. Хабибуллоев</i>	138
Встреча, давшая путевку в науку	
<i>А.В. Горбунов</i>	140

Вспоминая дорогого учителя...

Р.Г. Мустафаева 144

Крупный ученый, мудрый руководитель и добрый сосед

К.Ш. Шагылыджов 146

**Часть 4. ДЛЯ НАС И НАШИХ ПОТОМКОВ ОН ОСТАЕТСЯ САМЫМ
ДОРОГИМ...**

Великое счастье быть женой и другом такого человека!

Е.А. Рустамова 148

Слово о моем брате

И.К. Рустамов 165

Мой отец – человек, не способный на предательство и подлость

Б.А. Умарова 170

Отец всегда был моим путеводным маяком

И.А. Рустамов 174

Как все начиналось...

Э.А. Рустамов 183

Для меня и всех Рустамовых дедушка останется главой нашего рода!

Э.И. Рустамов 189

Всё детство – с дедушкой, какое счастье!

Н.Э. Рустамов 190

Дедушка – мой – нестигаемой воли человек

Р.Э. Рустамов 192

Доброта и честь – это талант и божья благодать

С.М. Кулиева 193

Основные даты в жизни и деятельности А.К. Рустамова

Экспедиционные поездки по Туркменистану (1940-1992 гг.) 200

Диссертационные работы, руководство которыми осуществлял

А.К. Рустамов 204

Посвящения и наиболее важные награды 206

Библиография

Фотоиллюстрации 208

ПРЕДИСЛОВИЕ

«В современных условиях мощь и процветание любого государства определяется, прежде всего, степенью развития науки и технологий, интеллектуальным уровнем народа» – эти слова и требования Президента Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедова дали старт активизации научно-исследовательских работ по всем направлениям науки Суверенного Туркменистана. И, действительно, в наши дни наука вошла в эру своего нового возрождения. Она становится все более востребованной для развития общества и государства. Это касается и экологии, значение которой трудно переоценить при научно обоснованном освоении и преобразовании природы и её богатств на благо народа Туркменистана.

Не ослабевают интерес и к истории нашего государства, включая историю развития науки и научных школ туркменских ученых. Одной из таких школ в области экологии и зоологии по праву считается школа, созданная известным нашим ученым академиком Анвером Кеюшевичем Рустамовым (1917-2005), посвятившим 60 лет своей жизни прогрессу научной мысли в Туркменистане и развитию высшего образования в стране.

Замысел написать книгу об академике А.К. Рустамове возник еще в 2005 г., вскоре после ухода почтенного ученого из жизни. Однако, время тогда еще не настало, поскольку возрождение науки в Туркменистане, благодаря заботе главы государства, началось с середины 2008 г. Материалы книги были почти готовы, но ни организационно, ни с финансовой стороны она не могла быть опубликована. И вот настал час, настоящее издание увидело свет: многочисленные ученики и последователи А.К. Рустамова, его коллеги и друзья, как в Туркменистане, так и за рубежом, завершили и издали свой сокровенный труд. Как бы сейчас радовался Анвер Кеюшевич и гордился своими учениками, новыми успехами туркменских ученых!

На страницах книги делятся своими воспоминаниями все, кто был близко знаком с Анвером Кеюшевичем, включая и членов его семьи. К сожалению, многих великих ученых, педагогов, государственных и общественных деятелей, хорошо знавших А.К. Рустамова, которые могли бы написать о нем ни одну книгу, уже нет в живых. Однако редколлегия при подборе материалов и подготовке издания в этом отношении сделала все возможное, чтобы свести к минимуму возникшую проблему. Авторы очерков старались, как могли, поделиться самым сокровенным и интересным из того, что их связывало с Анвером Кеюшевичем. Конечно,

излагать на бумаге воспоминания о жизни замечательных людей – дело, на первый взгляд, простое, но и в то же время оно чрезвычайно ответственное. Простое, потому что сохранилось много достоверных сведений и фактов из биографии А.К. Рустамова, ответственное же потому, что мемуарные записи в первичной своей сути – явление субъективное. Когда же дело касается личности поистине выдающейся, необходимо было взвесить каждое слово, каждый оборот, фразу, составляющие целостный портрет дорого нам человека – нашего современника, каким был для всех нас Анвер Кеюшевич Рустамов.

Анвер Кеюшевич Рустамов был одной из ключевых фигур отечественной зоологии (орнитологии, герпетологии), зоогеографии, экологии и охраны природы. Он не только успешно развивал классические традиции в науке, но и выходил на рубежи новых направлений зоологической науки.

Дать подробную характеристику всего спектра проблем, разработкой которых занимался Анвер Кеюшевич, невозможно. Это теперь удел библиографов и историков естествознания. Но даже простое перечисление позволяет понять размах научных интересов А.К. Рустамова: проблемы биоразнообразия Средней Азии; морфо-физиологические и эколого-этологические адаптации птиц, параллелизм и конвергенция в адаптациях к аридным условиям существования; фауна антропогенных ландшафтов; эколого-географический изоморфизм; особенности региональной фауны; пищевая специализация пустынных животных; охрана и рациональное использование пустынных экосистем; сохранение редких видов; заповедные территории и их роль в охране фауны; методические аспекты вузовской науки и практики.

Список публикаций А.К. Рустамова насчитывает 500 научных, научно-популярных книг, брошюр, статей, очерков, и это свидетельствует о жизни, до предела насыщенной творческой научной, педагогической, административной и общественной работой, поражающей нашего современного ученого широким спектром профессиональных интересов, остротой мысли, высоким порывом в охране хрупких ландшафтов и животных пустыни.

Научное наследие А.К. Рустамова станет путеводной звездой и откроет новое мышление для молодых начинающих ученых, аспирантов, преподавателей ВУЗов и для всех людей, кто любит свой край и природу Туркменистана.

Настоящая книга увидела свет благодаря меценатской заботе благодарных учеников, которые в свое время были студентами А.К. Рустамова, а также организаторским усилиям московских орнитологов и экологов, издавших книгу соответствующим образом. Редколлегия выражает благодарность супруге и младшему сыну А.К. Рустамова за возможность пользования семейным архивом.

Книга будет полезна экологам, зоологам и всем, кто интересуется вопросами истории естествознания в целом, причем, не только в Туркменистане, но и за его пределами, а также для историков, изучающих вопросы и проблемы развития науки, образования и, в целом просвещения Туркменистана в недавнем прошлом и в настоящем. Все это послужит более ясному пониманию проблем экологии, природопользования и образования в будущем, ибо прав Исаак Ньютон, который писал, что «видеть далеко можно, лишь опираясь на плечи титанов».

Сопыев О.С., Херремов Ш.Р.

ЧАСТЬ 1. УЧЕНЫЕ И КОЛЛЕГИ: КАКИМ НАМ ЗАПОМНИЛСЯ А.К. РУСТАМОВ

ПАМЯТИ АКСАКАЛА – КРУПНОГО УЧЕНОГО И НАДЕЖНОГО ДРУГА

В.М. Галушин

Доктор биологических наук, профессор, Вице-президент Мензбирова общества, академик РАЕН (г. Москва)

В.Г. Кривенко

Доктор биологических наук, профессор, академик РАЕН (г. Москва)

XX век – эпоха бурного расцвета зоологической науки, становления широкого движения за сохранение живой природы во всемирном и региональном масштабах. Не остался в стороне от этого движения крупный регион Средней Азии и такая самобытная его часть, как Туркменистан. Во многом, благодаря выдающемуся ученому, деятелю охраны природы и крупному организатору – академику Анверу Кеюшевичу Рустамову.

Невозможно переоценить его роль в развитии науки и общественного движения в защиту живой природы. Деятельность А.К. Рустамова в жизни и истории Туркменистана занимает особое место. Она исключительно многогранна: публикация значимых трудов по многим проблемам, активное воплощение собственных идей и заветов своих учителей в природоохранную практику, организация движения в защиту родной природы, научная, преподавательская и общественная работа. Все это снискало ему огромный общественный авторитет и всемерное уважение на всех занимаемых им постах: Председателя Туркменского общества охраны природы (1968-2000 гг.), руководителя парламентских, академических и ведомственных комиссий и делегаций по экологии, аграрной политике и охране окружающей среды (1963-1991 гг.). Личный авторитет и всемирная известность А.К. Рустамова сыграли ключевую роль в решении секретариата Международного союза охраны природы (МСОП) провести XIV Генеральную ассамблею именно в Ашхабаде (1978 г.).

Велик вклад А.К. Рустамова в развитие республики: это подготовка и принятие первого Закона Туркменистана по охране природы (1963 г.); организация Туркменского общества охраны природы (1968 г.); создание первой национальной Красной книги (1985 г.) и первой в Туркменистане вузовской кафедры по охране природы (1978 г.); открытие лаборатории

по охране биоразнообразия в академическом институте; разработка многотомной фаунистической сводки по птицам Средней Азии (1992-1997 гг.), первый том которой вышел в свет в 2007 г. В 1983 г. А.К. Рустамов стал первым в области охраны природы лауреатом Государственной премии Туркменистана. Полный список премий, наград, грамот и других знаков признания его заслуг занял бы много страниц.

А.К. Рустамов всегда ратовал за межрегиональные и межгосударственные связи в науке и природоохранном движении; выступал организатором и активным участником многих научных и практических конференций, семинаров и симпозиумов; входил в состав Всесоюзных обществ, комитетов и комиссий по орнитологии, зоогеографии и герпетологии; неоднократно представлял отечественную науку на международных конгрессах и конференциях.

Основные научные достижения А.К. Рустамова – выявление зоогеографических закономерностей формирования авифауны пустынь Средней Азии и разнообразных адаптаций птиц и других пустынных животных к жизни в аридных условиях. Вместе с коллегами и учениками им разработаны оригинальные понятия: «жизненная форма животных», «культурный ландшафт», «пустынное животное», «фаунистический комплекс», «микроэволюционный процесс в аридных экосистемах» и многие другие положения, до сих пор обсуждаемые зоологами, экологами, зоогеографами. Кроме птиц, А.К. Рустамов всегда уделял много внимания изучению фаунистических, экологических и зоогеографических особенностей других групп животных, особенно рептилий, играющих важную роль в пустынных экосистемах Средней Азии.

На славном пути научно-педагогической и общественной деятельности А.К. Рустамова выделяются знаменательные вехи, тесно связанные с историческими процессами, происходящими во второй половине прошлого столетия. Вся его жизнь – образец достойного служения науке и обществу.

Анвер Кеюшевич родился в 1917 г. в Ашхабаде. В 1934-1938 гг. – студент Ашхабадского педагогического института им. А.М. Горького (ныне – Туркменский государственный университет имени Магтымгулы, *прим. ред.*). Аспирантом под руководством профессора М.К. Лаптева он изучал птиц Амударьи. Вернувшись в Ашхабад осенью 1941 г. после ранения на фронте, продолжил работу над кандидатской диссертацией «Биоценотические группировки птиц долины Амударьи», которую защитил в 1943 г. В эти

же годы познакомился с профессором Г.П. Дементьевым, оказавшим определяющее влияние на формирование молодого ученого.

В 1943-1947 гг. А.К. Рустамов работал в Туркменском филиале АН СССР. Позднее в Туркменском сельскохозяйственном институте (ныне университете) заведовал кафедрами зоологии (1947-1977 гг.) и охраны природы (1988-1998 гг.). По совместительству был профессором кафедры зоологии позвоночных животных Туркменского государственного университета (1950-1964 гг.), а в 1992-1997 гг. заведовал лабораторией биоразнообразия в Институте зоологии АН Туркменистана.

В докторантуре (1946-1949 гг.) под руководством Г.П. Дементьева изучил птиц пустыни Каракумы, блестяще защитил в столь молодом возрасте докторскую диссертацию «Птицы пустыни Каракум» (1950 г.) и опубликовал одноименную монографию (1954), ставшую настольной книгой каждого специалиста по орнитологии аридных регионов. К тому времени А.К. Рустамов – признанный знаток авифауны Средней Азии, авторитетный среди советских и зарубежных орнитологов. После этого он опубликовал немало книг (например, «Птицы Туркменистана», 1958, и др.), учебников, фундаментальных статей. Список его трудов, насчитывающий почти 500 названий, свидетельствует о широте научных интересов А.К. Рустамова: орнитология, герпетология, зоогеография, фаунистика, экология, сохранение биоразнообразия и живой природы в целом, заповедное дело, история зоологических исследований, вопросы вузовской науки и организации высшего образования и т.д. Значительное число его работ посвящено проблемам сохранения редких видов, охране и рациональному использованию природных ресурсов Туркменистана и всей Средней Азии.

А.К. Рустамов – провинциальный зоолог из далекой республики Советского Союза, стремительно вошел в орнитологическую элиту страны. В наши первые встречи с ним на разных конференциях мы с нескрываемым пиететом относились к молодому доктору наук, с которым на равных общались Г.П. Дементьев, Н.А. Гладков и другие признанные лидеры отечественной орнитологии. Помнится, как один из нас (В.М. Галушин, *прим. ред.*), юным аспирантом впервые участвующий в работе авторитетного научного форума – 3-ей Прибалтийской орнитологической конференции в Вильнюсе (1957 г.), восхищался блистательными выступлениями молодого, но уже маститого орнитолога из Ашхабада. На каждой из конференций Анвер Кеюшевич неизменно выдвигал новые оригинальные идеи и положения – о жизненных формах в орнитологии, об адаптациях птиц к культурному

ландшафту, о системе «хищник-жертва» в аридных условиях. В 1950-е годы А.К. Рустамов с коллегами разрабатывал проблему взаимоотношений хищных птиц и грызунов в пустыне, которую ранее изучала школа А.Н. Формозова применительно к степным местообитаниям. Результаты этих значимых исследований во многом определили интерес В.М. Галушина к анализу синхронного и асинхронного типов движения системы «хищник-жертва».

На многих конференциях и научных форумах мы, и не мы одни, всегда внимали ярким выступлениям Анвера Кеюшевича, восхищались его безукоризненным русским языком, отточенными научными формулировками, всем его обликом состоявшегося ученого и руководителя. Сразу бросалась в глаза его образованность, от него исходила какая-то необычная мудрость, весь его лик был ликом мудреца. Естественно, что на конференциях неизбежна дистанция между начинающими и состоявшимися учеными, но Анвер Кеюшевич, несмотря на высокий научный и социальный статус, в беседах с коллегами и, что особенно льстило, с нами молодыми тогда учеными, никогда этого не показывал и не подчеркивал. Тем не менее, мы взирали на него как бы «снизу вверх». Именно таким он нам запомнился. Например, одному из нас (В.Г. Кривенко, *прим. ред.*) впервые посчастливилось увидеться с Анвером Кеюшевичем в 1969 г. на IX Международном конгрессе биологов-охотоведов в Москве. В кратковременной беседе он близко расположил к себе, проявил искренний интерес и уважение и ни разу не выразил следов высокомерия, которое часто присуще мэтрам такого масштаба. А другому из нас в конце того же года посчастливилось лично пообщаться с Анвером Кеюшевичем и в неслужебной обстановке, когда я (В.М. Галушин, *прим. ред.*) трудился экспертом ЮНЕСКО в Дели. Там состоялась X Генеральная ассамблея Международного союза охраны природы. На Ассамблею прибыла представительная советская делегация, возглавляемая профессором А.Г. Банниковым. За порядок в делегации отвечал А.К. Рустамов, и делегаты демонстрировали образец дисциплинированности: долгие часы заседаний докладчикам внимали все делегаты, несмотря на то, что многие из них были руководителями областных и республиканских отделений по охране природы бывшего СССР и, естественно, не понимали по-английски. После «домашних посиделок» и совместных экскурсий у нас сложились дружеские отношения с Анвером Кеюшевичем, которые продолжились и потом, при встречах на родине и на последующих Конгрессах МСОП, в том числе и в Заире (Киншаса) и,

конечно же, на знаменитой XIV Генеральной Ассамблее МСОП, великолепно организованной А.К. Рустамовым и блистательно проведенной в 1978 г. в Ашхабаде.

Одна из встреч В.Г. Кривенко с А.К. Рустамовым – первое заседание (в 1981 г.) редколлегии по многотомному изданию «Птицы СССР». При подготовке схемы раздела «Местообитание» для повидовых очерков было высказано много неясных предложений. В заключительном выступлении Анвер Кеюшевич предложил «трехуровневый подход» для этого раздела - ландшафт, биотоп, станция, и все встало на место. Меня поразили его профессионализм и ясное видение этого, казалось простого вопроса. Воистину: краткость и ясность мысли – сестры таланта.

Еще один штрих к человеческим качествам Анвера Кеюшевича. Однажды в 1970-е годы экспедиционная группа ученых педагогического института (МГПИ им. В.И. Ленина, *прим, ред.*) вместе с В.М. Галушиным, возвращаясь из Красноводска (ныне Туркменбаши, *прим.ред.*), остановилась на пару дней в Ашхабаде. С скромной просьбой посодействовать своевременному приобретению железнодорожных билетов до Москвы обернулась радушной заботой о нас А.К. Рустамова и его ученика – О.С. Сопыева и столь роскошным приемом, словно мы были не группой из пединститута, а высокопоставленной зарубежной делегацией. Прошли десятилетия, а моя нынешняя супруга Татьяна и другие участники нашей поездки с искренней признательностью вспоминают тот замечательный прием. В этой жемчужине доброты во всей красе отразилась глубинная восточная мудрость: друзья моего друга – мои друзья!

И, наконец, А.К. Рустамов – провидец. Однажды за большим столом в уютном ашхабадском дворике на улице Степной 21, Анвер Кеюшевич попросил встать трех молодых тогда доцентов - Н.Дроздова, О.Сопыева и В.Галушина. Он безоговорочно потребовал от них вырасти до профессоров. Сегодня мы докладываем: «Ваш наказ, Анвер Кеюшевич, выполнен!».

Государство и научное сообщество по достоинству оценили научную, педагогическую, общественную и природоохранную деятельность А.К. Рустамова. Он был избран академиком АН Туркменистана (1975 г.), удостоен Почетных званий «Заслуженный деятель науки» (1967 г.) и «Лауреат государственной премии» (1983 г.) Туркменистана, отмечен многими другими правительственными наградами.

Идеи ученого воплощены в жизнь в Красных книгах Туркменистана (1985, 1999, 2011); Стратегии и плане действий по сохранению

биоразнообразия Туркменистана (2002 г.); Национальном плане действий по охране окружающей среды (2002 г.); Программе по Ключевым орнитологическим территориям Туркменистана (2009 г.); Законе Туркменистана об особо охраняемых природных территориях (2012 г.) и стратегии дальнейшего развития их сети и многих других основополагающих документах.

Множество самых разных людей из самых разных сфер науки и образования, природоохранной и общественной деятельности, политики и государственного управления чтят Анвера Кеюшевича Рустамова как учителя и наставника, талантливого ученого и видного организатора. Все мы храним самую добрую память об этом выдающемся человеке и гражданине. Анвер Кеюшевич Рустамов навсегда с нами, со своим народом, с Родиной.

ВЫДАЮЩИЙСЯ УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, ОБЩЕСТВЕННИК И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПРИРОДЫ ТУРКМЕНСКОЙ ЗЕМЛИ

О.С. Сопыев

Кандидат биологических наук, доцент Туркменского сельскохозяйственного университета, Заслуженный работник образования Туркменистана
(г. Ашхабад)

А.К. Рустамов – сын земли Туркменской. Проходят годы, забываются отдельные факты. Однако есть личности, которые навсегда остаются в истории, в памяти народа. Именно к таким личностям, без всякого сомнения, относится наш незабвенный Анвер Кеюшевич.

Профессор МГУ им. М.В. Ломоносова Г.И. Симкин в своем очерке (в этой книге) пишет, что Анвер Кеюшевич был последним патриархом среди ученых-зоологов второй половины прошлого столетия – XX века. Он пронес накал научного горения и борьбы через всю жизнь и все, что он успел сделать, останется в анналах (летописях истории) разных разделов зоологической науки, которой он верно служил до конца жизни. Жизненный путь его закончился в той же стране, где он родился и которую любил всем сердцем. Его прах был предан каракумской земле, с исследования которой начался большой путь ученого.

17 декабря 2012 г. Анверу Кеюшевичу исполнилось бы 95 лет, пусть земля Каракумов остается для него спокойной обителью, а мы сохраним о нем светлую память.

В далеком 1916 г. семья учителя Кеюша Алескеровича Рустамова

переехала из Карабаха в Ашгабат, где год спустя, 17 декабря 1917 года, родился четвертый ребенок – сын Анвер.

Обучаясь на естественном факультете Туркменского педагогического института (1934-1938 гг.), он еще в студенческие годы руководил научным студенческим семинаром у профессора М.К. Лаптева. От него молодой ученый унаследовал фанатическую внутреннюю потребность к научной и преподавательской работе. Именно М.К. Лаптев привил способному студенту научный интерес к изучению природы.

М.К. Лаптев был талантливым и широко образованным человеком. Его отличала большая любовь к студенческой молодежи. Творческая атмосфера, царившая на руководимой М.К. Лаптевым кафедре зоологии, работа с обширной литературой, знакомство с научной коллекцией, представленной в музее естественной истории, активное участие в работе зоологического кружка пробудили у А.К. Рустамова большой интерес к науке.

Под руководством М.К. Лаптева Анвер Кеюшевич участвовал в экспедиции на Амударью. Результатом той экспедиции и обработки коллекционного материала стала защита кандидатской диссертации «Птицы биоценоза Амударьи» (1943). Было ему в ту пору всего 26 лет, три из которых отданы преподаванию в физкультурном техникуме сразу после окончания института, два – армии, а также фронту в начале Второй мировой войны.

В годы войны в Ашгабат был эвакуирован Московский университет им. М.В. Ломоносова. С ним приехали многие ученые-биологи, которые приложили значительные усилия к изучению природы Туркменистана и сохранили глубокий интерес к ней до конца жизни. Среди них были такие уникальные личности мира науки как Г.П. Дементьев, А.Н. Формозов, В.Г. Гептнер и многие другие. Именно под влиянием Г.П. Дементьева сформировался научный интерес А.К. Рустамова – он стал изучать птиц пустыни Каракум. Эту великую пустыню, безграничную природную лабораторию он потом изъездил, а, вернее исходил вместе со своими многочисленными учениками, вдоль и поперек.

Особое влияние на становление ученого оказала многолетняя работа и дружба со всемирно известным зоологом, профессором Московского государственного университета Г.П. Дементьевым, чьим докторантом был А.К. Рустамов. Учитель щедро делился с учеником обширными знаниями, литературой из своей богатейшей библиотеки, являл собой пример трудолюбия и целеустремленности.

Г.П. Дементьев ввел А.К. Рустамова в круг известных зоологов,

работавших в те годы в Зоологическом музее и на биологическом факультете Московского государственного университета. Это были С.И. Огнев, В.Г. Гептнер, С.С. Туров, А.Н. Формозов, Н.А. Гладков, Г.В. Никольский, Е.П. Спангенберг, Е.С. Птушенко.

Вся жизнь и деятельность А.К. Рустамова связаны с родной Туркменией, одним из самобытнейших и интереснейших природных регионов на пространстве стран СНГ.

Будучи учеником профессоров М.К. Лаптева и Г.П. Дементьева, Анвер Кеюшевич сумел за короткое время выдвинуться в число ведущих зоологов. Его имя приобрело большую известность после защиты в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова в 1950 г. диссертации на соискание ученой степени доктора биологических наук и публикации в 1954 г. монографии «Птицы пустыни Каракум». Молодому доктору наук, профессору А.К. Рустамову было в то время лишь 32 года. Успех ученого был замечен. «Литературная газета» 28 декабря 1950 г. писала: «По единодушному мнению виднейших специалистов, докторская диссертация А.К. Рустамова восполняет большой и очень существенный пробел в наших знаниях не только о птицах пустыни Каракум, но и пустынь других районов».

И впоследствии, в течение более сорока лет, ученый плодотворно продолжал исследования фауны и экологии позвоночных животных наших пустынь, по праву считался и считается одним из лучших ее знатоков. Обо всем этом при неоднократных встречах поведали мне в свое время Г.П. Дементьев, А.Г. Банников, В.Е. Флинт, Н.Н. Дроздов.

Жизнь, отданная служению науке, образованию, воспитанию молодых национальных кадров, длинный перечень почетных званий, титулов и наград, более 500 научных трудов, десятки учеников-кандидатов и докторов наук, многие из которых стали известными учеными. И вместе с тем – добрый и отзывчивый, личность незаурядных способностей, человек большого сердца – таким запомнился Анвер Кеюшевич всем, кто его знал.

Академик, доктор наук, около 30 лет умело возглавлявший Туркменский сельскохозяйственный институт (ныне университет), в науке был очень требовательным. Он любил повторять: «Наука – это океан, и даже умеющий в нем плавать, может погибнуть или, не одолев его, возвратиться назад». Сам он никогда назад не возвращался, двигался только вперед, вел за собой молодых и всегда одерживал победу.

Краткий обзор научно-педагогического творчества. Круг научных интересов ученого чрезвычайно широк. Орнитология, герпетология,

экология, зоогеография, история зоологии Средней Азии, заповедное дело, охрана природы, научно-методические вопросы высшего образования – вот далеко неполный перечень проблем, разработкой которых он занимается. И все же ведущим и любимым разделом зоологии для него была и остается орнитология. Вслед за Г.П. Дементьевым он рассматривает птиц лишь в качестве модели для изучения биологических проблем. В частности, в уже упомянутой книге по птицам пустыни Каракумы и в других публикациях освещены многие вопросы адаптации животного организма к аридным условиям.

Совместно с учениками А.К. Рустамову удалось собрать значительное количество фактов адаптивного параллельного развития у многих видов птиц. Параллельные приспособления в большинстве своем общи для пустынных форм и направлены на существование различных видов в экстремальных условиях дефицита влаги, избытка инсоляции, резкого перепада температур. В итоге исследователь пришел к выводу, что морфофизиологические и эколого-этологические приспособления, выработавшиеся под давлением отбора, служат птицам пустыни для экономии энергетических затрат (в частности, расходования влаги) и поддержания обмена веществ на относительно низком уровне. Эта проблема рассматривается ученым в цикле работ.

Долгие годы А.К. Рустамов разрабатывал весьма важную в научном и практическом отношении проблему фауны, экологии и зоогеографии антропогенных ландшафтов. С уверенностью можно сказать, что ученый является одним из зачинателей исследований этой научной проблемы в пространстве стран СНГ. Понятие «антропогенный ландшафт», его классификация, экологические и этологические изменения, возникающие у птиц в связи с входжением в антропогенные ландшафты, региональные, в частности, аридные аспекты животного мира преобразуемых пустынных территорий, содержание, цели и задачи антропогенной зоогеографии как науки – вот круг вопросов, рассматриваемых ученым в данном направлении исследований. Эти исследования свидетельствуют о важной роли антропогенных воздействий и факторов как движущей силы отбора в экологических и микроэволюционных процессах пустынных экосистем. В определенной мере итогом этих изысканий является совместный с Н.А. Гладковым обобщающий труд «Основные проблемы изучения птиц культурных ландшафтов» (1965).

Среди орнитологических публикаций А.К. Рустамова следует выделить монографию «Птицы Туркменистана» (1958), насыщенную

огромным количеством новых фактов. Здесь ученый выступает как фаунист, систематик, эколог и зоогеограф. Его орнитологические работы в географическом плане выходят далеко за пределы Туркмении. Он является одним из авторов монументального сочинения «Птицы Советского Союза» (1951-1954), удостоенного Государственной премии СССР.

В конце XX века орнитологи издавали новую капитальную сводку «Птицы СССР». Первые два тома ее, где А.К. Рустамов является автором очерков по ряду видов, опубликованы (1982, 1986). Заметим, что в Германии начата работа по переводу издания.

Перу А.К. Рустамова принадлежат более 500 работ – книг, брошюр и научных статей, отличающихся богатством материала, добытого им и его учениками в многочисленных экспедициях, и глубоким научным обоснованием фактов.

Кроме названных, упомянем и те научные проблемы, в разрешение которых исследователь внес свое личное понимание и интерпретацию. Это, прежде всего, понятие о жизненных формах в экологии, рассматриваемое ученым с точки зрения эколого-географического изоморфизма, исторически приведшего к выработке у животных различных систематических групп сходных морфологических, экологических и этологических приспособлений в условиях данного ландшафта. Подход А.К. Рустамова к проблеме жизненных форм оригинален, хотя и дискутируется в литературе.

Ученый акцентирует внимание на изучении принципов зоогеографического анализа региональных фаун и выяснении эколого-зоогеографической сущности понятия «фаунистический комплекс». Он считает, что для правильной оценки зоогеографического облика ландшафта и региона в одинаковой мере ценны как доминантные, так и малочисленные редкие виды.

Интересные мысли высказаны ученым о полифагии. Суть их сводится к тому, что полифагия у животных обязательно сопровождается определенной кормовой специализацией. В некоторых работах рассматриваются вопросы колебания численности животных и взаимоотношений хищника и жертвы.

К изучению герпетологии А.К. Рустамов подошел будучи зрелым орнитологом. Им опубликован ряд интересных фаунистических, экологических и зоогеографических работ. Его небольшая, но весьма содержательная статья «Краткий обзор герпетофауны Туркмении и ее зоогеографические особенности» (1966) была первым конспектом после известной работы С.А. Чернова по герпетофауне Туркмении.

То же можно сказать и о работе ученого по земноводным республики. А.К. Рустамов – соавтор двух сводок по земноводным и пресмыкающимся СССР. Совместно с учениками им опубликованы интересные статьи по экологии ряда видов пресмыкающихся, остававшихся почти неисследованными. Работа, написанная в соавторстве с С.Шаммаковым «On the herpetofauna of Turkmenistan» (1982), является существенным вкладом в герпетологию Средней Азии и особенно ценна для зарубежного читателя. Оригинальные выводы сделаны А.К. Рустамовым при рассмотрении зоогеографических связей герпетофаун Средней Азии и Кавказа. Совместно с Н.Н. Щербаком им впервые проведено герпето-географическое районирование Средней Азии. В зоогеографическом и методическом плане интерес представляет статья А.К. Рустамова «Опыт оценки степени видового эндемизма герпетофаун Ирана, Афганистана и Средней Азии» (1981).

Последние десятилетия его жизни характеризуются повышенным вниманием многих биологов к проблемам охраны природы. Будучи вдумчивым и знающим экологом, А.К. Рустамов вошел в науку об охране природы как исследователь, всецело отдающий себя изучению актуальных ее проблем. Еще в 1963 г. он приложил немало усилий для подготовки такого важного для Туркменистана документа, как «Закон об охране природы ТССР». В 1980-1990-е годы все природоохранительные акты, принимаемые директивными органами, осуществляются при научной консультации А.К. Рустамова.

Следует подчеркнуть, что ученый разрабатывает теоретические основы охраны природы как науки. Немало сделано им в изучении закономерностей антропогенного воздействия на аридные земли. Цикл его статей посвящен проблемам рационального использования и охраны природных богатств наших пустынь. Большой интерес проявляет он к заповедному делу. Написанные им очерки повествуют о природе заповедников Туркменистана; автор делится своими впечатлениями от посещения зарубежных природных резерватов (в Индии и Заире).

Охрана редких видов животных и растений стоит в ряду наиболее острых и злободневных проблем. Это обстоятельство продиктовало необходимость создания Красных книг СССР и союзных республик. В Туркмении первым на это откликнулся А.К. Рустамов, использовавший при подготовке Красной книги Туркменской ССР свой огромный опыт и знания зоолога, способность оценить реальную экологическую ситуацию. Красная книга Туркменской ССР под редакцией А.К. Рустамова вышла в свет в 1985 г. на русском и туркменском языках. Она подготовлена коллективом авторов,

но многие страницы принадлежат перу А.К. Рустамова.

Почти 50 лет А.К. Рустамов успешно сочетал научную работу с педагогической деятельностью. Он являлся одним из организаторов высшего сельскохозяйственного образования в Туркменистане. Сорок лет Анвер Кеюшевич связан с Туркменским ордена «Знак Почета» сельскохозяйственным институтом сначала в качестве заведующего кафедрой зоологии, с 1978 г. – кафедрой охраны природы (на общественных началах) и уже почти три десятилетия – в качестве ректора этого старейшего вуза. Организаторский талант и педагогическое мастерство позволили ему при активной поддержке всего коллектива добиться заметного улучшения подготовки кадров, столь необходимых для интенсивно развивающегося сельского хозяйства республики. За годы существования вуз выпустил более 24 тыс. специалистов, из них около $\frac{3}{4}$ - за последние три десятилетия.

Анвер Кеюшевич долгие годы читал курс зоологии в ТСХИ, а в последние двадцать лет полностью переключился на преподавание охраны природы. В соавторстве с А.Г. Банниковым им составлено первое учебное пособие и разработана программа курса охраны природы для студентов сельскохозяйственных вузов СССР (1977), второе издание которого опубликовано в 1985 г.

Много внимания А.К. Рустамов уделял популяризации знаний о животном мире нашей страны. Назовем лишь две книги, пользующиеся большой популярностью у широкого круга читателей: «В зное и стуже» (1967, 1976), переведенной на литовский язык (1984), и «Животные культурных ландшафтов» (1975). Он соавтор очерков о жизни птиц в книге «Жизнь животных» (2 издание).

А.К. Рустамов уделял большое внимание расширению международных связей. Большой интерес А.К.Рустамова к проблемам охраны природы способствовали расширению его международных связей. Он участник X (Индия, 1969) и XIII (Заир, 1975) Генеральной Ассамблеи Международного союза охраны природы и природных ресурсов (МСОП), на которых избирался в состав Комиссии по просвещению, а также по планированию ландшафтов. А.К. Рустамов участвовал в Международной конференции ЮНЕСКО «Человек и биосфера», проходившей в Париже (1968), и в подготовленной ЮНЕП, ЮНЕСКО и МСОП конференции по природоохранному просвещению, состоявшейся в Тбилиси (1977). Ученый возглавил делегацию бывшего Союза на совещании в Иране (1975) по охране и рациональному использованию природных ресурсов засушливых районов Ближнего Востока и Юго-Западной Азии, на котором выступил с

докладом об основных направлениях научных исследований и практических природоохранных мероприятиях, проводимых в аридных районах бывшего СССР.

В качестве генерального секретаря Оргкомитета XIV Генеральной ассамблеи МСОП, состоявшейся в 1978 г. в Ашгабате, А.К. Рустамов принимал активное участие в подготовке и проведении этого важного совещания, собравшего представителей 58 стран мира. Этот международный форум ученых и общественных деятелей в области охраны окружающей среды еще раз показал всему миру возросший еще тогда авторитет нашей страны в этой области и всевозрастающее внимание со стороны бывшего СССР к мероприятиям по охране природы и международному сотрудничеству по проблемам охраны природы.

А.К. Рустамов на XIV Генеральной ассамблее МСОП избран в состав руководящего органа этой весьма авторитетной природоохранной организации.

В течение ряда лет (1975-1979) руководил частью проекта «Охрана аридных экосистем», поддерживал и развивал связи с американскими учеными, занятыми реализацией этого проекта. Являлся членом советской национальной группы Госагропрома бывшего СССР по связям с МСОП. Признанием большого вклада нашей страны в дело охраны природы Туркменское общество охраны природы стало его принятие в члены МСОП. По поводу этого знаменательного события была организована специальная публичная встреча А.К. Рустамова с президентом МСОП Д.Кюненом, на которой посчастливилось присутствовать и мне.

Обществом охраны природы республики опубликована в 1978 г. специальная книга «Охрана природы Туркменистана». В этой книге впервые предпринята попытка охарактеризовать все природные ресурсы республики и дать рекомендации по их комплексному использованию и охране. А.К. Рустамов – редактор и автор разделов книги, посвященных животному миру, его охране и рациональному использованию, а также заповедникам Туркменистана. Эта красочно оформленная книга была выпущена накануне XIV Генеральной ассамблеи МСОП и вручена участникам этого важного международного форума.

А.К. Рустамов в заключительной части своей последней книги «Животный мир Туркменистана и его охрана», вышедшей после его кончины (2011), отмечает важность международного сотрудничества и интеграции.

В 1996 г. Туркменистан присоединился к Конвенции о биологическом разнообразии, затем – к Конвенции по борьбе с опустыниванием, а также

– к Рамочной конвенции об изменении климата, Венской конвенции и Монреальскому протоколу по озоновому слою, Тегеранской конвенции по охране природной среды Каспийского моря. Все они, как отмечает А.К. Рустамов в вышеупомянутой книге, так или иначе, имеют отношение к охране животного мира. Выполнение обязательств по подобным международным договорам с учетом политики независимости и нейтралитета Туркменистана может сыграть большую роль в охране нашей дикой фауны. Поэтому международную кооперацию и расширение ее в этой области следует только расширять. В целом партнерство и интеграция в сфере биоразнообразия, в частности, животного мира, и, особенно в охране угрожаемых видов животных, приобретает все большее распространение. Это очень перспективно и выгодно. Двигаясь в этом направлении, можно решить очень сложные и трудоемкие задачи. Наглядным примером может служить Программа «Ключевые орнитологические территории», стартовавшая в Туркменистане в сентябре 2004 г.

Изданная Министерством охраны природы Туркменистана (на основе разработки международных проектов при финансовой поддержке Всемирного экологического фонда) книга государственной важности «Стратегия и план действий по сохранению биоразнообразия» (2002) и является элементом процесса реализации Конвенции о биологическом разнообразии. На этой основе создан «Национальный план по охране окружающей среды Президента Туркменистана Сапармурада Туркменбаши Великого» (2002), который считается настоящей государственной программой неуклонного повышения уровня благосостояния народа, что возможно лишь при условии сохранения баланса в окружающей его природной среде.

В основе вышеупомянутых государственной важности программных книг лежит необходимость понимания нормального функционирования природной среды, что является условием устойчивого развития общества в целом. Эти понятия проходят красной нитью через научно обоснованные концепции А.К. Рустамова. Он в своих научных трудах и программных выступлениях на международных форумах неустанно подчеркивал, что исчезновение тех или иных компонентов биологического разнообразия влечет за собой утрату целого ряда видов и разрушение экосистем. Поэтому сохранение биологического разнообразия, устойчивое использование биологических ресурсов и получение выгод от этого – перечень вопросов, вытекающих из результатов научных разработок А.К. Рустамова, составили суть изданных вышеупомянутых книг (2002, 2002). Изучение

биоразнообразие на национальном уровне осуществлено в рамках международных стандартов, ориентировано на сохранение видов, мест их обитания, ландшафтов и является элементом процесса реализации международной Конвенции о биологическом разнообразии.

Многогранна общественная деятельность А.К. Рустамова. А.К. Рустамов обширную научно-педагогическую и административную работу успешно сочетал с многогранной общественной деятельностью (депутатская работа, правительственные поручения, участие в подготовке и проведении национальных, всесоюзных форумов в качестве вице-президента, или члена, лекционная пропаганда и т.д.).

Многие годы он был постоянным членом ряда проблемных советов бывшего АН СССР и АН ТССР, Всесоюзных орнитологических, герпетологических и зоогеографических комитетов, членом редколлегий и нескольких ученых советов.

В составе республиканского научного совета по проблемам научно-технического и социально-экономического прогнозирования он возглавлял проблемную комиссию «Охрана природы ТССР на 20 лет».

Он был членом Президиума общества «Знание» Туркменистана и председателем его ашгабатской организации. А.К. Рустамов неоднократно избирался депутатом Верховного Совета Туркменской ССР (1963-1971 гг.), а затем областного и городского Советов народных депутатов.

Будучи создателем и бессменным председателем (1968-2000 гг.) общества охраны природы Туркменистана, Комиссии по охране природы АН бывшего ТССР, он писал публицистические статьи, научно-популярные брошюры, выступал по туркменскому радио и телевидению, организовывал конференции по охране окружающей среды. Общество охраны природы Туркменистана в те годы выпустило десятки научных сборников, в которых рассматривались актуальные вопросы охраны самобытной природы Туркменистана.

А.К. РУСТАМОВ БЫЛ И ОСТАНЕТСЯ В РЯДУ ВЫДАЮЩИХСЯ ЗООЛОГОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX СТОЛЕТИЯ

Г.И. Щербак

Доктор биологических наук, профессор,
Лауреат Государственной премии СССР (г. Киев)

Впервые я услышала об Анвере Кеюшевиче Рустамове в 1958 г. из уст

известного украинского орнитолога Михаила Анатольевича Воинственского, нашего университетского преподавателя, а также научного руководителя кандидатской диссертации моего супруга – Николая Николаевича Щербака. Михаила Анатольевича и Анвера Кеюшевича связывала многолетняя дружба, начавшаяся во время докторантуры у профессора Георгия Петровича Дементьева. Отзывы были самые лестные. А Николай Николаевич познакомился с Анвером Кеюшевичем в Москве у Андрея Григорьевича Банникова. Моего мужа поразили широкий кругозор А.К. Рустомова, как ученого, его интерес ко многим общим вопросам зоологии, проблемам охраны природы, глубокие познания и по другим группам животных (раньше мы знали его только как орнитолога). К тому же он оказался очень обаятельным человеком.

Мне же лично впервые посчастливилось встретиться с Анвером Кеюшевичем в 1978 г. во время экспедиции киевских зоологов в Туркмению. Должна заметить, что в 1964-1991 гг. Зоологический музей Академии Наук Украины организовал 60 научных экспедиций. Они охватывали территорию от Карпат до Курильских островов. Пятнадцать экспедиций работали на территории Туркмении. В первых же записях дневников каждой из этих экспедиций имеется информация о визитах к Анверу Кеюшевичу Рустомову. Он вместе со своими учениками, в частности, Овезом Сопыевым оказывал украинским зоологам большую помощь не только добрым словом, но и непосредственной поддержкой в организации быта, транспорта и многом другом.

Вспоминаю свой первый визит к Анверу Кеюшевичу Рустомову в ректорском кабинете. Вижу, как встает из-за стола и идет нам навстречу красивый представительный человек. Сразу же завязалась беседа о киевских зоологах, моих планах. Мне казалось, что гамазовые клещи, предмет моих научных исследований, очень далеки от интересов академика А.К. Рустомова. Но он слушал меня с неподдельным интересом. С тех пор я много раз встречалась с Анвером Кеюшевичем в Ашхабаде и Киеве, познакомилась с его супругой Елизаветой Александровной, сыновьями, внуками. Должна признаться, это прекрасная семья.

Хочу сказать несколько слов о вкладе Анвера Кеюшевича в герпетологию. Он соавтор (вместе с И.С. Даревским и А.Г. Банниковым) одной из книг серии Справочника-определителя географа и путешественника - «Земноводные и пресмыкающиеся СССР» (изд.: «Мысль», 1971), а также капитального труда «Земноводные и пресмыкающиеся фауны СССР», (изд.: «Просвещение», 1977), в соавторстве, кроме выше названных, с В.Т. Ищенко,

Н.Н. Щербак. Это исследование стало настольной книгой герпетологов не только в СССР, но и во многих зарубежных странах. Данный научный труд не утратил своего значения и сегодня.

В сентябре 1981 г. в Ашхабаде проходила Всесоюзная герпетологическая конференция, в организации которой, наряду с АН СССР и Институтом зоологии ТССР, большое участие принимало Туркменское общество охраны природы во главе с А.К. Рустамовым. На конференции А.К. Рустамов сделал доклад «Опыт оценки видового эндемизма герпетофауны Ирана, Афганистана и Средней Азии». Уверена, что об этом великолепном докладе, как и многих других работах ученого, помнят его многочисленные коллеги и ученики.

Анвер Кеюшевич Рустамов был жизнеутверждающим человеком с чувством собственного достоинства, доброжелательным к людям и, что не так часто встречается в жизни, мудрым.

История воздаст должное научным трудам А.К. Рустамова, но уже сейчас можно с полным правом констатировать, что А.К. Рустамов был и остается в большом ряду выдающихся биологов XX века.

ПОСЛЕДНИЙ ПАТРИАРХ СРЕДИ УЧЕНЫХ-ЗООЛОГОВ XX ВЕКА

Г.Н. Симкин

Доктор биологических наук, профессор Московского
государственного университета (г. Москва)

М.В. Калякин

Доктор биологических наук, директор НИЗМ Московского
государственного университета (г. Москва)

Анвер Кеюшевич Рустамов относится к старшему поколению зоологов, которых мы знаем и почитаем и которые имели тесную связь с Московским государственным университетом во второй половине прошлого столетия. Он пронёс накал научного горения и борьбы через всю свою жизнь и всё, что он успел сделать, останется в анналах орнитологии, герпетологии, других разделов зоологической науки, которой он верно служил до конца жизни. Жизненный путь его закончился в той же стране, где он родился и которую любил всем сердцем. Его прах был предан каракумской земле, с исследования которой начался большой путь учёного. 17 декабря 2012 г. Анверу Кеюшевичу исполнилось бы 95 лет, и пусть земля Каракумов остается ему спокойной обителью. Мы же сохраним о нём светлую память.

В 1938 г. по окончании естественного факультета Ашхабадского педагогического института им. А.М. Горького, получив диплом с отличием, будущий исследователь поступает в аспирантуру того же института. Его первым учителем стал заведующий кафедрой зоологии профессор М.К. Лаптев (1885-1948), один из крупных исследователей животного мира и природы Средней Азии, человек высокой культуры, широких биологических знаний. Позже на формирование творческих интересов, методов научной работы, мировосприятие молодого исследователя большое влияние оказала многолетняя совместная работа, переросшая в дружбу, с выдающимся советским зоологом, орнитологом, одним из наиболее заметных деятелей охраны природы, профессором Московского университета Г.П. Дементьевым (1898-1969), который был и остается гордостью и славой отечественной орнитологии.

Связь молодого ученого с Московским университетом, в частности, с его Зоологическим музеем, в стенах которого Анвер Кеюшевич работал над докторской диссертацией, и лабораторией орнитологии при кафедре зоологии позвоночных животных, оказала глубокое влияние на всю методологию его научного поиска. С первых шагов творческой деятельности ученого привлекали не только проблемы систематики, экологии, фаунистики, зоогеографии и охраны птиц. С большим энтузиазмом Анвер Кеюшевич работал практически в тех же аспектах и по другим группам позвоночных Средней Азии, Туркменистана, всему ареалу пустынь Северной Евразии (бывшего СССР). На наш взгляд, три ключевых момента уже с первых шагов отличали творческий поиск Анвера Кеюшевича – комплексный подход к охране природы, фауны, птиц, внимание к проблемам адаптивных приспособлений животных, углубленный ландшафтный подход в решении экологических и зоогеографических проблем.

О широте и академичности творческого поиска исследователя свидетельствуют первые его публикации: “Целесообразность и системосообразность организмов” (1940), “В.Л. Комаров как биолог-дарвинист” (1944), “Краткий обзор зоологических исследований, проведенных в Туркмении за 20 лет” (1944), “Животные ресурсы и зоологическая наука в Туркмении за годы Великой Отечественной войны” (1944), “Биоценоотические группировки и географическое распространение птиц поймы Амударьи” (1945), “Европейская лесная “гирканская” фауна в Копетдаге” (1945). В период работы над докторской диссертацией в 1947-1950 гг. среди публикаций ученого появляются работы по

экологической морфологии, систематике, проблеме жизненных форм: “Основные направления адаптации крыла вороновых птиц” (1948), “К морфофункциональному изучению оперения крыла птицы” (1948), “Особенности окраски хохлатых жаворонков Средней Азии и связь их с субстратом” (1949). В эти же годы внимание исследователя привлекают новые по тем временам проблемы развития “культурного ландшафта”. Своей работой “Караванные пути в Каракумах как элемент культурного ландшафта” (1948), ученый, по сути, заявил о себе как одном из пионеров и теоретиков этой проблемы. Уже на первом этапе своей творческой деятельности Анвер Кеюшевич становится одной из ключевых фигур отечественной зоологии, орнитологии и зоогеографии. Он не только успешно развивает классические традиции российской, московской и региональных школ эволюционной анатомии, фаунистики, зоогеографии, но и выходит на передовые рубежи новых направлений полевой зоологической науки.

Дальнейшее направление исследований было нацелено на пустыню Каракумы, к изучению птиц которой А.К. Рустамов приступил в 1944 г., начиная с совместной поездки с профессором Г.П. Дементьевым в Восточные Каракумы (Репетек), следуя советам Г.П. Дементьева – своего главного, как он считал, учителя. В 1946-1949 гг. А.К. Рустамов обучался под его руководством в заочной докторантуре, итогом стала защита в 1950 г. в Московском университете докторской диссертации «Птицы пустыни Каракумы», опубликованной отдельной монографией в 1954 г.

С 1947 г. А.К. Рустамов становится заведующим кафедрой зоологии Туркменского сельскохозяйственного института. На руководимой им кафедре он читает курс общей зоологии до 1977 г., а в 1978 г. становится заведующим созданной им в том же институте первой кафедры охраны природы в Туркменистане и среди ВУЗов сельскохозяйственного профиля бывшего СССР. Совместно с А.Г. Банниковым он разрабатывает соответствующий курс лекций и полностью переключается на его чтение. Одновременно, с 1950 по 1964 гг., Анвер Кеюшевич преподает на кафедре зоологии Туркменского государственного университета (курсы: «Зоология позвоночных», «Дарвинизм», «Экология животных», «Фауна Туркменистана» и др.), а с 1960 по 1988 гг. совмещает все это с выполнением обязанностей ректора Туркменского сельскохозяйственного института.

В 1988-1997 гг. А.К. Рустамов – профессор кафедры охраны природы сельскохозяйственного института, а в 1992 г. создает ещё и лабораторию по изучению и охране птиц Средней Азии, но в академической структуре –

Институте зоологии АН Туркменистана. Он руководит этой лабораторией (по совместительству) до конца 1997 г. но не оставляет и преподавательскую деятельность. В 1998 г., в возрасте 80 лет, А.К. Рустамов выходит на заслуженный отдых, но связи с родным вузом не теряет, остается Почётным членом Учёного совета института. Таким образом, 60 лет жизни Анвер Кеюшевич посвятил не только изучению животного мира Средней Азии, в частности, Туркменистана, но и первому высшему учебному заведению этой страны – Туркменскому сельскохозяйственному институту (ныне – агроуниверситет), который, как свидетельствуют недавняя история и рассказы наших туркменских коллег, можно сказать без преувеличения, был превращен А.К. Рустамовым во флагман высшего образования Туркменистана.

В годы научной зрелости А.К. Рустамовым выполнен комплекс работ в многотомной сводке “Птицы Советского Союза”. В 1960-1970-е годы исследователь публикует десятки статей, посвященных проблемам культурного ландшафта, региональным исследованиям фауны птиц, амфибий, рептилий Средней Азии. Все большее внимание сосредоточивает Анвер Кеюшевич на проблемах комплексной охраны птиц и других наземных позвоночных Туркменистана, Средней Азии и пустынь Палеарктики.

Хотелось бы специально отметить одну из замечательных черт творческой работы исследователя: подавляющее большинство публикаций подготовлено лично автором, лично собраны и основные материалы его работ. В списке его книг и статей будущие историки науки не заметят и тени так распространенной в те годы манеры “возглавлять творческие коллективы” и ставить фамилию руководителя в работах учеников.

С точки зрения сухой логики, у человека, совмещавшего работу на таких сложных административных должностях с целым рядом общественных нагрузок и обязанностей, не должно было бы оставаться ни времени, ни желания, ни сил для занятий наукой. Однако Анвер Кеюшевич сохранил верность науке. Причём, орнитологией он занимался более чем профессионально, как сейчас принято говорить, по всем мировым стандартам того времени, и добавим – со страстью и трепетом. Достаточно сказать, что он постоянно бывал в поле, в одну из своих последних экспедиций через Центральные Каракумы съездил (вместе с С.М. Успенским), когда ему было уже за семьдесят. А.К. Рустамов являлся одним из организаторов и постоянных участников всех 10-ти Всесоюзных орнитологических конференций; над рукописями книг, посвященных птицам и другим

позвоночным жи-вотным Туркменистана, а также истории зоологических исследований страны, он работал до последних дней жизни.

Верность научным интересам определялась как личными качествами А.К. Рустамова – его интересом к окружающему живому миру, так и огнём вдохновения, который зажёг в нём Георгий Петрович Дементьев. О нём в своих воспоминаниях (2002 г.) сам Анвер Кеюшевич пишет так: «Общаясь с ним и впитывая всё, что он говорил, я каждый раз наполнялся необыкновенным чувством гордости, что судьба свела меня с этим прекрасным человеком и учёным. Он стал для меня образцом не только классического учёного-зоолога, но и впоследствии большим другом». Можно добавить, что на А.К. Рустамова как учёного оказало большое влияние общение в период его пребывания в докторантуре и работы в Зоологическом музее МГУ с такими столпами отечественной зоологии как С.И. Огнёв, В.Г. Гептнер, А.Н. Формозов, Г.В. Никольский, Н.А. Гладков.

Дать в коротком памятном очерке подробную характеристику всего спектра проблем, разработкой которых занимался Анвер Кеюшевич, невозможно. Это теперь удел библиографов и историков естествознания. Но даже их простое перечисление позволяет понять размах научных интересов А.К. Рустамова: проблемы биоразнообразия Средней Азии; морфо-физиологические и эколого-этологические адаптации птиц, параллелизм и конвергенция адаптации к аридным условиям существования; фауна антропогенных ландшафтов; эколого-географический изоморфизм; особенности развития региональной фауны; пищевая специализация пустынных животных; охрана и рациональное использование пустынных экосистем; сохранение редких видов; заповедные территории и их роль в охране фауны и флоры; методологические аспекты вузовской науки и практики.

Способности организатора и руководителя позволили А.К. Рустамову создавать кафедры и лаборатории, объединять сильные научные коллективы. Он имел непререкаемый авторитет среди своих коллег и сподвижников. Научные коллективы, работавшие под его началом, стали настоящими кузницами кадров и центрами исследования природы Туркменистана и всего Среднеазиатского региона. А.К. Рустамову удавалось спланировать не только специалистов и практиков, но и силы общественности. В изучении животного мира и проблем его охраны огромная роль принадлежит Туркменскому обществу охраны природы, которое было создано в 1968 г. при непосредственном участии А.К. Рустамова. И он,

по праву, более 30 лет, начиная с момента учреждения, оставался его бессменным председателем.

В 1978 г. благодаря личной инициативе А.К. Рустамова Общество было принято в члены Международного союза охраны природы (IUCN). В 1970-1980-х гг. Туркменское общество охраны природы выступало организатором множества конференций по актуальным проблемам охраны и рационального использования природы как регионального, так и всесоюзного масштабов, выпустило целый ряд научных сборников. Под руководством А.К. Рустамова деятельность общества по изучению и охране фауны поднялось на высокий профессиональный уровень. Одной из главных заслуг Общества и А.К. Рустамова, как его лидера, считается научный и организационный вклад в разработку, создание и выпуск Красной книги Туркменистана (1985).

Также трудно переоценить роль А.К. Рустамова в создании региональной, по сути – межгосударственной рабочей группы по изучению птиц Средней Азии. Авторский коллектив (который после кончины А.К. Рустамова возглавил А.Ф. Ковшарь), к счастью, сумел преодолеть все преграды, возникшие после развала СССР, и завершить в 2007 г. выпуск региональной сводки «Птицы Средней Азии». Всего же перу А. К. Рустамова принадлежит более 450 научных и научно-популярных книг, брошюр, статей и очерков.

Список публикаций Анвера Кеюшевича свидетельствует о жизни, до предела насыщенной экспедиционной работой, поражающей современного исследователя широчайшим спектром профессиональных интересов, остротой творческой мысли, высоким незатухающим порывом в охране хрупких ландшафтов и животных пустыни.

Анвер Кеюшевич был последним патриархом среди ученых-зоологов середины прошлого века, по отношению к деятельности которых хотелось бы коротко заключить: «Этот незримый завет неустанного, по-своему фанатичного и страстного бытия в природе и жизни – блистательная и непреходящая ценность последнего поколения титанов, творческий подвиг которых, видимо, уже неповторим для новых поколений ни по накалу деятельности сил, ни организационно. Жизнь, боль и устремленность этого поколения будут вечным и вдохновляющим примером поколениям грядущим, уже не умеющим, возможно, и не желающим приносить эту жизнь науке от первой и до последней капли, без размышления и без остатка».

А.К. РУСТАМОВ – «ТУРКМЕНСКИЙ «СЭР ПИТЕР СКОТТ» »

А.В. Яблоков

Доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАН,
Вице-президент МСОП (г. Москва)

В истории Международного Союза Охраны Природы (IUCN) имя Анвера Кеюшевича Рустамова занимает видное место.

В 1968 г. им создается первая (и сегодня пока единственная, утвержденная Президентом Туркменистана) общественная природоохранная организация – Туркменское общество охраны природы (ТООП). С 1978 г. эта организация – полноправный член IUCN. Председателем ТООП, насчитывающего во второй половине XX века более 100 тыс. членов, А.К. Рустамов выбирался 6 раз, то есть в течение последующих 30 лет, вплоть до выхода на пенсию, и тогда ему было присвоено звание Почетного председателя этого общества.

Местом проведения XIV Генеральной Ассамблеи IUCN был избран Туркменистан (на предыдущей XIII Генеральной Ассамблее IUCN в Заире по предложению Советского Союза), и это не случайно. Дело в том, что Ассамблея в Ашхабаде была посвящена проблемам опустынивания, а опыт Туркменистана по изучению и охране аридных экосистем в то время был одним из показательных в мире. Признанным экспертом в вопросах охраны биоразнообразия аридных экосистем среди ученых бывшего СССР по праву считался А.К. Рустамов. Именно на него были возложены обязанности «хозяина» и Генерального секретаря Ашхабадской Ассамблеи IUCN.

А.К. Рустамов принимал также участие в работе X (Дели, 1969 г.) и XIII (Киншаса, 1975 г.) Ассамблей IUCN, а на XVI (Мадрид, 1984 г.) он избирался членом (на 1984-1992 гг.) Исполнительного совета IUCN. В 1985 г. ученый участвовал во Всемирной конференции по охране природы IUCN (Оттава, 1985 г.).

В 1973-1975 гг. А.К. Рустамов являлся членом Комиссии IUCN по просвещению, а в 1970 г. был участником семинара Восточно-Европейского комитета по просвещению (г. София, 1970 г.). В 1975-1983 гг. – работал в Комиссии IUCN по планированию.

А.К. Рустамов – признанный лидер в деле охраны природы среднеазиатского региона. Он – автор первого Закона Туркменистана по охране природы (1963 г.), организатор первой и единственной в стране кафедры по охране природы в Туркменском сельскохозяйственном

институте (1978-1998 гг.), создал первую лабораторию по редким видам животных (1981-1991 гг.) и первую лабораторию по охране биоразнообразия в Академии наук Туркменистана (1992-1997 гг.). Наконец, благодаря А.К. Рустамову, была создана первая Красная книга Туркменистана (1985 г.), и ведь не зря, в этом отношении, среди коллег, его называли «туркменским Питером Скоттом», сравнивая с выдающимся английским ученым (Peter Scott, 1909-1989), являвшимся одним из авторов идеи создания Всемирной красной книги IUCN. Кстати, Сэр Питер Скотт посещал Туркменистан в 1978 г. и познакомился с его природой.

В приветственном послании (от 16.12.2002) Анверу Кеюшевичу Рустамову от Генерального директора IUCN доктора Ахима Штайнера говорится, цитирую: «Дорогой профессор Рустамов, по поручению МСОП – Международного Союза по Охране Природы, пожалуйста, примите мои самые теплые поздравления с Вашим 85-летием. Ваш неоценимый вклад в охрану природы стал для всех нас вдохновляющим примером и продолжает положительно влиять на выполнение миссии МСОП: «Влиять, побуждать и помогать местным сообществам во всем мире в действиях по сохранению целостности природы и по обеспечению использования природных ресурсов на условиях равенства и экологической устойчивости». Наилучшие пожелания Вам, неизменного здоровья и процветания. [«Dear Professor Rustamov, On behalf of IUCN -The World Conservation Union, please accept my warm congratulations on the occasion of your 85th anniversary. Your invaluable contribution to the field of nature conservation has been an inspiration to us all and continues to play an important role in IUCN's ongoing mission to "influence, encourage and assist societies throughout the world to conserve the integrity of nature and to ensure that any use of natural resources is equitable and ecologically sustainable". With my best wishes for continued health and prosperity».]

А.К. Рустамов посвятил свою жизнь изучению и охране самобытной природы Средней Азии. Он автор свыше 460 научных работ, из которых более половины относятся к изучению проблем сохранения биоразнообразия этого уникального региона земли. Благодарную память о нем мы бережем в наших умах и сердцах.

ВЕЛИКИЙ ОРГАНИЗАТОР

А.Ф. Ковшарь

Доктор биологических наук, профессор, Президент Мензбировского орнитологического общества и Союза охраны птиц Казахстана,
Лауреат Государственной премии Казахстана (г. Алматы)

Когда уходят крупные ученые, литераторы или художники, оставившие после себя большое творческое наследие, то требуется некоторое (иногда значительное) время для того, чтобы по-настоящему глубоко оценить результаты их многолетней деятельности, их вклад в науку или культуру своей страны. И занимаются этим специалисты – историки науки и культуры. Тем же людям, кто имел честь общаться с этим ученым, остается лишь делиться своими воспоминаниями, которые помогут будущим историкам составить более полный и живой портрет этого человека. Вот такими воспоминаниями за более, чем 40-летний период времени, хочется поделиться и мне. Основными вехами нашего знакомства были Всесоюзные орнитологические конференции, на которых мы встречались, если не считать специальных моих поездок в Ашхабад в 1990-х годах.

Впервые я увидел Анвера Кеюшевича Рустамова 18 августа 1959 г. в Москве за столом Президиума 2-й Всесоюзной орнитологической конференции. Здесь были крупнейшие орнитологи Советского Союза: Г.П. Дементьев, Н.А. Гладков, А.И. Иванов, Л.А. Портенко, И.А. Долгушин, А.К. Рустамов, А.М. Судиловская. Каждое из этих имен вызывало у нас, начинающих орнитологов, нечто похожее на почтительную робость чувство, которое еще было свойственно молодежи в середине XX столетия. Высший пиетет испытывали мы к авторам основополагающих монографий – «Птицы СССР» (4 тома, 1951-1960) и особенно «Птицы Советского Союза» (6 томов, 1951-1954), удостоенным высшей награды – Государственной премии СССР. Анвер Кеюшевич в 5-м томе последней сводки писал очерки представителей Семейства врановых, а в 6-м томе – Рода рыжая славка; следовательно, в нашем понимании наряду с Дементьевым, Гладковым, Спангенбергом и Судиловской он был уже причислен к числу великих орнитологов.

На двух следующих Всесоюзных орнитологических конференциях, происходивших во Львове (1962 г.) и Алма-Ате (1965 г.), мне удалось рассмотреть Анвера Кеюшевича вблизи, когда своих учеников, представил ему наш руководитель – Игорь Александрович Долгушин. Высокий и

стройный, всегда изысканно одетый, А.К. Рустамов производил впечатление рафинированного интеллигента, что усиливалось на редкость правильной речью и богатым интонациями голосом, в котором нередко улавливались властные нотки. Последнее было вполне естественным, если учесть многолетний опыт преподавания, многие годы ректорства в Туркменском сельскохозяйственном институте и другие высокие посты, которые занимал Анвер Кеюшевич в своей республике: депутат Верховного Совета, Председатель республиканской Комиссии по охране природы, основатель и многолетний Председатель Туркменского общества охраны природы, Ответственный Секретарь Туркменского комитета защиты мира и т.д. Обращала внимание высокая степень общительности Анвера Кеюшевича, причем, не только с учеными своего круга, в котором он всегда особо выделял Георгия Петровича Дементьева – близость их взаимоотношений была видна с первого взгляда – но и с более молодыми орнитологами со всех концов необъятной страны, которых он, казалось, знал всех – от прибалтийцев до дальневосточников, от «пустынников» до «тундровиков».

По настоящему познакомились мы уже на 5-й орнитологической конференции, которая проходила в сентябре 1969 г. в Ашхабаде и которую организовал и провел Анвер Кеюшевич со своими туркменскими коллегами и помощниками. Надо сказать, что это была первая конференция после смерти признанного главы советской орнитологии Георгия Петровича Дементьева (тяжелой личной утраты для Анвера Кеюшевича) и лидера казахстанской орнитологии, организатора предыдущей 4-ой конференции, нашего учителя и близкого друга А.К. Рустамова – Игоря Александровича Долгушина. И, несмотря на эти траурные обстоятельства, Анвер Кеюшевич организовал и провел ашхабадскую конференцию блестяще.

Само сближение наше произошло довольно необычно – в свойственной Анверу Кеюшевичу манере поддерживать и пропагандировать все новое, что обратило на себя его внимание. В своем пленарном докладе «Орнитология Средней Азии», подводя итоги изученности птиц этого интереснейшего региона и ставя задачи перед исследователями на будущее, Анвер Кеюшевич в частности сказал: «Работая над сборником тезисов настоящей конференции, мы обратили внимание на сообщение А.Ф. Ковшаря «Об изученности гнездовой жизни воробьиных птиц Тянь-Шаня». Автор приводит интересные факты – за последние 15 лет в Тянь-Шане найдено свыше 2300 гнезд более, чем 120 видов воробьиных птиц. Если учесть, что по Тянь-Шаню до этого науке было известно не более 300

гнезд воробьиных птиц..., то будет ясно, какие большие успехи достигнуты в изучении гнездовой жизни воробьиных птиц Тянь-Шаня» (Рустамов, 1969, с. 27). И далее там же: «В этой связи одной из важнейших задач орнитологов Средней Азии, впрочем, и всей страны, на наш взгляд, следует считать выяснение (не вообще, а конкретно) – что, собственно, до сих пор неясно, по каждому виду птиц региона, где данный орнитолог работает. В самом деле, давайте откроем любую, даже хорошую, орнитологическую кандидатскую диссертацию и мы увидим, что ее автор рассказывает о состоянии изученности фауны до него обычно «крупными мазками». А если автор потрудился бы, подобно А.Ф. Ковшарю, заняться арифметикой изученности фауны его района, то тем самым он выполнил бы вдвойне полезную работу – не только для себя, но и для других» (Рустамов, 1969, с. 28). Стоит ли говорить, чего стоила такая похвала из уст крупнейшего орнитолога страны, да еще с трибуны всесоюзного научного форума !...

Но самое главное было в другом: Анвер Кеюшевич не просто «сказал и забыл». Нет, с этого времени и до самых последних дней нашего знакомства я чувствовал его неустанное внимание к моей скромной орнитологической деятельности. Именно чувствовал, так как внешне оно ни в чем особо не выражалось, но проскальзывало в тысяче мелочей, которые свидетельствовали о том, что он знает все мои достижения и промахи в области орнитологических исследований и в деле охраны природы – втором направлении работ, которое нас с ним постоянно объединяло. Я уверен, что это чувство неослабного внимания испытывали на себе многие мои среднеазиатские коллеги и могли бы привести немало конкретных примеров. Ибо забота об орнитологической молодежи была органически свойственна самой натуре Анвера Кеюшевича и, я уверен, что осознавалась им, как святая обязанность – «кто же, как не я, поможет развитию орнитологии в регионе». И это полностью соответствовало его статусу патриарха орнитологии в регионе.

Ашхабадская конференция запомнилась не только по докладу Анвера Кеюшевича. Сам город, увиденный мною впервые, его архитектура, люди, яркое солнце и южные краски – все это создавало атмосферу праздника. И немало способствовал этому Анвер Кеюшевич, который как радушный, гостеприимный хозяин знакомил нас со своим любимым сельскохозяйственным институтом. Помнится, с какой гордостью показывал он нам, участникам конференции, великолепный амфитеатр конференц-зала с креслами, обитыми красным бархатом. И при этом добавлял, что в мире

есть точно такой же зал только в Рангуне (Бирма), откуда и заимствовано все оформление.

Один из дней конференции был посвящен свободному общению в стенах «Рустамовского» института, знакомству с зоомузеем и печатными изданиями Анвера Кеюшевича. Но предстояло и нечто большее: кто-то из сотрудников кафедры зоологии подошел к нам с Э.И. Гавриловым и предупредил никуда не уходить, а пройти в кабинет Анвера Кеюшевича. Сказано это было как-то конфиденциально, и ясно было, что приглашение касается не всех и даже не всей казахстанской делегации (нас было 5 человек), а только нас двоих. Однако, один наш сибирский коллега из Томска, с которым мы как раз в это время беседовали, вовсе не собиравшись нас покидать, несмотря на то, что сотрудник спрашивал меня вполголоса, кто этот третий с нами. В конце концов, мы втроем так и вошли просторный в кабинет к Анверу Кеюшевичу, где уже находилось человек пятнадцать. Я сразу обратил внимание на специальный подбор присутствующих. Здесь были представители от орнитологов Москвы, Украины, Поволжья, Прибалтики и Кавказа, остальные были орнитологами среднеазиатских республик. Создавалось впечатление, что сейчас будет продолжение доклада «Орнитология Средней Азии» или его обсуждение. На столе перед Анвером Кеюшевичем стопками лежали оттиски его статей, и он каждому входящему предлагал взять себе то, что ему нужно. Стопки эти таяли на глазах, так как «отказников» среди нас не было, причем, многие брали по несколько штук – для тех, кто не приехал.

Беседа нерешительно переходила с одной темы на другую, и вскоре стало ясно, что никакого продолжения или обсуждения доклада не будет. Повисшая в воздухе атмосфера ожидания интриговала больше всего – чего все ждут? По отдельным репликам Анвера Кеюшевича, по входящим и тут же куда-то выходящим его сотрудникам, можно было догадаться, что нас собираются куда-то везти. Наконец, было объявлено, что выходим во двор, где нас ожидает автобус.

Попетляв немного по городу, автобус в лучах закатного солнца выехал на автотрассу и направился в предгорья, в сторону села Багир. Миновав его, он затормозил около типичной среднеазиатской усадьбы с роскошным садом, в котором прямо под раскидистыми деревьями был накрыт праздничный стол. Этот дружественный ужин, который начался на закате и закончился поздним вечером, запомнился особенно. Непринужденная обстановка на фоне истинно азиатского гостеприимства, с блеском искусства тамады,

обильным угощением и волшебным освещением ночного сада оставили неизгладимое впечатление. Разговоры за столом были исключительно орнитологические. Наученный вчерашним опытом, я со страхом ожидал предоставления слова и лихорадочно соображал – о чем сказать? Тем более, что каждый тост уменьшал выбор возможных тем. И когда Анвер Кеюшевич дал мне слово, предварив это кратким пересказом того, что сказал в докладе, и присовокупив к этому похвалу сравнительно недавно вышедшей моей книге «Птицы Таласского Алатау», я набрался смелости и провозгласил тост за создание фаунистической сводки «Птицы Средней Азии». И хотя я чувствовал, что замахнулся «не по чину», тост был принят очень благожелательно, с одобрением. Никто и предположить не мог, что пройдет четверть века, прежде, чем составление этой сводки станет реальностью, и что мне будет суждено стать помощником Анвера Кеюшевича в подготовке первого тома, а затем 13 лет добиваться его издания..., но об этом чуть позже.

Я уверен, что всем без исключения участникам конференции запомнился хорошо организованный заключительный банкет в живописном местечке Фирюза (ныне Арчабиль, *прим. ред.*), где встретились цвет советской орнитологии и плоды туркменской земли – столы буквально ломились от самых различных южных фруктов. До этого, еще во Львове и Алма-Ате, мне приходилось слышать выражение «Всесоюзный тамада». А здесь, в Ашхабаде, я увидел воочию Анвера Кеюшевича в роли такого тамады. Ни до, ни после ничего подобного мне видеть не приходилось. Он жил в этом образе, в котором радушие хозяина, глубочайшее знание народных обычаев и веселое остроумие сочетались с удивительным знанием аудитории. Давая слово очередному тостующему, Анвер Кеюшевич предварял эту передачу слова такой всесторонней характеристикой этого человека, что буквально «раздевал» его в хорошем смысле этого слова. От всевидящего ока тамады не мог спрятаться ни один из присутствующих за столом, но в процессе подробного представления даже самый стеснительный и робкий (каким в ту пору был и я) имел возможность успокоиться и обдумать – что же он скажет, чего пожелает людям.

Очередная, 6-я Всесоюзная орнитологическая конференция, состоялась в феврале 1974 г. в заснеженной Москве – резкий контраст с жарким Ашхабадом 1969 года! Она проходила в здании Московского университета имени М.В. Ломоносова и в памяти оставила только заседания с короткими перерывами. Анвер Кеюшевич приготовил всем сюрприз – своего

сына Эльдара, высокого застенчивого юношу, тогда только заканчивающего университет. Анвер Кеюшевич представлял всем знакомым орнитологам своего Эльдара, и надо было видеть, какой гордостью светились глаза отца – настолько он был уверен в сыне...

На следующую 7-ю Всесоюзную орнитологическую конференцию, состоявшуюся в конце сентября 1977 г. в Черкассах, на Украине, Анвер Кеюшевич прибыл после полученной им травмы (перелом ноги) и в преддверии подготавливаемой им Ассамблеи Международного Союза Охраны Природы (МСОП, или IUCN), которую, скажу, забегаая вперед, он организовал и провел блестяще. Из Киева до Черкасс мы с ним добирались по Днепру на одном теплоходе, и разговоры наши вращались вокруг двух тем. Я, в связи с перенесенной Анвером Кеюшевичем травмой, вспоминал свой перелом ноги 1968 г. и делился опытом восстановления нормальных функций после 4-х операций. А Анвер Кеюшевич много рассказывал о сложностях и трудностях подготовки Ассамблеи, с гордостью рассказывал о деятельности созданного им Туркменского общества охраны природы – первого в СССР члена IUCN по линии общественных природоохранных организаций. В Черкассах, в перерывах между заседаниями и по вечерам, мы нередко общались в гостинице (Анвер Кеюшевич жил в одном номере со своим учеником Какабаем Атаевым). Помнится, как осторожно и дипломатично Анвер Кеюшевич пытался отговорить одного из моих друзей-орнитологов от излишнего употребления алкоголя, при этом приводил массу примеров того, как хороша жизнь и без этого зелья. В небольших же дозах он сам не отвергал напитков, особенно, будучи тамадой во время застолья...

Также запомнилась экскурсия по Каневскому заповеднику, расположенному на крутом берегу величавого Днепра. Здесь Анвер Кеюшевич интересовался не только встреченными в лесу птицами, но и организацией научной работы самого заповедника, постановкой заповедного дела в Украине, а на могиле Тараса Григорьевича Шевченко внимательно слушал рассказ экскурсовода о судьбе великого украинского Кобзаря.

В начале мая 1980 г. в Алма-Ате состоялся выездной пленум Научного Совета «Человек и Биосфера» под руководством акад. В.Е. Соколова, с участием академиков В.Н. Большакова, А.К. Рустамова, а также профессоров А.Г. Банникова, В.А. Попова и др. Вместо экскурсии по горам или пустыне гостям предложили «морскую» прогулку по Капчагайскому водохранилищу на принадлежавшем Институту зоологии суденышке под гордым названием

«Наука». Не выдержав добровольного заточения на ограниченном пространстве палубы под палящими лучами уже не весеннего солнца, часть высоких гостей во главе с В.Е. Соколовым высадились на лодке в урочище Карачингиль, но Анвер Кеюшевич вместе с И.С. Даревским и А.Г. Банниковым выдержали испытание до конца. Мне эта поездка запомнилась особо, так как предстояло, как говорится, прямо «с корабля на бал» – лететь в Москву на защиту докторской диссертации...

На 8-й Всесоюзной орнитологической конференции в Кишиневе (август 1981 г.) мы с Анвером Кеюшевичем не общались, помню, там была какая-то неразбериха с гостиницами, и мы жили в разных концах города. Зато на следующей, 9-й Всесоюзной конференции, в декабре 1986 г. в Ленинграде, он обрадовал меня и всех нас хорошей новостью о том, что Бюро Отделения биологических наук Академии наук СССР, среди прочих региональных сводок, утвердило и 4-томное издание «Птицы Средней Азии». До сих пор помню, как он собрал нас, «среднеазиатов», в перерыве между заседаниями – для самой первой деловой беседы о том, как нам лучше сделать эту сводку. Беседы эти продолжались и весной 1989 г. в Бишкеке, на симпозиуме по горным птицам (включая незабываемую поездку на Иссык-Куль с посещением памятника П.П. Семенову-Тянь-Шаньскому и музея Н.М. Пржевальского), и осенью 1990 г. в Бухаре, на среднеазиатской орнитологической конференции, и во время экскурсий по Бухарскому джейраньему питомнику. Были и другие встречи на совещаниях более узкого характера, например, в Ашхабаде на совещании по разведению редких видов животных.

На последней, 10-й по счету Всесоюзной орнитологической конференции, которая проходила в сентябре 1991 г. в Витебске (Белоруссия), Анвер Кеюшевич сделал пленарный доклад «К вопросу изучения и сохранения биологического разнообразия», но думал он все время о сводке по птицам Средней Азии, о чем неоднократно говорил как в перерывах между заседаниями, так и на экскурсии по Березинскому заповеднику. По обрывкам этих разговоров видно было, что идет непрерывный процесс осмысления структуры видовых очерков и самой книги. Примерно к концу того же года процесс этот, в основном завершился, и Анвер Кеюшевич собрал в Ташкенте расширенное заседание редколлегии нашей сводки. С этого времени он не ослаблял темпов работы над ней. Об этом стоит сказать подробнее.

Поистине тема «Птицы Средней Азии» прошла несколько этапов

большого пути – начиная с 1969 г., когда Анвер Кеюшевич впервые с высокой трибуны озвучил необходимость создания такой сводки, и до 2007 г., когда увидел свет первый ее том. За этот период несколько раз менялись даже подходы к самому региону. Уж и не знаю, кто предложил, но первоначально за границы Средней Азии предполагалось принять административные (впоследствии – межгосударственные) границы между Узбекистаном и Казахстаном, Кыргызстаном и Казахстаном, таким образом, полностью исключая последний из состава Средней Азии. Но вскоре искусственность этих границ стала настолько очевидной (как в области пустынь, например, Кызылкум), так и в горной местности (Тянь-Шань), что идею эту пришлось оставить и вернуться к общепринятой физико-географической трактовке понятия «Средняя Азия», четко разработанной трудами советских географов и закрепленной в энциклопедических справочниках (например, в «Краткой географической энциклопедии» в 4-х томах, 1960-1966 гг.). В последнее десятилетие, с легкой руки иностранных специалистов и просто «деятелей» в области экологии и бизнеса, наш регион все чаще стали неправильно называть Центральной Азией, подменяя этим термином привычное и точное название «Средняя Азия». К счастью, в значительной мере благодаря Анверу Кеюшевичу, нам удалось отстоять правильное название сводки.

Первые три года последнего десятилетия XX века, очень сложные в политической и экономической сферах жизни нашего общества, внезапно расколовшегося на несколько самостоятельных, значительно затрудняли и без того нелегкую работу многочисленного авторского коллектива первого тома – более, чем 20-ти специалистов-орнитологов, проживавших не только в разных городах, но уже и в разных странах. Поэтому Анвер Кеюшевич попросил меня взяться за организационно-редакционную работу с авторским коллективом в разных республиках Средней Азии. В Узбекистане роль такого связующего звена выполнял Олег Вильевич Митропольский, с которым мы дважды совершили отчетного характера поездки в Ашхабад к Анверу Кеюшевичу. Кстати, там, в Институте зоологии АН Туркменистана, на правах лаборатории, он создал автономную группу, основной задачей которой была подготовка очерков для первого тома сводки «Птицы Средней Азии».

Поскольку решение Отделения общей биологии АН СССР после приобретения в 1992 г. суверенитета государствами Средней Азии утратило свое значение, пришлось искать пути – как узаконить совместную работу орнитологов пяти среднеазиатских государств над одной книгой. И такой

путь был найден: Межгосударственная программа научных исследований по теме «Птицы Средней Азии». Разосланная нами по всем республиканским институтам зоологии (биологии), она была подписана их директорами и утверждена Президентами всех пяти республиканских Академий наук! Без авторитета Анвера Кеюшевича, его активного стремления добиться выполнения этой работы во что бы то ни стало ничего бы у нас не получилось.

Но самые большие и неожиданные трудности ожидали нас впереди. Когда рукопись была уже написана и, благодаря существованию упомянутой выше Межгосударственной программы, рекомендована к печати Институтом зоологии АН Казахстана (на издании всей сводки в Алматы настаивал Анвер Кеюшевич), пришло время сдавать ее в издательство «Наука» Казахстана. Институт зоологии АН Туркменистана, который должен был оплачивать издание первого тома (по договору за каждый том должна была платить одна из пяти республик Средней Азии, включая Казахстан), исправно перечислил издательству «Наука» Казахской ССР имевшуюся у него сумму в виде задатка. Однако в это время Казахстан ввел свою валюту – тенге. И перечисленные Туркменистаном деньги тут же обесценились. Как говорил мне директор издательства Сагин-Гирей, их едва-едва хватило на оплату работы корректоров, вычитывавших объемистую (свыше 1000 страниц машинописи) рукопись. И здесь начались самые настоящие злоключения.

Мы с Анвером Кеюшевичем переписывались, как в шахматном блиц-турнире: на каждое пришедшее письмо немедленно давался подробный ответ. Поскольку введение национальных валют породило новое, неизвестное дотоле понятие «бартер», мы стали вести поиск в этом направлении. И, казалось бы, мне повезло. Директор издательства, будучи сам поэтом, т.е. человеком, далеким от производственной сферы, взял себе заместителем человека, «съевшего не одну собаку» на всякого рода сделках. И, стоило мне только изложить этому заму суть нашего дела, он тут же предложил, чтобы Туркменистан заплатил за это издание своим дешевым вином «Геоктепе»!. Будь это на несколько лет раньше, я бы не решился даже заикнуться о таком Анверу Кеюшевичу. Но за последние годы совместной работы по написанию и редактированию сводки мы уже были достаточно близко знакомыми людьми, и я рискнул. На удивление, он тут же откликнулся в положительном смысле. Более того, написал, что ради такого дела он готов пойти к соответствующему министру и надеется уговорить его. И он действительно сходил. И получил от министра «добро».

И мы оба в письмах уже предвкушали, что книга вот-вот увидит свет. Но «деловой» заместитель директора издательства то и дело изобретал все новые каверзные вопросы, долженствующие, по его мнению, пролить свет на механику всего этого дела. В конце концов, я вынужден был дать ему адрес А.К. Рустамова, чтобы они могли переписываться напрямую (надеясь на то, что Анвер Кеюшевич также даст ему контактный адрес непосредственного исполнителя бартера в Туркменистане). Вскоре я получил от него письмо, что дело, все же сорвалось, так как стороны не смогли решить вопрос, кто будет оплачивать транспортировку груза. А речь шла – ни много, ни мало – о целой железнодорожной цистерне. Досаде и стыду моему не было границ, хотя ни слова упрека от Анвера Кеюшевича я не получил. Все попытки убедить директора издательства оказать влияние на своего зама оказались тщетными, и мне осталось только забрать рукопись, пока она не затерялась среди бумаг издательства. Это был 1994-й год...

Последовали долгие годы поиска средств на издание – начиная с представления в Глобальный Экологический Фонд подготовленного нами при финансовой поддержке ПРООН в Казахстане проекта «Сохранение биоразнообразия Средней Азии» и кончая самыми различными вариантами современного «экологического» попрошайничества, или, иными словами, – «фандрайзинга». Все предпринимаемые в этом направлении шаги я согласовывал с Анвером Кеюшевичем, и он их неизменно поддерживал. Это было основной темой нашей переписки в те годы. Даже в последних своих письмах он выражал надежду, что эта работа не будет прекращена и что многострадальный первый том увидит свет. И я рад, что мне удалось, наконец, выполнить слово, данное Анверу Кеюшевичу.

Сам он, в свою очередь, очень беспокоился о том, чтобы успеть написать обещанные мне воспоминания об Игоре Александровиче Долгушине для книги, которую я готовил все эти годы к предстоящему в 2008 г. столетию своего учителя. Анвер Кеюшевич написал эти воспоминания блестяще, с глубоким чувством, а в конце выразил радость, что он успел это сделать...

Многое можно было бы написать – и я уверен, что это будет сделано – об особом положении Анвера Кеюшевича как центральной орнитологической фигуры в Средней Азии. Ведь после ухода И.А. Долгушина Анвер Кеюшевич остался единственным в регионе представителем старшего поколения орнитологов – другой равнозначной фигуры в последние десятилетия здесь не было, включая орнитологов всех среднеазиатских республик.

Большинство были уже другого, младшего поколения, а ровесники по возрасту явно не «дотягивали» по уровню. Такому особому положению способствовали, прежде всего, личные качества Анвера Кеюшевича: он всегда прислушивался к мнению других, в тоже время не отвергал чужие идеи и не выдавал их за свои (что, к сожалению, нередко бывает у людей такого высокого положения), но отстаивал с такой же твердостью, как бы отстаивал свои собственные. Он обладал огромной эрудицией и не менее великим тактом, умением ладить с людьми, убеждать их и привлекать на свою сторону. Я счастлив, что так долго дружил с Анвером Кеюшевичем, был рядом с ним и в то же время «ходил под его крылом»...

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ НА ПЯТОЙ ОРНИТОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Н.П. Воронов

Доктор биологических наук, экс-профессор Чувашского государственного педагогического университета (г. Чебоксары)

С Анвером Кеюшевичем у нас дружеские связи установились давно, так как мы работали в учебных институтах каждый в своем регионе и имели много общих интересов. Но особенно запомнились встречи с ним на 5-й Всесоюзной орнитологической конференции в Ашхабаде в 1969 г. Конференция впервые прошла без Георгия Петровича Дементьева – бесспорного корифея нашей орнитологии, и была посвящена светлой его памяти. Он скончался, не дожив всего несколько месяцев до открытия очередной конференции. В самом начале участники конференции почтили его память минутой молчания. Профессора А.Н. Гладков и А.К. Рустамов сделали большой доклад «Памяти друга и учителя». К слову сказать, успешным написанием своей докторской диссертации я во многом обязан Г.П. Дементьеву, потому что он просмотрел мой план диссертации, а затем и ее первый вариант и сделал ценные замечания.

Мой доклад на той конференции назывался «Некоторые особенности роста пищеварительной системы птенцов врановых птиц в онтогенезе». Во время работы конференции было устроено два товарищеских ужина. Первый проходил в одном из колхозов в предгорьях Копетдага недалеко от Ашхабада. Анвер Кеюшевич заказал автобус человек на двадцать и повез нас в этот колхоз. В саду под яблонями были накрыты столы. Угостили нас превосходным бараньим супом-шурпой и другими яствами и винами.

Виктора Алексеевича Попова – профессора из Казани и меня Анвер Кеюшевич посадил около себя. Я сидел справа. Председатель колхоза приветствовал нас на туркменском языке, а переводил Анвер Кеюшевич. От имени участников конференции поблагодарить за прием слово предоставили мне. Я говорил о туркменских ученых, огромных достижениях зоологии в Туркменистане, радушном приеме...

Второй товарищеский ужин – банкет, как сейчас бы называли, для всех участников конференции был организован в живописном местечке Фирюза. Это чудесное местечко расположено в одноименном ущелье недалеко от границы с Ираном. На этой встрече весь прием, как и на первом товарищеском ужине, вел сам Анвер Кеюшевич, и я убедился, что он способен организовывать не только прекрасные конференции и экскурсии ученых, но и не менее прекрасные и важные для общения часы отдыха.

Туркменистан в моей благодарной памяти связан с прекрасным и гостеприимным человеком, большим ученым и талантливым организатором науки и сельскохозяйственного образования – Анвером Кеюшевичем Рустамовым.

СОЛНЕЧНАЯ ЗАГАДОЧНАЯ ТУРКМЕНИЯ СТАЛА БЛИЖЕ И ПОНЯТНЕЕ ПОСЛЕ ВСТРЕЧИ С А.К. РУСТАМОВЫМ

Т.Б. Ардамацкая

Кандидат биологических наук, экс-научный сотрудник
Черноморского государственного заповедника (г. Одесса)

Академик А.К. Рустамов по праву считается одним из замечательных ученых, наиболее ярким и активным исследователем авифауны Средней Азии во второй половине XX века. Это я чувствовала, видела сама, знала из отзывов всех ученых, с которыми общалась на конференциях и в жизни. Кроме того, он был талантливым педагогом и общественным деятелем, создателем первой в Туркменистане и одной из первых в СССР кафедр – охраны природы, а также инициатором подготовки и издания первой Красной книги Туркменистана (1985).

Анвер Кеюшевич начал заниматься зоологией и изучать птиц в Ашхабадском педагогическом институте под руководством профессора Михаила Константиновича Лаптева, а позднее стал учеником, впоследствии другом, корифея советской орнитологии – профессора Георгия Петровича

Дементьева. Широта научных интересов А.К. Рустамова касалась не только орнитологии, но и самых разных областей биологической науки: герпетологии, зоогеографии, экологии, проблем сохранения животного мира и др.

Я впервые его увидела, будучи совсем юной, в 1956 г. на 1-й Всесоюзной орнитологической конференции, посвященной памяти отца русской орнитологии М.А. Мензбира, которая проходила в заснеженном Ленинграде в конференц-зале Академии наук СССР в переполненном зале. На конференцию были приглашены представители республиканских подразделений Академии наук, ученые университетов и других ВУЗов, сотрудники заповедников и наиболее выдающиеся орнитологи зарубежных стран. В работе конференции приняло участие более 300 человек. В первых рядах находился цвет тогдашней советской орнитологии: Л.А. Портенко, Н.А. Гладков, И.И. Пузанов, директор института зоологии АН СССР Е.Н. Павловский, а в одном ряду с А.Б. Кистяковским, Ф.И. Страутманом и Г.П. Дементьевым сидел Анвер Кеюшевич Рустамов. Это была незабываемая конференция!

С большим интересом я прослушала доклад Анвера Кеюшевича об авифауне культурных ландшафтов Туркменистана. Солнечная загадочная Туркмения?! Мир ее птиц, такой разнообразный, после доклада стал всем намного ближе и понятнее. Позднее мне довелось часто встречаться с Анвером Кеюшевичем не только на орнитологических, но зоогеографических и экологических конференциях. Всегда его доклады, посвященные проблемам охраны редких и исчезающих животных Туркмении, формированию и развитию авифауны антропогенных ландшафтов или биоценоотическим группировкам и географическому распространению птиц и многие другие, были глубоки по содержанию и касались раскрытия наиболее актуальных проблем.

Анвер Кеюшевич обладал редким организаторским талантом, который наиболее полно проявлялся при подготовке и проведении научных конференций, в том числе и в Туркменистане. В 1969 г. в Ашхабаде прошла 5-я Всесоюзная орнитологическая конференция, признанная одной из важных в истории советской орнитологии. С огромным удовлетворением вспоминаю все, но особенно – удивительно интересную экскурсию, организованную после окончания конференции! Анвер Кеюшевич хотел, чтобы участники конференции познакомились с природными ландшафтами его страны и полюбили ее природу. И это ему удалось. Мы полюбили

Туркмению. Нельзя не сказать и еще об одной стороне его многогранной натуры. Будучи веселым открытым и жизнерадостным человеком он бывал непревзойденным тамадой на вечерах всех всесоюзных конференций.

Анвер Кеюшевич как прекрасный семьянин нередко появлялся на совещаниях со своей женой Елизаветой Александровной или сыновьями (однажды с Игорем, а потом Эльдаром). Приятно было видеть его заботливое отношение к своим близким. Младший из сыновей Анвера Кеюшевича – Эльдар, которого я также знаю, находился под сильным влиянием своего отца, его кипучей деятельности и не случайно пошел по его стопам, став орнитологом, доктором биологических наук и профессором известным в Туркменистане и за его пределами. Сын очень похож на своего отца и не только внешне, и это радует.

Анвер Кеюшевич прожил долгую жизнь, наполненную любимой работой, творчеством, общением с близкими по духу людьми. Добрая память об этом замечательном ученом, патриоте своей страны, чудесном человеке остается в сердцах его друзей и коллег.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАУЧНЫХ ШКОЛ

А.И. Шураков

Доктор биологических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

А.М. Бурылова

Кандидат биологических наук, доцент (г. Пермь)

О туркменской орнитологической школе А.К. Рустамова мы знали не только по публикациям, но из рассказов заведующего кафедрой зоологии Пермского педагогического института профессора А.М. Болотникова. Но личное знакомство с А.К. Рустамовым и его сотрудниками произошло во время проведения 5-ой Всесоюзной орнитологической конференции в Ашхабаде (1969 г.).

Наша группа в составе А.М. Болотникова, А.М. Бурыловой, Ю.Н. Каменского, В.К. Королева и А.И. Шуракова при пересадке в Оренбурге встретила с представительной делегацией свердловчан: академик С.С. Шварц, доктора наук Н.Н. Данилов, Л.Н. Добринский, В.С. Смирнов, В.Н. Большаков и аспиранты. Далее до Ашхабада добирались вместе, разместились в центральной гостинице «Ашхабад» (ныне отель «Пайтахт», *прим. ред.*).

Встреча с А.К. Рустамовым произошла в Туркменском сельскохозяйственном институте, в котором Анвер Кеюшевич заведовал кафедрой зоологии и к тому же был ректором. Мы увидели высокого статного хорошо сложенного интеллигентного человека, держащегося с достоинством. После представления группы пермяков состоялась беседа Анвера Кеюшевича с заведующим нашей кафедры профессором А.М. Болотниковым, потом мы осмотрели кафедру зоологии и зоомузей сельхозинститута.

Организация орнитологической конференции – пленарных докладов, работа секций была хорошо продуманной и четко организованной, каждый участник смог без задержки получить программу и опубликованные материалы форума. Наши сообщения на симпозиуме были связаны с особенностями размножения и раннего онтогенеза птиц. Вспоминали об аспирантуре, которую Ш. Мурадов и А. Бурылова окончили в Ленинграде, научных школах профессора А.В. Гуцевича, академика А.К. Рустамова, профессоров А.М. Болотникова, Н.Н. Данилова, о смежных научных работах и просто о жизни.

Памятной остается и заключительная встреча участников конференции в местечке Фирюза. Выступление А.К. Рустамова было кратким, но емким. Н.А. Гладков и многие другие выступающие подчеркнули особую значимость конференции для развития орнитологической науки, личных контактов и высокую организованность в проведении форума.

Нам повезло и в том, что на конференции, кроме А.К. Рустамова, мы познакомились с его учеником – ярким представителем туркменской орнитологической школы – Овезом Сопыевым – интеллигентным, остроумным человеком. Взаимодействие орнитологических школ наших вузов сохранилось. Последующие встречи на научных конференциях в Екатеринбурге, Москве, Перми, а также в домашней обстановке остаются памятными и приятными; в том числе при обмене публикациями, взаимодействии при подготовке аспиранта туркменского сельхозинститута Ирины Цай, успешно защитившей кандидатскую диссертацию по изучению раннего онтогенеза кеклика и возможностям увеличения его численности в естественных биоценозах.

Уверены, что труды и память о выдающемся ученом – Анвере Кеюшевиче Рустамове послужит дальнейшему развитию зоологической науки, делу охраны природы Туркменистана, которому была посвящена вся жизнь этого замечательного ученого.

КАРАБАХ ВСЕГДА СЛАВИЛСЯ СВОИМИ МЫСЛИТЕЛЯМИ

Т.К. Микаилов

Доктор биологических наук, профессор,
Лауреат Государственной премии Азербайджана (г. Баку)

С Анвер-муэллимом – Анвером Кеюшевичем Рустамовым - мне приходилось общаться неоднократно. Он произвел на меня неизгладимое впечатление при первой же встрече, которая состоялась в 1959 г. в Институте зоологии АН Азербайджанской ССР (где я тогда работал научным сотрудником, в 1971-2001 гг. – заместителем директора). Вначале я принял его за приезжего профессора Московского университета. Это был солидный и статный мужчина высокого роста с прямым взглядом светлых, добрых глаз и густыми прядями медно-русых волос, что придавало ему особую красоту. Встретив его в окружении учеников Г.Т. Мустафаева и А.И. Ханмамедова, которых я знал как орнитологов, я, естественно, считал орнитологом и А.К. Рустамова. Однако с первых же минут общения с ним я поймал себя на мысли, что имею дело не с простым орнитологом, а с широко образованным зоологом и экологом. И я был удивлен, когда мне представили его как ашхабадского ученого. «Неужели в Туркменистане могут быть такие зоологи», – подумал тогда я ...

В разговоре выяснилось, что его родители родом из Шуши – исторического центра Карабахского ханства – края, щедрого своими знаменитостями – мыслителями, поэтами, певцами, композиторами. Не в меньшей мере меня удивило, что человек, родившийся и выросший в другой, по сути, стране – в Туркменистане – не забыл тонкостей родного языка (кстати, кто-то из коллег, сейчас не помню кто, говорил мне, что Анвер Кеюшевич великолепно владел и туркменским языком), своих корней и мечтал посетить Шушу. Это ему удалось сделать в один из очередных приездов в Баку, откуда он в сопровождении тех же Г.Т. Мустафаева и А.И. Ханмамедова совершил поездку в Нагорный Карабах. Было это в 1969 г. после юбилейных торжеств, посвященных 50-летию Азербайджанского государственного университета, в которых принимал участие А.К. Рустамов по приглашению тогдашнего руководства Азербайджана.

По возвращении из Шуши Анвер Кеюшевич был полон впечатлений от поездки и знакомства с городом своих предков. Чувствовалось, что он был счастлив, ведь ему удалось отыскать через старожилов улицу и место,

где когда-то жил его прадед – один из многих, уже теперь в очень давние времена, беков Карабаха. Но, как мне показалось, тогда Анвер Кеюшевич как бы стеснялся своего «бекского» происхождения – и напрасно: история все расставила на свои места. Как бы там ни было, в любом случае, мне было достаточно одного взгляда, чтобы понять – вся его статность, внешний и внутренний облик, порядочность, глубина и доброта души выдавали в нем человека «голубых кровей».

Запомнилась также встреча с А.К. Рустамовым в 1984 г. в Вильнюсе во время заседания очередного Проблемного совета АН СССР по охране и рациональному использованию животного мира. Тогда я еще раз убедился в неординарности этого человека: по всему было видно, что он пользовался большим, неподдельным авторитетом и, я бы сказал, популярностью. Несмотря на это он был со всеми, будь то маститый ученый или кто-либо из обслуживающего персонала, одинаково прост и доброжелателен. Он отличался большой коммуникабельностью и чувством юмора, а на заключительном банкете превосходно выполнял роль профессионального тамады (это тоже талант!), да так, как-будто всех присутствующих знал близко и очень давно. Анвер-муэллим запомнился мне ярчайшей личностью!

ОН БЫЛ ЖЕЛАННЫМ ГОСТЕМ В НАШЕМ ИНСТИТУТЕ ВСЕГДА

М.А. Мусаяев

Доктор биологических наук, профессор,
Лауреат Государственной премии Азербайджана,
академик НАН Азербайджана (г. Баку)

Я считаю Анвера Кеюшевича Рустамова выдающимся советским зоологом-азербайджанцем, но судьба связала его с Туркменистаном, со Средней Азией, и поэтому свои исследования он осуществлял в этом регионе, знатоком животного мира которого он считался по праву. А.К. Рустамов всегда поддерживал связь не только с учеными Москвы или Ленинграда, но с зоологами всех бывших республик СССР, естественно, и Азербайджана. В Баку он бывал часто, навещал сестру и других родственников. И каждый раз он непременно заходил в институт зоологии, а также в университет на биофак, где у него были аспиранты.

С институтскими зоологами (Н.И. Бурчак-Абрамович, Н.К. Верещагин) он переписывался и ранее, но впервые появился в стенах института в октябре

1948 г., когда привозил в эвакуацию свою семью после страшной трагедии – Ашхабадского землетрясения. Насколько мне известно, тогдашнее руководство института предлагало А.К. Рустамову работу и возможность переезда в Баку, но он наотрез отказался, сказав, что не бросит свою кафедру в сельскохозяйственном институте и родной город в тяжелое время. К тому же Азербайджан – страна, где нет пустыни, к изучению природы которой уже тогда приступил молодой А.К. Рустамов и страстную любовь к которой он пронес через всю жизнь.

Да, природа и фауна Закавказья отличается от Закаспия, однако и в изучении животного мира нашего края А.К. Рустамов оставил след. Его работы по орнитологическим связям Копетдага с Малым Кавказом, в частности, Нахичеванью, заслуживают внимания как образцы зоогеографического анализа. А.К. Рустамов знал и представлял природу Азербайджана, так как в свое время осуществил поездки во многие его уголки. Диссертационные работы своих аспирантов Анвер Кеюшевич направлял на изучение не только птиц, в частности, куриных (А.И. Ханмамедов), вороновых (Г.Т. Мустафаев), дроздовых (Р.Г. Мустафаева), но и земноводных (З.Д. Велиева), и пресмыкающихся (С. Ахмедов) Азербайджана.

А.К. Рустамов всегда был желанным гостем в нашем институте. Особенно часто он приезжал в 1950-х и 1970-х годах и, как правило, выступал на научных семинарах с интересными сообщениями о последних зоологических новостях или докладывал свою очередную концепцию. Помнится, какой живой интерес и дискуссии вызывали его пространственные доклады на встречах бакинских зоологов: о комплексном подходе при зоогеографическом анализе, об орнитологических связях Копетдага и Гиркании, о пищевой специализации птиц, о происхождении авифауны пустынь Закаспия, о «жизненных формах» в экологии животных и понятии «пустынное животное» и т.д.

Мне посчастливилось быть знакомым с этой яркой и самобытной личностью не один десяток лет. Но я, будучи по специальности паразитологом, не встречался с А.К. Рустамовым на орнитологических, герпетологических, зоогеографических и иных форумах общесоюзного масштаба. Однако мы регулярно виделись на расширенных сессиях АН СССР или объединенных пленумах советского национального Комитета «Человек и Биосфера», проводимых как в Москве, так и других городах Советского Союза. Я не припомню случая, чтобы А.К. Рустамов не выступил на пленарных заседаниях и в прениях, внося каждый раз существенные

предложения в повестку дня и решения этих собраний. Его образ в моей памяти – не человек, а огромное бьющееся сердце на трибуне. Эти форумы проводились под руководством тогдашнего секретаря Отделения биологических наук АН СССР академика В.Е. Соколова, который очень высоко ценил Анвера Кеюшевича и всегда отмечал его талант как ученого и организатора.

Помнится мне и рассказ академика Г.А. Алиева, представлявшего делегацию Азербайджана на XIV Генеральной Ассамблее Международного Союза Охраны Природы и природных ресурсов (IUCN) в 1978 году. Он говорил об Анвере Кеюшевиче, который выполнял обязанности Генерального секретаря Ассамблеи, как о личности, исключительно благодаря которой Ассамблея была прекрасно организована и проведена на высочайшем уровне, по всем мировым стандартам того времени, начиная от пленарных заседаний и кончая досугом и экскурсиями делегатов. Анвер Кеюшевич держал все под контролем, одновременно он был «аксакалом и лихим молодым джигитом», успевавшим везде и во всем. Ассамблея была еще одним «звездным часом» академика А.К. Рустамова. Анвер Кеюшевич имел тесную связь и личную дружбу, кроме академика А.Г. Алиева, с такими азербайджанскими учеными, как А.М. Алекперов, К.М. Гамбаров, Г.Т. Мустафаев, К.Т. Ахмедов и др.

Я вместе со всеми биологами Азербайджана был глубоко опечален, когда пришла весть из Ашхабада о кончине А.К. Рустамова, сделавшего так много для людей и оставившего неизгладимый след в науке. Его образ и память о нем надолго сохранится в сердцах азербайджанских ученых.

МНЕ БЫЛО С КОГО БРАТЬ ПРИМЕР И КЕМ ГОРДИТЬСЯ

Э.Г. Султанов

Кандидат биологических наук, Президент Азербайджанского орнитологического общества (г. Баку)

Я познакомился с А.К. Рустамовым, одним из старейшин орнитологической науки на всем постсоветском пространстве, 25 лет назад – в 1986 г., в Ленинграде на 9-й Всесоюзной орнитологической конференции и съезде Всесоюзного Орнитологического Общества, Вице-президентом которого он тогда являлся. Сам я принадлежал к молодому поколению орнитологов и об Анвере Кеюшевиче судил лишь по его печатным трудам и

рассказам коллег, знавших его лично. Мне приходилось слышать о нем на кафедре зоологии позвоночных Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (в стенах которого я учился в 1976-1981 гг., а в 1983-1985 гг. был прикомандирован как аспирант) от многих зоологов, экологов и активистов охраны природы, в частности, от моего научного руководителя – профессора Г.Н. Симкина, а также от азербайджанских ученых в Институте зоологии НАН Азербайджана, где я начинал свою научную карьеру после окончания университета.

Все без исключения отзывы об Анвере Кеюшевиче запомнились как отзывы о человеке, внесшем большой вклад в орнитологическую науку, изучение животного мира Средней Азии, в теорию происхождения наземных позвоночных и авифауны «культурных ландшафтов» этого огромного региона, о человеке, страстно любившем птиц и очень много сделавшим для их сохранения. Я, конечно, слушал и узнавал об этом не без гордости, и не только потому, что сам изучаю и люблю птиц, но и в связи с тем, что академик А.К. Рустамов родом из моей страны – Азербайджана, из его сердца – города Шуша в Карабахе.

Близко видеть и слушать этого неординарного человека мне удавалось на рабочих встречах Центрального совета Всесоюзного орнитологического общества, в работе которых я принимал участие как председатель Азербайджанского отделения общества, входившего тогда в состав Всесоюзного Орнитологического Общества на правах республиканского (после развала СССР оно было реорганизовано в самостоятельное Азербайджанское Орнитологическое Общество, ныне – член международной федерации орнитологических организаций BirdLife International). На таких встречах Анвер Кеюшевич обычно задавал тон, был наиболее заметным и оставался последовательным по принципиальным вопросам стратегии развития общества, в нем была харизма лидера, чувство достоинства, каждое слово было взвешенным и отточенным. Члены Центрального совета ВОО, в том числе и председатель общества – профессор В.Д. Ильичев, всегда с большим вниманием относились к ценным предложениям А.К. Рустамова.

Деловому настрою А.К. Рустамова на таких встречах есть объяснение: Анвер Кеюшевич был одним из авторитетнейших орнитологов страны, но, кроме того, имел огромный опыт в создании и руководстве такой общественной организацией, каким являлось Туркменское общество охраны природы, насчитывавшее в те годы более 100 тыс. членов. Благодаря исключительному международному авторитету и стараниям

Анвера Кеюшевича эта организация еще в 1978 г. была принята членом Международного союза охраны природы – МСОП (IUCN). Примечательно, что в МСОП интересы такой огромной страны, как СССР, кроме Туркменского общества охраны природы представляла еще одна общественная организация - его «старшая сестра» - Всероссийское общество охраны природы. Это было еще одним свидетельством огромного авторитета Анвера Кеюшевича не только в бывшем СССР, но и в международном масштабе.

Опыт Анвера Кеюшевича позволял ему с легкостью справляться с самыми сложными вопросами, которые приходилось решать как вице-президенту Всесоюзного Орнитологического Общества. Кстати, за долгую историю советской орнитологии так уж случилось, что среди ученых-орнитологов Советского Союза академических титулов были удостоены только трое – М.А. Мензбир, П.П. Сушкин и А.К. Рустамов.

У Анвера Кеюшевича было очень много учеников (естественно, больше в Туркменистане), с которыми он щедро делился своими обширными знаниями и богатейшим опытом руководителя. Есть ученики и в Азербайджане. Я не являюсь непосредственным учеником А.К. Рустамова, но многое почерпнул из его научного наследия. Все, чему мне удалось научиться у своих старших товарищей и коллег, в первую очередь, от Анвера Кеюшевича Рустамова в период работы в составе Центрального совета ВОО, я использовал и использую в организации и руководстве Азербайджанского Орнитологического Общества. Могу не без гордости сказать, что нашему обществу сейчас удастся решать существенные задачи по пропаганде охраны птиц Азербайджана. И я считаю, что в этом есть и определенная заслуга Анвера Кеюшевича как наставника молодых орнитологов 1980-х годов.

ВЫСОКИЙ ПОЛЕТ В НАУКЕ

Ромелла Мартиросова

Корреспондент газеты «Нейтральный Туркменистан»; напечатано из:
информационный сайт Turkmenistan Золотой век, 28.11. 2008.

Родиной по определению толкового словаря является то место, где родился и вырос, но есть и дополнительное значение – происхождение, то есть земля предков, откуда идет весь твой род. И в таком случае поселяется в сердце большая, удвоенная любовь, а сам человек становится вдвойне счастлив, вдвойне богат друзьями. Таким богатством обладал академик

Анвер Кеюшевич Рустамов – своей единой большой Родиной, разделенной только морем, которое легко преодолевали столь любимые им вольные птицы, он одинаково считал и Туркменистан, где родился и вырос, и Азербайджан, где были корни его предков.

Его родители были родом из Шуши – исторического центра Карабаха – края, щедрого своими знаменитостями: мыслителями, поэтами, певцами, композиторами. В далеком 1916 г. семья учителя Кеюша Алескеровича Рустамова переехала в Ашхабад, где год спустя, 17 декабря родился четвертый ребенок – сын Анвер. В семье сохранилось предание, что в ответ на радостное сообщение о рождении сына, за что вестнику по обычаю полагалось вознаграждение, отец ответил: «А мы еще посмотрим, толковым ли он вырастет». Вознаграждение, конечное же, было вручено, а что касается шутивого сомнения отца – лучшим ответом стал тот факт, что имя академика А.К. Рустамова по праву было включено не только в Туркменскую энциклопедию (еще советскую), но также в Азербайджанскую согласно списку «Азербайджанцев Всесоюзного значения».

То, что он успел сделать в жизни, с лихвой хватило бы на нескольких человек. Специализируясь на естественном факультете Туркменского пединститута (1934-1938 гг.) он еще в студенческие годы руководил научным практическим студенческим семинаром у профессора М.К. Лаптева. От него молодой ученый унаследовал фанатичную внутреннюю потребность к научной и преподавательской работе. Именно М.К. Лаптев привил способному студенту научный интерес к изучению природы. Под его руководством Анвер Кеюшевич участвовал в экспедиции на Амударью. Результатом той экспедиции и обработки коллекционного материала стала защита кандидатской диссертации «Птицы биоценоза Амударьи». А было ему в ту пору всего 26 лет, три из которых отданы преподаванию в физкультурном техникуме сразу после окончания института, два – армии, а также фронту в начале Второй мировой войны. А.К. Рустамову везло на учителей. В годы войны в Ашхабад был эвакуирован Московский университет им. М.В. Ломоносова. С ним приехали многие ученые-биологи, которые приложили значительные усилия к изучению природы Туркменистана и сохранили глубокий интерес к ней до конца жизни. Среди них были такие уникальные личности мира науки как Г.П. Дементьев, А.Н. Формозов, В.Г. Гептнер и многие другие. Именно под влиянием Г.П. Дементьева сформировался научный интерес А.К. Рустамова – он стал изучать птиц пустыни Каракумы. Эту великую пустыню, безграничную природную лабораторию он потом

изъездил, а, вернее, исходил вместе со своими многочисленными учениками вдоль и поперек.

Несмотря на то, что в самом начале научной карьеры молодой ученый чуть не погиб, заблудившись в песках, он ни разу не усомнился в своих научных поисках и никогда не изменял выбранному пути. Когда после землетрясения 1948 года руководство [Института зоологии АН Аз.ССР] сделало лестное предложение по поводу работы в одной из своих лабораторий, Анвер Кеюшевич наотрез отказался, сказав, что не может бросить свой институт и родной город в тяжелое время. К тому же, добавил он, в Азербайджане нет пустыни, к изучению природы которой он уже приступил и страстную любовь к которой он пронес через всю жизнь.

Одинаково уважительно относясь к культуре, науке и искусству двух своих Родин, Анвер Кеюшевич очень высоко ценил народ Азербайджана, с которым он всегда ощущал близкую связь, и проявлялась эта любовь, как отмечает близко знавший А.К. Рустамова доктор биологических наук из Азербайджана – Г.Т. Мустафаев, «очень тонко и интеллигентно». Он стремился как можно больше узнать о Родине своих предков. В знаменитый Гобустанский заповедник с его уникальными наскальными рисунками он приезжал неоднократно. А в один из своих очередных приездов нашел время, чтобы побывать в Шуше и найти с помощью старожилов дом своего деда по материнской линии. Перед домом еще рос старый тутовник, о котором часто вспоминали в доме родителей. И Анвер Кеюшевич обнял это старое дерево, нежно и крепко, будто сжимал в объятиях родного и близкого человека.

Считая своим сыновним долгом внести вклад в развитие науки Азербайджана, А.К. Рустамов оставил заметный след и в изучении животного мира этого региона. Его работы по орнитологическим связям Копетдага с Малым Кавказом, в частности Нахичеванью, стали образцами зоогеографического анализа. Ученый внимательно следил за развитием зоологических исследований на Кавказе, собирал литературу по его животному миру, прекрасно ориентировался в ней. Не в меньшей степени знал и представлял природу Азербайджана, так как посетил многие его уголки: Апшерон, Куба, Кусар, Шемаха, Кюрдамир, Гянджа, Карабах, хорошо был знаком с Гёйгёльским, Закатальским, Ширванским и Гызылагачским заповедниками.

Его научные интересы были разносторонними: орнитология, герпетология, териология, экология, зоогеография, заповедное дело, охрана

природы, история науки. Диссертационные работы своих аспирантов, как туркменских, так и азербайджанских, которых у него было не мало, ученый направлял на изучение не только птиц, но и земноводных и пресмыкающихся. Звание профессора он получил в 32 года, вскоре после защиты в Московском государственном университете докторской диссертации «Птицы пустыни Каракумы». Этот труд, принесший ему известность в научном мире, был знаковым в его научной карьере. А после его доклада о новых исследованиях авифауны Каракумов в 1954 г. на XI Международном орнитологическом конгрессе в Швейцарии его имя стало известно и во всем научном мире.

А.К. Рустамов был частым гостем института зоологи АН Азербайджана. И не просто гостем. Как правило, он выступал на научных семинарах с сообщениями о последних новостях зоологической науки или докладывал свою очередную научную концепцию. Бурную дискуссию среди зоологов вызвал его доклад о комплексном подходе к орнитологическим связям Копетдага и Гиркании.

Официальным адресом академика А.К. Рустамова считался Ашхабад, а фактически его научная и организационная деятельность была связана и с научными центрами Азербайджана, России. Он блестяще представлял достижения науки и образования Туркменистана в Великобритании, США, Канаде, Франции, Швейцарии, Швеции, Испании, Индии, Иране, Заире и других странах мира. Его наибольшей заслугой в области охраны природы является миссия Генерального секретаря XIV Генеральной Ассамблеи Международного союза охраны природы, которая состоялась в Ашхабаде тридцать лет назад, в 1978 году. На этом форуме участвовало более тысячи представителей 500 организаций из 60 стран. На нем впервые была принята Международная стратегия по охране природы. Тогда же Туркменское общество охраны природы стало официальным членом МСОП.

Жизнь, отданная служению науки, длинный перечень почетных званий, титулов и наград, множество научных трудов, сотни учеников, многие из которых стали известными учеными. И вместе с тем – добрый, отзывчивый человек большого сердца – таким запомнился Анвер Кеюшевич всем, кто его знал. Академик, доктор наук, около 30 лет возглавлявший Туркменский сельскохозяйственный институт (ныне университет) в науке был очень требовательным. Он любил повторять: «Наука – это океан и даже умеющий в нем плавать может погибнуть или, не одолев его, возвратиться назад». Сам он никогда назад не возвращался, он плыл к своему берегу, вел за собой молодых и всегда одерживал победу.

ЧАСТЬ 2. НАШ ЛЮБИМЫЙ РЕКТОР И НАСТАВНИК

ВЫДАЮЩАЯСЯ ЛИЧНОСТЬ

Ш.Р. Херремов

Доктор ветеринных наук, экс-декан Туркменского
сельскохозяйственного университета (г. Ашхабад)

Излагать на бумаге свои воспоминания о жизни поистине выдающихся людей – дело, на первый взгляд, такое простое и в то же время чрезвычайно ответственное. Простое, потому что сохранилось много достоверных сведений о биографии этого талантливого педагога и великого ученого, ответственное же потому, что мемуары в первичной своей сути – явление предельно субъективное. Когда же дело касается личности поистине выдающейся, необходимо взвешивать каждое слово, каждый оборот, фразу, составляющие целостный портрет человека и личности.

К великому моему сожалению, судьба не представила мне случая непосредственно работать вместе с таким деятельным ученым, талантливым учителем, чутким руководителем, опытным организатором, человеком высокой культуры, каковым являлся Анвер Кеюшевич Рустамов. Несмотря на это, биография, жизненная позиция, сам характер его ничуть не становятся менее интересными. Говорят, слава намного опережает самого человека. Я был наслышан об Анвере Кеюшевиче от его сослуживцев, учеников и последователей, тех, кто многие годы жил и работал вместе с ним, деля радости и тяготы. Все они характеризовали его как маститого ученого, опытного педагога, талантливого администратора, успевшего сделать много доброго и полезного на ответственном посту ректора одного из самых престижных высших учебных заведений нашей страны. И с каждым таким рассказом в сердце росло искреннее, глубокое уважение к этому выдающемуся человеку. Судьба свела меня с ним лицом к лицу в 1978 году. Незабываемые минуты торжественной церемонии, когда Анвер Кеюшевич собственноручно вручил мне диплом с отличием об окончании института, навеки запечатлелись в моем сердце.

Впервые профессора Рустамова я увидел 30 августа 1973 года во время ознакомительной встречи новоиспеченных первокурсников с профессорско-преподавательским составом института. В памяти сохранились по-отечески теплые слова его напутственного обращения к нам, тогда молодым студентам.

Он сказал тогда: «Дорогие студенты, юноши и девушки! Вам выпало счастье называться студентами старейшего и престижнейшего вуза Туркменистана, насчитывающего свою историю с 1930 года. Вы вправе этим гордиться. Дружный профессорско-преподавательский коллектив вуза насчитывает около 400 кандидатов и докторов наук, которые будут преподавать вам основы фундаментальных и прикладных наук. К вашим услугам - богатейшее книжное собрание институтской библиотеки, насчитывающей в своих фондах более миллиона уникальных изданий, прекрасно оборудованный спортивный зал, а также социальный факультет, позволяющий основательно изучать основы песенно-музыкального творчества, танца, живописи, других направлений искусства, организовывать содержательный культурный досуг в свободное от учебы время».

Считаю полезным упомянуть о некоторых незначительных, на первый взгляд, событиях, раскрывающих портрет этого незаурядного человека. Это произошло в 1978 году. Полным ходом велась подготовка к проведению в городе Ашхабаде XIV ассамблеи Международного Союза охраны природы и естественных ресурсов. Конечно же, очень высокие требования предъявлялись к внешнему благоустройству объектов, представлявших визитную карточку туркменской столицы. В этой связи ректор одного из столичных вузов, совершая обход по территории сельскохозяйственного института, был так удивлен царящей повсюду образцовой чистотой, а также порядком, что не удержался и спросил: «Анвер Кеюшевич, поделитесь опытом. И кто вообще является Вашим проректором по хозяйственной части?» На это наш ректор незамедлительно ответил: «Дорогой мой коллега, проректором по хозяйственной части в нашем институте является сам профессор Рустамов». В институте эту байку передавали из уст в уста и не зря: Анвер Кеюшевич действительно прекрасно разбирался в проектно-строительной сфере и умел в конструктивном ключе решать различные вопросы хозяйственной жизни института.

Вспоминают и другой случай: в 60-70-х годах прошлого столетия один из первых лиц государства изъявил желание посетить опытно-экспериментальное хозяйство Туркменского сельскохозяйственного института. Согласно предварительной договоренности, Анвер Кеюшевич, как и положено ректору вуза, спозаранку прибыл на территорию институтского опытно-экспериментального хозяйства, где напрасно прождал вплоть до полудня. Не дождавшись высокопоставленного гостя, Анвер Кеюшевич предупредил тогдашнего директора о том, что наступило время обедать, и

ушел на перерыв. Следом за ним, как это часто и бывает, прибыл и важный чиновник. Конечно же, он, в первую очередь, поинтересовался, почему его не встречает профессор Рустамов, на что ему вежливо ответили, что ректор ждал его самого утра, и, не дождавшись, ушел обедать. Высокопоставленный чиновник поглядел на часы и покачал головой: мол, и вправду, наступило время обеда, не стоит сетовать на то, что Анвер Кеюшевич ушел отдыхать. Затем обратился к директору институтского опытно-экспериментального хозяйства: «Ну что же, Акмурат-ага, делать нечего, тогда обход придется провести вместе с вами». Этот случай еще раз подтверждает тот факт, что профессора Рустамова прекрасно знали в самых верхах правительственных структур, уважали и очень ценили за умение дорожить собственным временем и временем других людей.

Говорили, что в начале 1960-х годов из головного Министерства сельского хозяйства Советского Союза в адрес ректоров ведущих аграрных вузов страны поступила директива о необходимости передислокации учреждений профильного высшего профессионального образования на периферию, т.е. в сельскую местность, дабы, как говорится, «быть ближе к земле», а студенты могли бы каждодневно закреплять на практике полученные теоретические знания. В связи с этим были запрошены адресные данные основных аграрных вузов. Анвер Кеюшевич сумел найти уловку и выход из этого достаточно щекотливого положения, заявив: «Товарищ министр, в настоящее время Туркменский сельскохозяйственный институт располагается в пределах сельсовета Кеши». В результате было принято решение оставить институт по прежнему адресу.

В самые драматичные и волнительные минуты жизни почти все мы обращаемся к своим истокам, ищем поддержку и вдохновение в том, к чему искренне лежит душа. Анвер Кеюшевич в трудные минуты оставался верен заложенным в нем творческим началам. По словам его талантливого ученика, верного последователя и преданного соратника Овеза Сопыева, профессор Рустамов стойко преодолевал все невзгоды, посвящая все свое свободное время научному творчеству. Анвер Кеюшевич любил повторять: «Каждой публикации своей научной статьи я радуюсь искренне и глубоко, словно рождению сына». Еще он говорил: «Никто не отредактирует вновь написанную книгу лучше самого автора, необходимо только подождать некоторое время, а затем вновь её прочитать. Тогда становятся очевидными все недостатки и упущения». С этим мнением нельзя не согласиться. Впоследствии я не раз убеждался в правильности данного суждения.

Создание книги – чрезвычайно сложный процесс, он требует от человека огромных усилий и неустанного труда, осознанного, и в то же время чуждого всякой суеты, отношения к делу всей твоей жизни. Как не вспомнить тут знаменитое русское: «Поспешишь – людей насмешишь»!

Однажды Анвера Кеюшевича напрямую спросили: «Каково это, 28 лет кряду управлять головным аграрным вузом Туркменистана? В чем секрет успеха?» Говорят, профессор Рустамов недолго думая, парировал: «Это то же самое, что научиться босым ходить по обоюдоострому лезвию».

За долгие 28 лет талантливого руководства на посту ректора Туркменского сельскохозяйственного института – одного из основных и крупнейших вузов нашей страны, Анвер Кеюшевич Рустамов развил довольно плодотворную научную деятельность. Было написано и опубликовано более 500 научных работ, в том числе учебных пособий и полновесных научных монографий. При его непосредственном участии была составлена Красная книга Туркменистана, он являлся научным руководителем более 20 впоследствии успешных ученых, обладавших степенью кандидатов и докторов наук.

Профессор Рустамов непосредственно вел лекционный курс по охране природы у студентов-пятикурсников. Надо сказать, что лекции всегда проходили при стопроцентной посещаемости, хотя профессор никогда не устраивал «переклички», к которой обычно прибегали, дабы удостоверить факт пребывания студентов на занятии. И тому существовала веская причина: приятный, бархатистый голос, необыкновенная дикция, манера преподносить учебный материал, правильное построение лекционных и семинарских занятий вкупе с личным обаянием создавали атмосферу необыкновенного магнетизма, своего рода таинства. Для всех нас – молодых студентов он был образцом для подражания, любимым педагогом, талантливым ученым, заслуженным академиком.

Все, кто хоть раз общался с профессором Рустамовым, подчеркивали его удивительную скромность, простоту, сочетающуюся с предельной компетентностью. Прекрасно отработанная дикция дополнялась отточенной лаконичностью и завершенностью мысли. Он умел быть отменно вежливым с людьми почтенного возраста и молодыми студентами, чем, конечно же, снискал к себе всеобщую любовь и уважение, особенно педагогического коллектива института.

Пунктуальность была одной из основных черт характера профессора Рустамова. Она наравне с другими жизненными принципами определяла

его поступки и формировала образ выдающейся личности, запечатлевшейся в наших сердцах. Стремление быть точным и предельно пунктуальным чувствовалось во всем. Я сам не раз убеждался в этом, когда вел семинарские занятия по спецпредмету. Уроки проходили в главном учебном корпусе института. Окна 29-ой аудитории выходят как раз на площадь перед главным входом. Ровно в 13-00 Анвер Кеюшевич отбывал на обеденный перерыв, с которого возвращался не позднее 14 часов. Будучи руководителем института он еще больше оставался верен своим принципам.

Помню, в 1985 году в приемной Анвера Кеюшевича состоялось совещание членов государственной экзаменационной комиссии. Именно тогда я впервые увидел рабочий кабинет ректора. В то время я был назначен секретарем государственной экзаменационной комиссии по специальности «Зоотехния» зооветеринарного факультета института. В ходе заседания профессор Рустамов подчеркнул необходимость организовать и провести государственные экзамены на высоком организационном уровне и дал ряд конкретных указаний ответственным лицам. В конце совещания он спросил: «Кто является секретарем комиссии?» Признаться, сначала я несколько смутился, но спустя мгновение поднялся с места и представился. Анвер Кеюшевич предупредил, что мне придется грамотно фиксировать все, что было высказано в ходе совещания, а также ответы студентов, и добавил: «Документы остаются всего лишь документами, а живое слово ничем другим не заменишь». Затем профессор поинтересовался, изучил ли я в совершенстве Положение о государственной экзаменационной комиссии и порядок составления протокола. Наверное, мой ответ был недостаточно убедителен, потому что он поручил Николаю Петровичу Козлову, являвшемуся тогда заведующим учебной частью, провести со мной дополнительный инструктаж. А я еще раз наглядно убедился, сколь тонким психологом был Анвер Кеюшевич.

Мои воспоминания об этом прекрасном человеке были бы далеко неполными, а по сути, лишены глубины и искренности, если бы я не упомянул о следующем событии, чрезвычайно важном в моей дальнейшей судьбе. Некоторых непосредственных участников происшествия, о котором я собираюсь рассказать, уже нет в живых, да упокоит Создатель их души, дарует им мир и благоденствие! Это произошло в 1986-1987 годах. Я приступил к завершающей стадии своей докторской диссертации, связанной с селениями Меане и Чаче этрапа Алтын Асыр (ранее Каахкинского этрапа) Ахалского веляята. В 1986 году должен был осуществить эксперимент по теме

докторской диссертации по селению Меане. В ходе консультаций у меня возникли серьезные разногласия с моим любимым педагогом и научным руководителем – профессором Марией Афанасьевной Виноградовой. Как это нередко бывает в ученом мире, нашлись люди, которые попытались выстроить на этих разногласиях целую стратегию научного противостояния и даже вражды между мною и профессором. Ситуация складывалась, мягко сказать, нелицеприятная. Я вынужден был отставить в сторону плоды пяти лет напряженных научных изысканий и вплотную заняться исследованиями уже в селении Чаче. Нужно ли говорить, что на кафедре мое положение существенно усложнилось. Я чувствовал непомерное моральное давление. Не знаю, каким образом, но о положении вещей на кафедре стало известно ректору института.

Вскоре на площади перед главным учебным корпусом меня встречает проректор. Мы поздоровались, Гельды Нобатович поинтересовался: «Как дела, Шамурат? Каковы взаимоотношения с профессором Виноградовой? Нет ли каких осложнений?». Я выложил начистоту все, что на душе накопилось: «Это не осложнения вовсе, а непреодолимое препятствие, даже довольно глубокая неприязнь». Гельды Нобатович улыбнулся и поспешил меня уверить: «Мол, можешь работать спокойно, никто тебе более мешать не станет». Поначалу я его слов не понял, а уточнять и выспрашивать в таких случаях неудобно. Но очень скоро почувствовал, что «сгустившиеся» надо мной черные тучи окончательно рассеялись». Спустя 5-6 лет после этого разговора как-то повстречался с Гельды Нобатовичем. Он снова завел речь о той памятной встрече, и поинтересовался, помню ли я ту беседу. Я ответил, что, конечно же, помню, как-будто это произошло на днях, что такие вещи так просто не забываются, и извлеченные полезные уроки остаются в памяти на всю жизнь. Тогда Гельды Нобатович поведал мне сполна о том, что тогда произошло: «Как раз в то время мы с Анвером Кеюшевичем отправились в служебную командировку в город Ленинград. Уже в самолете профессор Рустамов поинтересовался о тебе, о разрозненном до служебного конфликта недопонимании, возникшем между тобою и профессором М.А. Виноградовой, и поручил все досконально выяснить. По возвращении я с коллегами исполнили поручение, о результатах которого сообщили ректору института. Анвер Кеюшевич пригласил к себе профессора М.А. Виноградову, состоялся довольно нелицеприятный разговор. Он, в частности, строго сказал: «Ш. Херемов является Вашим учеником, он уверенно идет к докторской степени. И если Вы не желаете ему помочь,

то хотя бы не стройте против него козни». То, что серьезный разговор возымел позитивные последствия, сомневаться не приходилось... Однако я хочу особо подчеркнуть, что до сих пор храню в сердце добрые чувства к профессору М.А. Виноградовой, считаю её своим уважаемым наставником и прекрасным педагогом и благодарен ей за все. Позже она призналась мне в своем заблуждении, и недопонимание между нами было исчерпано, а чувство искренней глубокой благодарности я сохраню на всю жизнь. Вместе с тем данный инцидент еще раз показал всю глубину человечности, порядочности, внутренней культуры, какими обладал Анвер Кеюшевич Рустамов – талантливый руководитель и по-настоящему отзывчивый человек.

Добрые, светлые воспоминания об академике А.К. Рустамове можно было бы продолжать бесконечно долго. Память о выдающихся личностях не подвластна бегу времени. Талантливый ученый, чуткий педагог, умелый руководитель и просто прекрасный человек – профессор Рустамов внес весомый вклад в развитие туркменской науки, образования, навсегда заслужив глубокое уважение и искреннюю любовь всех, кому посчастливилось с ним работать. Доктор биологических наук, заслуженный работник науки и техники Туркменистана, профессор, академик А.К. Рустамов оставил богатое научное наследие. Научные труды, вся биография этого великого человека – от начала до конца – образец беззаветного служения родной земле, порядочности и человеческой культуре. Уверен – такие люди достойны искреннего уважения и увековечения в памяти благодарных потомков.

РЕКТОРСКИЙ ТАЛАНТ А.К. РУСТАМОВА

В.Г. Шустова

Экс-ученый секретарь Туркменского
сельскохозяйственного института (г. Лондон)

Анвер Кеюшевич Рустамов – три заветных слова.

Анвер Кеюшевич Рустамов – три незабвенных слова.

Анвер Кеюшевич Рустамов – три слова, как музыка.

– Гимн прекрасному человеку, трудолюбивому ректору, талантливому лидеру.

Да, к сожалению, физически мы не имеем счастья видеть его умные лукавые светло-карие глаза, но никто не может отобрать у нас права добрых воспоминаний, ибо Анвер Кеюшевич Рустамов – это яркий руководитель, подаривший людям роскошь осмысленной работы, роскошь творчества, роскошь делового сотрудничества. Анвер Кеюшевич Рустамов – это наше все...

Целое поколение туркменских преподавателей-аграриев, специалистов сельского хозяйства и ученых-экологов ощущают в себе чувство собственного достоинства, профессионализм и патриотизм, дарованный ректорским гением этого необъятного человека, стоявшего во главе лучшего вуза Туркменистана почти три десятилетия. Каждый из нас, кому посчастливилось жить и работать с ним, несет в себе эхо любви этого замечательного человека.

**Природа рождает. Жизнь хоронит. История воскрешает.
Воскрешает имя Анвера Кеюшевича Рустамова для будущих поколений.
Чтобы помнить. Чтобы учиться. Чтобы быть совершенней.**

Когда тебе 16, и юность стучит в висках, невольно выбираешь себе кумира, с которого можно писать собственную жизнь, подражая прекрасным идеалам. Для меня это был портрет красивого мужественного человека с восхитительно умными глазами, помещенный на форзаце популярного в 1970-х годах советского журнала «Здоровье». В какой связи Анвер Кеюшевич попал в это издание – до сих пор для меня загадка. Что это было? Волшебство? Магия? Послание божье? Спустя пару лет, будучи студенткой, я увидела этого самого-самого красивого умного и мужественного человека «живьем» в скромном актовом зале столичного педагогического училища в качестве кандидата в народные депутаты.

Неожиданно охватило странное чувство, почти как у А.С. Пушкина: «Он чуть вошел, я вмиг узнала, вся заалела, запылала и в мыслях молвила: «Вот он!», с кого можно писать свою жизнь и карьеру.

Спустя десятилетие, уже имея высшее образование, мне удалось переступить порог «храма» науки, как образно называл свое детище А.К. Рустамов, и, к счастью, проработать в Туркменском сельскохозяйственном институте более 25 лет рядом и вместе с этим уникальным человеком, каждый день встречи с которым был праздником.

Анвер Кеюшевич признавался, что не любил писать мемуаров. Поэтому мое эссе – не мемуары, даже не воспоминания, а скорее обращение к тем, кто на примере А.К. Рустамова хочет посвятить себя беззаветному

служению Отечеству.

Кто он – Анвер Кеюшевич Рустамов, чье 95-летие мы торжественно отмечаем?

Да, тысячи людей знают, что он – профессор, академик, научный авторитет, руководитель крупного учебного заведения, создавшего в течение 28 лет своего ректорства неповторимый имидж института в республиканском и Всесоюзном масштабе.

Но он еще и выдающийся менеджер, хотя в его времена слово «менеджер» нельзя было найти ни в одном толковом словаре. В этой связи мне хочется рассказать о неизвестной стороне управленческого гения А.К. Рустамова, его безграничном менеджерском таланте, помноженном на психологическое чутье.

Сейчас, когда есть доступ к сотням учебников по менеджменту, и Интернет выдает тысячи страниц информации по различным законам менеджерской власти, не перестаю удивляться, откуда он знал столько секретов управления людьми?

Мне посчастливилось наблюдать бесчисленное множество, выражаясь современным языком, бизнес-ситуаций, в которых Анвер Кеюшевич был блестятелен, неповторим и неподражаем.

О некоторых из них постараюсь рассказать.

Каков был Туркменский сельскохозяйственный во времена Рустамова? Это было мощное учебное заведение, флагман высшего образования в Туркменистане, очаг и оазис культуры, кузница сельскохозяйственных, педагогических и научных кадров. Институт являлся местом, где одинаково комфортно было студентам, преподавателям и сотрудникам, где все умели и желали работать. Это был «дворец науки и образования», где обучалось свыше 12 тысяч очников, заочников, «подготовишек». Учились все: юнцы и убеленные сединами старейшины – руководители колхозов и совхозов, работники партийных и хозяйственных органов. Профессорско-преподавательский корпус превышал тысячу человек. Столько же было обслуживающего персонала. В институте поражало все: дисциплина, четкость, культ знаний, а главное – отработанные и вошедшие в плоть и кровь каждого члена коллектива традиции.

Рассказывают, что однажды в институт прибыла комиссия, а ректора в кабинете не оказалось. На вопрос: «Где ректор?» хорошенькая секретарь Жанночка с большими глазами и благоразумными ресницами ответила, что Анвер Кеюшевич на территории в студенческом парке слушает пение птиц.

«А кто же управляет институтом?» был встречный вопрос. «Институтом правят традиции», – не растерявшись ответила Жанна. Меня всегда поражала способность этой милой девушки свободно скороговоркой произносить имя и отчество ректора – Анвер Кеюшевич. Признаюсь, поначалу я ей очень завидовала и думала, что у меня никогда не получится так четко и гладко. А оказалось, что за четверть века пребывания в должности ученого секретаря я не только выучила имя Рустамова, но и испытала магию его личности, совместно подготовив 300 заседаний Ученого совета, определявших стратегию и тактику развития нашего вуза.

Трудно забыть, как в его кабинете я искренне рыдала от предложения перейти на новую должность Ученого секретаря. Невозможно передать, какие аргументы он приводил в защиту своего делового предложения, называя Ученый Совет «мозгом» института. Сегодня трудно переоценить те духовные блага, которые подарил мне этот добрый и мудрый человек. Но моя история – часть удачного рекруитмента Анвера Кеюшевича. Своей карьерой и профессиональным развитием ему обязано целое поколение преподавателей сельскохозяйственного института, да и не только их. Его пронзительный ум наблюдал за целой плеядой будущих доцентов и профессоров уже со студенческой скамьи. Это они вместе с Рустамовым творили историю вуза и развивали высшее сельскохозяйственное образование в аграрном Туркменистане. Они любили друг друга и самоотверженно работали. Они жили одной семьей, делили радость и горе. А Анвер Кеюшевич был общепризнанным отцом, и когда его служебная машина стояла у подъезда института, сотрудники испытывали удовлетворение: «Все в порядке в сельхозовском королевстве».

Историй успеха, о которых можно было бы рассказать, бесспорно, бесчисленное множество. Вот некоторые из них.

Как-то Анвер Кеюшевич рассказывал, что первое, с чего он начал свое трудное ректорство, было установление регламента заседаний Ученого Совета. До него эти заседания длились столько, сколько ученым хотелось, чтобы высказаться всем... Порою заседания проходили с 10 утра до 10 вечера, ибо красноречие членов «Мозгового центра», как Рустамов называл Ученый Совет, было неиссякаемо. Каждый щеголял умом и образованностью, пренебрегая временем. Анвер Кеюшевич ввел регламент – два часа заседаний и ни минуты более. Сопротивление членов совета, понятно, было длительным, потому что от старой привычки освободиться было весьма непросто. Но Рустамов был непреклонен. Он победил

стереотипы и... время. Четверть века мне приходилось наблюдать, как умело управлял Анвер Кеюшевич Ученым советом: «Слово предоставляется профессору... у Вас 5 (2, 3, 4 с половиной) минуты». И это были не пустые слова, если оратор не умолкал, мягко и деликатно звучала следующая жесткая фраза председателя Совета – ректора А.К. Рустамова: «Спасибо. Ваше время истекло. Присаживайтесь».

Менеджерская твердость А.К. Рустамова коснулась и лично меня. Молодость, восторженное отношение к действительности, филологический синдром делали мои ежедневные доклады ректору продолжительными и весьма эмоциональными. Вначале он терпеливо слушал. Затем ерзал в своем кожаном кресле с высокой спинкой. Потом просто останавливал на полуслове, пронзительно глядел на часы, которые стояли напротив письменного стола в его кабинете. Одного такого замечания мне было достаточно, чтобы понять, насколько трогательно относился этот мудрый человек к самому важному ресурсу – своему и чужому времени. И впредь, прежде чем идти в ректорский кабинет, мне приходилось репетировать все, что я собиралась сказать, оттачивая мастерство своей деловой трехминутной презентации...

Главным украшением кабинета ректора был великолепный небывалых размеров туркменский ковер ручной работы. Каждого он приводил в восторг и трепет. В институте жило выражение «Быть приглашенным на ковер». «На ковер» – по разному поводу: и для похвалы, и для порицания. Ковер, как я сейчас понимаю, нес не только эстетическую нагрузку и демонстрацию национального менталитета. Это была определенная психологическая интрига, равно, как и масштабы самого ректорского кабинета, поражавшего воображение своими размерами, строгостью, простотой и красотой одновременно.

Меня всегда удивляла психологическая мудрость ректора. Рустамов никогда не держал часов на своем рабочем столе. Его стол украшал только роскошный письменный прибор из ценного природного камня серо-бежевого цвета. Сегодня я понимаю почему. Часы на рабочем столе – по поверью – отсчитывают время пребывания в должности. Может быть, отсутствие часов на рабочем столе и продлило его ректорский стаж до 28 лет...

Как ему это удавалось? Только ему было известно, что работать ректором надо весело, само по себе ректорство – вещь простая, но пусть кто-нибудь скажет, что быть ректором – легко.

У Анвера Кеюшевича был особый талант подбирать кадры. Во-первых, в институте все преподаватели внешне были очень привлекательны. Они и сегодня, уже убеленные сединами, несут в себе рафинированную интеллигентность. Во-вторых, он максимально использовал возможности аспирантуры и докторантуры для подготовки научно-педагогических кадров, и уже в студентах видел своих будущих профессоров и доцентов.

В-третьих, институт являлся педагогической мастерской, а сам Анвер Кеюшевич – главный в ней работник. Своим примером он восхищал, покорял, делал предметом подражания.

Его любили преподаватели и студенты, проректоры и деканы, заведующие кафедрами и коменданты общежитий, мужчины и женщины, молодые и старые, мягкие и чрезмерно принципиальные. Его любили и боялись, благоговели и трепетали. Почему?

Причин много, в том числе исторические. В каждом из нас в те годы еще оставался «дух» эпохи. Анвер Кеюшевич, как дитя своего времени, никогда не скрывал своей принадлежности к авторитаризму. Но его авторитаризм имел здравый смысл. Был понятен. Был принят и одобрен всем коллективом, потому что имел созидательную силу.

Ну а страх? Признаться откровенно, был и страх. Например, моя коллега из научного отдела как-то заметила: «Удивляюсь я Вам, Валентина Георгиевна, и как это Вы каждый день по несколько раз можете заходить в кабинет Анвера Кеюшевича. Меня ректор вызывает раз в полугодие, когда Чары Рахметович (Ч.Р. Рахметов – проректор по научной работе. – *прим. ред.*) в командировке. Остальные полгода у меня дрожат колени...» Но это, как я сейчас понимаю, не был физический страх. Скорее это было чувство ответственности перед большим и умным человеком за качество своей работы. Не скрою, это было и преклонение перед его огромным научно-педагогическим авторитетом.

Как-то в канун большого всенародного праздника 9 Мая привелось мне столкнуться с Анвером Кеюшевичем в широком коридоре первого учебного корпуса на повороте к дверям ректорского кабинета. Именно там мне часто приходилось встречать его во всем Рустамовском величии. В тот памятный день он возвращался с какого-то городского мероприятия, шел, прихрамывая (результат сложнейшего перелома бедра), а его многочисленные боевые и трудовые награды позванивали, будоража воображение. Он выжигал пространство вокруг себя... Хотелось раствориться в стене, чтобы освободить дорогу этому заслуженному и мощному

человеку... В такие моменты Рустамов, представьте, так же, как и я, очень смущался и, будучи истинным джентльменом, приостанавливался, уступая дорогу. Именно из таких «маленьких жертв» складывался его огромный ректорский и человеческий имидж.

Анвер Кеюшевич был смелым человеком. Он любил педагогический риск. Именно этим я объясняю его неожиданное поручение в течение месяца перестроить парадигму моего педагогического мышления и подготовиться к проведению учебных занятий по курсу «Психология бизнеса», потому что новые московские учебные планы требовали немедленного введения этой дисциплины на экономическом факультете. Это были годы горбачевской перестройки, когда «железный занавес» только рушился, а литературы по психологии бизнеса не найти было днем с огнем. Рустамову возражать было бесполезно. Больше надо было думать о решении проблемы. И она была решена. Правда, мне приснился страшный сон, будто Анвер Кеюшевич в очередной раз вызывает к себе на ковер и предлагает с завтрашнего дня приступить к чтению дисциплины «Сопrotивление материалов»... Увы, зная Анвера Кеюшевича, такое могло случиться не только во сне... И тогда бы за месяц я выучила дисциплину ... «Сопrotивление материалов».

Именно благодаря его неистребимой способности идти на разумный риск мне даровано было право быть первой квалифицированной леди в области психологии бизнеса в Туркменистане. Это обстоятельство достойно моей глубокой благодарности Анверу Кеюшевичу.

Тонкий психолог, Анвер Кеюшевич, по понятным причинам, ограниченный стенами своего кабинета, изыскивал возможности профессионального тестирования своих работников. Например, он мог после совещания при ректоре сказать проректорам и деканам: «Спасибо. Все свободны. А Вас, Валентина Георгиевна, прошу остаться». Признаюсь, душа в такие минуты уходила в пятки, а он, подводя меня к окну своего кабинета, выходявшего на городской ботанический сад, вполголоса спрашивал: «Ответьте мне, пожалуйста, как правильно писать выражение: «Слава Октября» или «Слава Октябрю»? Это были самые трудные вопросы русской орфографии. Но именно эти вопросы заставляли меня ежедневно заглядывать в учебники и быть готовой всегда дать правильный ответ, ибо спрашивал сам Анвер Кеюшевич! Или он мог, нажав кнопку своего огненно красного селектора, спросить: «Сколько «с» надо писать в словах ресурсы и рессоры?». Скажу откровенно, орфографический словарь русского языка с письменного стола я не убирала никогда. Своей требовательностью к

профессиональной компетентности он, как сам позже признался, сделал меня самой грамотной во всем институте (безусловно, после себя, потому что с гордостью могу отметить, что за 25 лет совместной работы я не встретила в его деловых бумагах или научных отчетах ни одной ошибки!).

Анвер Кеюшевич не только виртуозно владел письменным языком. Он был прекрасным оратором. Причем, превосходно говорил на туркменском, русском и азербайджанском языках. Этого отрицать не может никто. Третью его имиджа состояла в том, что он владел туркменским литературным языком на таком высоком уровне, что это бесспорно признавала вся наша национальная научная элита и студенчество. Искусство ораторской речи мне удалось почувствовать при открытии памятника М.И. Калинин. Его первые слова были очень тихими. Они заставляли всех присутствующих на институтской площади перед главным учебным корпусом напрячь слух. По всем канонам публичной речи слушатели непроизвольно концентрировали свое внимание на статном красивом авторитетном ораторе. Заканчивал же он свою приветственную речь так громко, что по всей улице Тимирязева раскатом звучал его красивый баритон: «Да здра-вству-ет на-ша Ве-ли-ка-я Ро-ди-на!» Это был высший ораторский пилотаж. О секретах гармонии слова, голоса и жеста Анвера Кеюшевича мне приходилось не раз рассказывать сотням студентов на занятиях в Школе Молодого Лектора факультета общественных профессий нашего института.

Создавать научные труды в те времена было непросто. Представьте, вместо компьютера – пишущая машинка. Ошибка портила целую страницу. И вот как-то однажды при повторном редактировании статьи нужно было поменять одно слово. Не поверите, Анвер Кеюшевич сам подобрал синоним, сосчитал буквы взамен ненужного слова и очень счастливый предложил свой вариант.

Он сам всегда много трудился, в том числе и за пишущей машинкой, поэтому знал, насколько это тяжелый труд, а главное – уважал своих помощников. Такой же грамотной была и Елизавета Александровна, его супруга, добрый друг, домашний корректор и боец тылового фронта. Мы в те времена не знали друг друга, но заочное уважение было взаимным.

Деликатность ректора, а в летний период – председателя приемной комиссии, была безграничной. Известно, что с приемной комиссией «шутки, выражаясь словами Анвера Кеюшевича, были плохи». Вспоминается жаркое августовское утро. Пятиминутка. Доклад ответственного секретаря. Затем – комментарий Анвера Кеюшевича, который в адрес экзаменаторов по

русскому языку сделал такое замечание: «Этим преподавателям не надо шифровать экзаменационные работы: они запоминают абитуриентов по их ошибкам». Действительно, так и было, потому что нужно было помочь детям наших преподавателей. И когда после экзамена ответственный секретарь, доцент А.К. Ремиханов положил на стол зашифрованные работы, у меня вырвалось: «А это диктант сына нашего физика». Строгость голоса ректора на пятиминутке (для всех) была настоящей, но в его умных и прищуренных глазах (для меня) было глубокое понимание и даже больше – похвала за смекалку. Безусловно, он не мог не отреагировать на ситуацию, но его замечание было скорее шутливым, чем назидательным. Оно осталось в моей преподавательской памяти навсегда, как образец менеджерского искусства и дипломатии.

Теперь понимаю, как не просто было Анверу Кеюшевичу носить эту Шапку Мономаха. Оставаясь таким же человеком, как и сотни его коллег, он порой «с завистью» смотрел, как в 5 часов вечера расходились домой его сотрудники. Кого-то ожидали мужья в машинах, кого-то – молодые люди, кто-то нес тяжелые сумки, наполненные на рынке в обеденный перерыв. Все спешили домой, а ему в силу статуса, надо было работать, как минимум, до 7 часов вечера.

А вот утром по нему можно было сверять часы. Такой же пример можно было наблюдать во время дневного перерыва. Он начинался у него с 13 часов. К этому времени ректор завершал первую половину дня, и в 13 – хоть «травы не расти» - п-е-р-е-р-ы-в.

Он стремительно выходил из кабинета и переносил всем незапланированным посетителям встречу позже на час и ...в 14.00. Этот высокоорганизованный человек действительно занимал свое ректорское кресло. Жизнь института никогда не останавливалась, несмотря на то, что день переламывался пополам.

Самое лучшее вложение добра – в людей. Мне, безусловно, повезло. Моим учителем в менеджменте, психологии, стратегиях письменных и устных коммуникаций был Анвер Кеюшевич, который стоял первым после отца и матери. Об этом я сказала при всем честном народе на своем золотом юбилее. В ответ прозвучало ответное признание. Анвер Кеюшевич так же при всем честном народе сказал: «Валюша, ах, если бы Вы знали, сколько я научился у Вас ...»

Это был самый красивый и незабываемый комплимент в моей жизни!

Помню в день 70-летия Анвера Кеюшевича мне довелось поздравить его стихами Расула Гамзатова, в которых были такие строчки: «Ужели мир наш мог существовать до Вашего на свете появления?» Стихи ему очень понравились, и он частенько просил: «Повторите, как там красиво сказал этот невероятный дагестанец».

Стихи украшали Анвера Кеюшевича. Анвер Кеюшевич украшал этот мир.

Сияние его менеджерского гения хранит каждый из нас, тех счастливых людей, кому улыбнулось счастье жить, работать и наслаждаться общением с этим уникальным и неповторимым человеком, имя которого Анвер Кеюшевич Рустамов, имя, которое я когда-то, в молодости, так боялась не научиться выговаривать...

АНВЕР КЕЮШЕВИЧ РУСТАМОВ – ЛИЧНОСТЬ, КОТОРАЯ РОЖДАЕТСЯ РАЗ В 100 ЛЕТ

С.М. Дурдыев

Доктор ветеринарных наук, экс-профессор
Туркменского сельскохозяйственного университета (г. Ашхабад)

Благодарен судьбе, что среди моих наставников, педагогов, ученых, на которых я ориентировался, был наш Анвер Кеюшевич Рустамов. В течение более 40 лет, на всех этапах моего становления, как специалиста, педагога, общественника, ученого Анвер Кеюшевич оказывал большое влияние и оставил неизгладимую память.

Впервые А.К. Рустамова я увидел в 1965 г. на лекции по зоологии. Это была моя первая встреча в жизни с профессором, доктором наук. Одним своим видом, статностью, высоким ростом, культурой общения он привлекал внимание. Я всегда с неподдельным интересом слушал его лекции. До сих пор в моей памяти его четкие, краткие и в то же время емкие формулировки. Его удивительные рассказы о животном мире нашего края, о Каракумах. Они завораживали, и мне казалось, что я в сказке.

В годы работы ветеринарным врачом я частенько выезжал в северо-восточные районы нашей пустыни. Ездил по Каракумам на ослах, верблюдах, лошадях от района Бир-Ата на север до Хивы и на юго-запад до Теджена. После лекций и рассказов нашего педагога пустыня обрела для меня совершенно другое содержание...

В ноябре 1966 г. меня вызвали в ректорат. А.К. Рустамов предложил мою кандидатуру на должность председателя профкома института. Это, безусловно, было доверие, и оно ко многому обязывало. На должности председателя профкома я проработал два года и решил уйти в науку, но Анвер Кеюшевич приложил руку к груди и сказал: «Тебя просит Анвер Кеюшевич, останься в профкоме». Отказать этому человеку было невозможно. И я продолжал работать на этом поприще.

В декабре 1969 г. я опять зашел к ректору для обсуждения кандидатуры нового председателя профкома института. Анвер Кеюшевич на этот раз выразил свое согласие, но сказал: «Мы находимся в преддверии большого праздника. Ты хорошо поработал и, неужели, отдашь харман другому?» В моем ответе прозвучало: «Да». Если я в действительности достоин похвалы и признания, то народ этого не забудет. Меня отпустили, и я приступил к работе над докторской диссертацией. По сей день помню слова Анвера Кеюшевича: «Сахатмурад, докажи всем, что в условиях нашего учебно-опытного хозяйства можно делать науку». Важным качеством нашего ректора было умение предложить, попросить, умение вселить уверенность, умение подарить надежду.

Помнится как 1968 г., Анвер Кеюшевич предложил мне стать проректором по заочному обучению, но я в вежливой форме отказался, мотивируя, что никогда не преподавал на заочном отделении и совершенно не готов к этой должности. К тому же я вплотную стал заниматься проведением исследований по теме докторской диссертации...

Однажды в 1979 г. он пригласил меня и спросил: «Какое твое личное мнение о совершенствовании высшего образования у нас в институте?» Я ему ответил, что надо поднимать престиж фундаментальных наук и найти рычаги повышения общего уровня знаний у студенческой молодежи. «Ты попал в точку, удивляюсь, как ты угадываешь мои мысли», - восхитился Анвер Кеюшевич.

В декабре 1997 г., на праздновании 80-летнего юбилея нашего учителя, собралось много народу, актовый зал не вмещал всех желающих, я как-то оказался рядом и он, вдруг спросил: «Сахат, мой мозг не дает мне покоя. Вот уже 30 лет в голове мысль, почему тогда, в 68-ом, ты отказался быть у меня проректором по заочному обучению?» Я ответил: «Вы, Анвер Кеюшевич, были, как орел на взлете, и «жизненную пружину» не ослабляли, а закручивали. Сумел бы я выдержать такую нагрузку? Опасался я, что когда-нибудь сорвусь и подведу Вас, чего мне очень и очень не хотелось, поэтому

и отказался». Он засмеялся, как то тепло и по-дружески похлопал меня по плечу...

После добровольной отставки с должности ректора Анвер Кеюшевич полностью перешел на свою родную кафедру, где продолжал читать лекции и приступил к написанию очередного учебника по охране природы. Он продолжал жить и активно интересоваться достижениями своего родного вуза, своего Детища! Внимательно следил за научными работами коллег, давал дельные советы, наставления по интересующим нас вопросам, высказывал новые идеи. Мы все продолжали восхищаться его многосторонней деятельностью, умением руководить коллективом, он по-прежнему оставался для нас Аксакалом!

В заключение хотелось бы подчеркнуть качества этого удивительного человека, его величие, ученость, культуру. Он мастерски вел заседания Ученого совета и собрания любого уровня. Когда он чувствовал, что не укладывается во времени, всегда просил прощения у собрания. Это многих удивляло. А по сути дела, он показывал свою культуру и педагогичность.

Анвер Кеюшевич часто ездил в командировки, в том числе и заграничные, и всегда отчитывался перед коллективом, постоянно прислушивался к мнению коллег. Он всегда учил нас «держат марку» института и придерживаться современных принципов педагогики, логики, психологии.

Когда вызывали в ректорат, я обращал внимание, как он принимает посетителей. Если, сидя за столом, поднимая голову, говорил: «Заходите», – значит, дело не трудное. Если встречал в дверях и приглашал сесть за стол, значит, задание будет не из легких.

Будучи председателем профкома, еще в декабре 1967 г., я поздравлял ректора с 50-летием со дня рождения и в конце добавил: «А что если нам, Анвер Кеюшевич, выпить с Вами по бокалу шампанского в 2017 году?!». Он отшутился, сказав, что до этого еще дожить надо, а я в ответ: «Так давайте доживем!»...

В течение 30 лет я находился рядом с ним, работал под его непосредственным руководством. Его культура, умение вести беседу, уважительное отношение к людям и в то же время напористость и требовательность формировали в нас неповторимый образ руководителя, наставника и друга. Я благодарен ему за все, что он сделал для меня, так как мое собственное становление, как ученого и педагога связано с ним. Всегда относился и отношусь с чувством глубокого уважения к памяти его яркой

творческой личности.

Анвер Кеюшевич – это личность, которая рождается раз в 100 лет, и он жив среди нас. А для Туркменистана – это история.

ВОСПОМИНАНИЯ О ДОРОГОМ ЧЕЛОВЕКЕ И РЕКТОРЕ

А.Д. Аннакурдов

Кандидат технических наук, доцент Туркменского
сельскохозяйственного университета (г. Ашхабад)

В 1963 г. я окончил обучение в Туркменском СХИ, получив квалификацию инженера-механика был направлен на производство. Позже, в феврале 1967 г., пройдя по конкурсу на должность ассистента, стал сотрудником кафедры «Эксплуатация машинно-тракторного парка» того же института. И вот более 40 лет я на факультете механизации сельского хозяйства. Ко времени завершения ректорства А.К. Рустамова в августе 1988 г. я уже пять лет заведовал кафедрой «Сельскохозяйственные машины», был членом Ученых Советов института и факультета механизации сельского хозяйства, имел степень кандидата технических наук и ученое звание доцента, опубликовал свыше 30 печатных трудов, т.е. за годы работы в институте я прошел практически все этапы становления, как педагог и ученый. Считаю, что всем этим я обязан, в первую очередь, А.К. Рустамову.

Придя в 1960 г. к руководству институтом, Анвер Кеюшевич создал серьезную учебную и научную базу, добился открытия аспирантуры и специализированного совета по защите кандидатских диссертаций. Благодаря этому у многих преподавателей, в числе которых был и я, появилась возможность успешно провести научные исследования, подготовить диссертации, а затем и защитить их.

За годы совместной работы я имел счастливую возможность наблюдать стиль работы ректора, который отличался деловитостью, конкретностью, четкостью, ясностью. Много внимания он уделял подготовке и оформлению документов, регламентировавших практически все стороны жизни института и его подразделений на весь учебный год. Эти документы, в основном, начинали готовиться заранее, задолго до начала учебного года. Получив их, руководитель и коллектив каждого подразделения, знали наперед что делать, как делать и когда выполнять ту или иную работу. Это очень помогало, исключало стихийность, штурмовщину и всевозможные

авралы.

Будучи членом Ученого совета института, я принимал участие в его заседаниях. Председательствовал Анвер Кеюшевич. Работа всегда проходила в спокойной, доброжелательной обстановке, хотя иногда рассматривались и очень острые вопросы. А.К. Рустамов был при этом всегда корректен, деликатен, вежлив. Давал возможность выступавшим излагать свою точку зрения, терпеливо выслушивал доводы других участников обсуждения, почти не перебивал, только иногда задавал уточняющие вопросы, редко повышал голос, не было случая, чтобы он кого-нибудь обругал или оскорбил. Это был человек высокой культуры поведения и мастер делового общения. Просил выявлять главное в любом вопросе, излагать суть дела кратко и понятно, строго выдерживал регламент выступлений, прений, заседаний. Потому что, будучи очень занятым человеком, ценил время, и не только свое, но и окружающих, не любил пустословия и красноречия.

Напоминал о необходимости бережного отношения к людям, говоря, что каждый человек – это целый мир, у каждого своя душа, сердце. Анвер Кеюшевич был прост, доступен в общении, не прятался от посетителей в кабинете. На приемах внимательно выслушивал, вникал в существо дела, давал советы, рекомендации. В любом случае удовлетворялись просьбы или нет, большинство посетителей понимало, что их вопрос рассматривался всесторонне. Талант руководителя и большой жизненный опыт помогали ему находить правильные решения.

Несмотря на огромную занятость учебным процессом, научными исследованиями, воспитательной работой, общественными делами он уделял внимание всем аспектам вузовской жизни. Наверное, легче было бы перечислить то, чем он не занимался. Его заботами были созданы условия для совершенствования художественной самодеятельности и улучшения выступления спортсменов. Наши артисты и спортсмены, как правило, были разрядниками. Среди них – не только мастера спорта, но и заслуженные мастера спорта. Они часто выходили победителями различных соревнований, конкурсов, проходивших не только в Туркменистане, но и на региональном уровне и во всесоюзном масштабе. Об этом свидетельствовали многочисленные кубки, призы, почетные грамоты, медали, размещенные на специальных стендах, занимавших стены в приемной ректора.

Его усилиями было завершено строительство правого крыла главного учебного корпуса, построена библиотека с актовым залом, учебный корпус

факультета механизации с демонстрационным павильоном, восемь благоустроенных общежитий для студентов, столовая, исследовательский комплекс гидромелиоративного факультета, просторные навесы для хранения техники на территории бывшей военной кафедры, жилые дома в поселке учебно-опытного хозяйства и дренажная сеть для отвода грунтовых вод. Обновлялись и оснащались современным оборудованием и техникой подразделения института, ремонтировались здания и аудитории, благоустраивалась территория и т.д.

Вспоминается случай в начале 1980-х гг. На одном из заседаний Ученого совета, когда рассматривался вопрос работы хозяйственных подразделений, Анверу Кеюшевичу позвонил ректор медицинского института и поинтересовался ходом подготовки к новому учебному году, объемом выполненных работ по ремонту аудиторий, зданий, наличием строительных материалов и т.д. После того, как А.К. Рустамов ответил ему, тот воскликнул: «А у меня не сделана и половина того, что у вас». Затем спросил: «Кто работает в институте проректором по хозяйственной части?». А.К. Рустамов ответил: «Проректором по хозяйственной части у меня работает Рустамов Анвер Кеюшевич!»

А.К. Рустамов всегда приветствовал инициативу сотрудников, однако эта инициатива не всегда проходила гладко для самих инициаторов. Помню, когда к концу 1974/75 учебного года факультет механизации переселился во вновь построенный корпус, аудитории разделили между кафедрами и приступили к их обустройству. Трем кафедрам, в числе которых была и наша кафедра сельскохозяйственных машин, ввиду их специфики, выделили дополнительные помещения для боксов. Боксы имели входные ворота, а внутри они разделялись перегородками небольшой высоты, изготовленными из сетки рабицы. По сути, эти боксы представляли собой одно огромное помещение, открытое, как говорится, всем ветрам. Спустя некоторое время кафедра «Тракторы и автомобили» установила в своем боксе тормозные стенды для испытания двигателей. Когда их запускали в работу, поднимался невообразимый грохот, все боксы наполнялись удушливыми выхлопными газами, несмотря на то, что трубы от глушителей были выведены наружу. Стало ясно, что для нормальной работы в других боксах необходимо было полностью отгородиться друг от друга кирпичными стенами, что мы и сделали, предварительно убрав сетчатые перегородки. Никаких нарушений и изменений в конструкцию опорных и несущих элементов здания мы не внесли, просто подняли стены от пола до опорной поверхности балок перекрытия крыши.

При очередном посещении факультета Анвер Кеюшевич увидел стены, которые ему совсем не понравились, и мрачно пошутил: «Что это за великие китайские стены?» Затем спросил, кто их поставил и зачем. Поскольку я был одним из ведущих (прошу прощения за нескромность) инициаторов сооружения этих стен, то вышел вперед и объяснил причину их появления. А.К. Рустамов, закончив осмотр, ушел, явно огорченный. Я и мои коллеги – В.Е. Фириченков и Ю.А. Мирзоянц – чувствовали себя очень неловко; хотели, как лучше, а ректор к их инициативе отнесся скептически. Переживали, что будет дальше: вдруг придется разобрать эти стены, сколько труда было вложено. В неведении мы оставались недолго, потому что Анвер Кеюшевич решал все вопросы оперативно. К нам пришел проректор по хозяйственной части Р. Михайлов и сообщил, что его вызвал ректор и спросил, знает ли он, что на факультете механизации перегородили боксы. Проректор ответил, что он не только знает, но и помогал консультациями и строительными материалами. Тогда Анвер Кеюшевич сказал, что действительно, если не изолировать боксы друг от друга, то находиться и работать в них будет невозможно. Но, тем не менее, самовольничать он никому не позволит, и в будущем будет наказывать за самострой. Затем послал Р.Михайлова еще раз осмотреть стены на устойчивость. Ситуация разрядилась, стены остались стоять на своем месте, а мы отделались легким испугом.

Расскажу о еще одной инициативе, связанной с площадкой перед боксами, но с более благополучным исходом. На площадке было удобно работать с крупногабаритной сельскохозяйственной техникой и различными громоздкими конструкциями. В жаркое время года здесь нещадно палило солнце, и негде было от него укрыться. Я предложил посадить деревья по краям площадки и с группой студентов-практикантов провел разметку территории. Выкопали лунки, оградили каждую бетонными бордюрами для полива, удобрили землю навозом, привезенным из учхоза. Доцент А.И. Немудров посоветовал посадить деревья ясеня и привез из питомника саженцы. Понятно, что на другой день после посадки тень не появилась. Но сейчас тенистая аллея с большими деревьями постоянно напоминает, что инициатива была своевременной и нужной. Вскоре после описанного события на ближайшем заседании Ученого совета факультета механизации был зачитан приказ ректора об объявлении мне благодарности и премировании 40 рублями. По тем временам это была солидная сумма. Таким справедливым и внимательным был наш ректор.

Список интересных дел и событий на факультетах и кафедрах можно продолжать бесконечно. Важно одно. В ректорском стиле прослеживается

единая закономерность – А.К. Рустамов всегда и везде стремился поступать справедливо и в интересах дела. А впервые я увидел Анвера Кеюшевича, будучи студентом–первокурсником. В коридоре главного учебного корпуса встретился рослый моложавый человек приятной внешности, опрятно одетый, с правильными чертами лица. Впоследствии узнал, что это был ректор А.К. Рустамов. В ту пору я и не подозревал, что этот замечательный человек озарит мою жизнь таким ярким светом. С той первой и случайной встречи прошло почти полвека. И ныне я, убеленный сединой, с некоторым жизненным опытом, оглядываясь на прошлое с высоты прожитых лет, вижу все величие и мудрость этого человека. Ведь он все время нас учил, что воспитывать надо всем: своим внешним видом, своими делами, отношением к работе, отношением ко всему, что нас окружает.

Он не брал в руки мел и не писал на доске что такое хорошо, что такое плохо, что надо делать и чего не надо. Он просто жил и работал, а мы находились рядом с ним, и, оказывается, даже не сознавали, что всегда и во всем учились у него. Почти 60 лет трудился А.К. Рустамов в стенах ТСХИ, из них 28 лет возглавлял институт. Это целая эпоха. Его жизнь для целого поколения ученых и педагогов является примером служения народу, избранному делу.

Да, Анвера Кеюшевича уже нет среди нас. Но он навсегда останется в нашей памяти все тем же патристическим мудрым честным человеком – ректором и учителем, потому что сеял в наших умах и сердцах только разумное, доброе, вечное...

ВОСПИТАТЕЛЬ, ПЕДАГОГ, ОРГАНИЗАТОР

Н.Р. Худайбердыев

Кандидат с/х наук, доцент Туркменского
сельскохозяйственного университета (г. Ашхабад)

После окончания в 1962 г. факультета механизации сельского хозяйства мне предстояло решить задачу – ехать ли на производство или остаться в вузе. Неожиданно меня вызвал к себе ректор Рустамов Анвер Кеюшевич. Он расспросил меня о родителях, поинтересовался, куда я думаю ехать на работу и не хочу ли остаться на кафедре, чтобы заняться научной работой. Эта встреча стала для меня судьбоносной. Она означала начало моей педагогической и научной работы в вузе.

В 1960-1970-е гг. студенты вузов страны выезжали в хозяйства

Туркменистана для оказания помощи в сборе хлопка-сырца. Анвер Кеюшевич очень тщательно подбирал руководителей-воспитателей студенческих бригад. Во время хлопковой компании он всегда говорил, что «студенты – это наши дети», им нужно уделять внимание в течение всех 24 часов. Благодаря такому руководителю, как Анвер Кеюшевич, наш коллектив всегда с честью выполнял все задачи, в том числе и по уборке сельхозпродукции.

В течение учебного года приходилось решать очень много проблем. Для этого Анвер Кеюшевич собирал весь коллектив. В начале слушал всех присутствующих, и, что главное, никогда никого не перебивал. Итоги подводил он сам, но с учетом мнений всех присутствующих. Нерешенных вопросов не оставалось.

В 1968 г. на ученом Совете института мне предстояло защищать кандидатскую диссертацию. Председателем Совета был Анвер Кеюшевич. Из-за погодных условий из Ленинграда на защиту не смог прилететь первый оппонент. Защиту пришлось отложить, и, конечно, у меня опустились руки. Единственно верное решение было принято опять же Анвером Кеюшевичем. Как председатель Совета, он воспользовался правом и определил третьего оппонента из числа докторов наук. Таким образом, защита моей кандидатской диссертации состоялась.

Прекрасный педагог и организатор, Анвером Кеюшевич всегда подчеркивал, что в преподавательской работе большую роль играет личность самого педагога. Чем ярче личность преподавателя, тем богаче становится личность студента. Для преподавателей нашего родного вуза, которые работали вместе с Анвером Кеюшевичем, его нравственные и педагогические уроки были нормой для воспитания и установления нравственных ориентиров для студентов.

ДОБРЕЙШЕЙ ДУШИ ЧЕЛОВЕК

С.А. Адинов

Кандидат с/х наук, экс-доцент Туркменского
сельскохозяйственного института (г. Ашхабад)

С Анвером Кеюшевичем Рустамовым судьба впервые свела меня в сентябре 1954 года. В ту пору я был студентом-первокурсником ветеринарного факультета Туркменского сельскохозяйственного института. Профессор Рустамов вел у нас занятия по зоологии. Безупречный внешний вид, скромный и одновременно со вкусом подобранный костюм,

выработанная годами дикция, манера просто и доступно преподносить сложный учебный материал с первого взгляда выдавали в нем личность в высшей степени незаурядную и внушали уважение. Его лекции всегда проходили при переполненных аудиториях, никому и в голову не приходило хоть малейшим движением нарушить строжайшую тишину, в которой мы ловили каждое слово любимого профессора. Любая его лекция становилась для нас настоящим откровением – интересным, познавательным, предельно содержательным. Учебный семестр пролетел незаметно, на горизонте замаячила первая зачетно-экзаменационная сессия, пора, надо признаться, для студентов-первокурсников в достаточной степени волнительная. В списке предстоящих экзаменов значилась и зоология. Обучение в туркменских вузах в ту пору велось исключительно на русском языке. Каково же было наше удивление, когда профессор заявил, что экзамен мы можем сдать на любом языке, в зависимости от собственных предпочтений, были бы знания. Радости студентов не было предела. Сессию мы завершили успешно.

Шесть лет по окончании института я проработал на производстве, следующие три года проходил обучение в аспирантуре, по завершении которой летом 1969 года был принят на работу в родной институт. А.К. Рустамов на тот момент уже много лет являлся бессменным руководителем старейшего в республике вуза.

В течение 20 лет, начиная с 1968 года вплоть до сентября 1988 года, мне посчастливилось работать под его руководством. Наверное, это самое главное, когда люди добром поминают твоё имя. Мне, в свою очередь, хочется внести свою лепту в портрет талантливого руководителя и просто доброго, чрезвычайно отзывчивого человека, каковым был профессор А.К. Рустамов.

Субординация, как известно, является первым признаком общей культуры. Рустамов был руководителем крупнейшего вуза, забот у него хватало. Поэтому я старался без особой надобности его не беспокоить. Однако квартирный вопрос во все времена был остро стоящей, чрезвычайно трудно разрешимой проблемой. Столкнулся с ней и я.

На тот момент у меня было уже четверо детей. Семья большая, жилья же нет, и в ближайшей перспективе возможности его получить не было. Раньше теплилась надежда, что закончу учебу в аспирантуре, получу работу, все устроится. Однако реальность оказалась куда суровее. После трех лет вынужденной разлуки с семьей надежда на возможность устроиться в столице таяла на глазах. Все мои попытки заканчивались

неудачей. Окончательно отчаявшись, я заявил своим коллегам, что не вижу иного выхода, как вновь уехать из города и устроиться работать в одном из близлежащих совхозов. Не знаю как, но этот мой “крик отчаяния” дошел до ректора. Анвер Кеюшевич вызвал меня в свой кабинет. Прием оказался более чем строгим. Профессор по-доброму посетовал на мою суетливость, сказал, что очередь на жилье для преподавателей довольно внушительная, и нужно набраться терпения и подождать. Я постарался, как мог, объяснить сложившуюся ситуацию, рассказал о непреодолимых, как мне тогда казалось, сложностях, сопряженных с поисками хотя бы временного жилища для своей многодетной семьи. Добрые, по-отечески мудрые слова поддержки, казалось, придали мне сил. Со временем все устроилось, временные трудности отступили, а буквально год спустя нам выделили двухкомнатное жилье в институтском семейном общежитии для преподавателей.

Надо признать, профессор был опытным психологом, прекрасно разбирался в людях, умел сгруппировать и повести за собой коллектив, заботился о благополучии преподавателей, старался комплектовать профессорско-преподавательский состав вуза опытными и талантливыми работниками.

Шли годы, семья росла, у нас родилось еще двое детей, а я по-прежнему работал ассистентом на кафедре. Освободившиеся вакансии по неизвестной мне причине доставались другим, как это иногда бывает, значительно позже защитившим диссертации новоиспеченным кандидатам. Помнится, мы поехали собирать хлопок в один из совхозов в Байрам-Али, откуда меня вызвали на прием к ректору. Анвер Кеюшевич встретил меня радушно, сказал, что по его предположениям, я давно должен был дослужиться до ученой степени доцента, но всему виной нерасторопность проректора по учебной работе. Затем он добавил, что понимает-семья у меня большая, содержать её на более чем скромную зарплату ассистента достаточно проблематично. Сразу по возвращении с хлопка я оформил и представил в конкурсную комиссию соответствующие документы и вскоре получил должность старшего преподавателя кафедры. По- хорошему, данный вопрос должен бы решиться на уровне заведующего нашей кафедрой, забота о благополучии сотрудников должна была быть его прямой обязанностью. Важно другое – будучи на посту руководителя большого, структурно разветвленного учреждения, профессор Рустамов находил время для каждого, интересовался не только качеством работы, но и повседневной жизнью каждого работника, что характеризует его как

чрезвычайно отзывчивого человека.

Время шло, дети подрастали, нам по-прежнему было тесно на более, чем скромных 30 квадратных метрах. Я обратился в институтский местком с просьбой о расширении жилплощади. Вскоре городская администрация вынесла решение о передаче на баланс института двух служебных квартир. Одну из них – пятикомнатную квартиру решено было выделить как особо нуждающейся нашей многодетной семье. Решить решили, но квартиру мы получили только после личного вмешательства Анвера Кеюшевича, и то не новую пятикомнатную, а освободившуюся после кончины одного из наших коллег трехкомнатную квартиру в том же институтском семейном общежитии. Дело в том, что после смерти мужа в той квартире оставалась престарелая вдова. Ректор пригласил женщину на прием, вежливо объяснил ситуацию, затем лично проводил её до дверей дома. В тот же день вдова зашла к нам и предложила в скорейшем времени обменять квартиры. Мы переехали жить в её более просторную трехкомнатную квартиру, она же вселилась в наше жилище.

Вот таким – великодушным, добрым и отзывчивым человеком был Анвер Кеюшевич. Никогда не тяготился мелкими заботами, буквально жил заботами института, всегда находил время и возможность для каждого из нас, принимал деятельное участие в судьбе сотрудников и преподавателей.

Всегда отменно вежлив и корректен, он никогда не позволял себе надменности или панибратства, умел найти общий язык с каждым и своим личным примером сплавивал такой большой и, казалось бы, разноликий институтский коллектив. Будучи на посту ректора, ему часто приходилось отстаивать свое мнение, принимать волевое решение, однако он умел принять справедливую критику в свой адрес, старался поддерживать позитивную инициативу.

Однажды председателем Государственной экзаменационной комиссии института был назначен профессор Самаркандского университета Рузы Хайитович Хайитов. На заседании Ученого совета по результатам государственной экзаменационной сессии в общей сложности была дана положительная характеристика проделанной работе, однако были озвучены и некоторые недочеты. В частности, профессор Хайитов отметил отсутствие ветеринарно-лечебного корпуса института столь необходимого для эффективной подготовки квалифицированных специалистов-зооветеринаров. Затем слово для выступления предоставили преподавателям нашего института, в числе которых выступил и я, и, конечно же, поддержал

мнение нашего самаркандского коллеги. Поначалу нам показалось, что наши откровенные замечания несколько покорибили Анвера Кеюшевича. Однако спустя три месяца, данный вопрос неожиданно получил позитивное развитие. Вскоре на территории институтского городка был заложен фундамент нового лечебно-ветеринарного корпуса, строительство которого курировал лично профессор Рустамов и принял непосредственное участие в церемонии по случаю его ввода.

Он был человеком кристально чистой души, высокой культуры и такта, неистощим на доброту, душевный уют и теплоту, по-отечески опекал молодых преподавателей и студентов.

Даже после выхода на заслуженный отдых, я не забывал нашего любимого профессора, часто заходил к нему, поздравлял с праздниками. Однажды Анвер Кеюшевич напрямую спросил меня: «Столько времени прошло, а ты меня все не забываешь, за что ты так добр ко мне?» Признаться, я поразился его скромности и отзывчивости. Мне хотелось ответить ему, что чувство искренней благодарности живет в каждом из нас – тех, кому выпала честь идти по жизни рядом с этим прекрасным человеком.

Анвер Кеюшевич был талантливым ученым, выдающейся личностью, как говорится, «с божьей искрой в душе».

Для всех нас – преподавателей, студентов и последователей – он был высоким примером порядочности, внутренней культуры и человечности. Светлая память об этом добрейшей души человеке живет в наших сердцах.

АНВЕР КЕЮШЕВИЧ РУСТАМОВ – ЭТО НЕ ТОЛЬКО ВУЗОВСКАЯ ШКОЛА, ЭТО ШКОЛА ЖИЗНЕННОЙ ФИЛОСОФИИ И ДИПЛОМАТИИ

Г.Н. Аннаклычев

Кандидат с/х наук, экс-доцент Туркменского
сельскохозяйственного института (г. Ашхабад)

Вспоминается лето 1996 г. Я увидел Анвера Кеюшевича во время садака в связи с кончиной Ч.Р. Рахметова – бывшего проректора сельскохозяйственного института по научной работе, которого Анвер Кеюшевич уважал и ценил, как ученого и администратора. Как-то, он сказал ему: «Чары – ты человек, который появился на свет не в свое время, ты должен был родиться на 100 лет раньше, или на 100 лет позже», - этими словами подчеркивалась скромность Чары Рахметовича и почти детская

его наивность. После молитвы по завершению садака я подошел к Анверу Кеюшевичу, поздоровался и проводил до его машины, за рулем которой ждал Эльдар – младший сын Анвера Кеюшевича. Узнав, что я вернулся с дипломатической службы из Турции и нахожусь на другой работе в системе МИДа, он воскликнул: «На Кавказе, в подобных случаях говорят: где Кура, а где мой дом!? Каким образом ты – специалист-зоотехник и вдруг – стал дипломатом?!». «Сначала я беспокоился, – продолжил Анвер Кеюшевич, – справишься ли ты, не подведешь меня и наш институт за рубежом, я читал газетные статьи о твоей деятельности, следил за тобой, как ты ведешь себя, представлял, как общаешься с людьми на дипломатических приемах, и я не ошибся, я горжусь тобой – своим студентом и воспитанником». Эти слова были для меня самой высокой наградой в жизни!

А начиналось все за три десятилетия раньше до этой встречи. Я, простой сельский парень из далекого Турткуля, потомок тамошних туркменов, переселившихся с левобережной Амударьи на правый берег в Каракалпакстан еще в 19 веке. И вот в середине 20 века, в 1966 г. я приехал учиться на свою историческую родину и мечтал связать свою судьбу с родной землей, с селом и сельским хозяйством. Я поступил на зооветеринарный факультет сельхозинститута. Это было в августе. А в самом начале сентября на общем собрании абитуриентов я впервые увидел Анвера Кеюшевича Рустамова – ректора Туркменского сельскохозяйственного института. С первого взгляда он заполнил во мне все душевное пространство и навсегда покорило мое сердце. Потом он читал нам зоологию, хорошо помню первую поточную лекцию, объединившую в одной аудитории зоотехников и ветеринаров, особенно запомнилась большая лекционная, но в ней наш мугаллым казался еще величественнее. Манера ведения лекции, четкий громкий и красивый голос заворожали не только меня, но и всех кто там находился. Мы сначала испугались, что ничего не поймем, но мугаллым так все просто, на ярких примерах рассказал, что мы влюбились и в него, и в предмет. Эти лекции Анвера Кеюшевича стали для меня путеводным уроком на всю жизнь, особенно когда, уже много позже, я сам стал преподавать, всегда старался подражать своему главному мугаллыму и читать лекции доходчиво и живо.

Студенческие годы летели, мне приходилось видеть нашего ректора и мугаллыма часто и не только на занятиях, но во время разных мероприятий и на общественных праздниках. Больше всего меня поражало, что он говорил с нами на равных, нам казалось, как будто он с нами одного возраста, а

со взрослыми преподавателями или нашими родителями говорил по-взрослому, и никогда не показывал свое превосходство.

Очень уважительно Анвер Кеюшевич относился к нашим национальным чувствам и туркменскому языку, несмотря на то, что в те времена положения высшей школы, по крайней мере в Туркменистане, требовали преподавания только на русском языке. Студенты сильно любили его, потому что он даже в решении очень сложных вопросов всегда находил выход и все делал их в пользу студентов. Мы, в частности я, чувствовали его заботу, и вовсе не обязательно было с ним видаться или записываться на прием, чтобы решить какой-нибудь вопрос, учебный или бытовой, мы ощущали такую заботу всегда и во всем. И студенты отвечали ему тем же, старались изо всех сил учиться как можно лучше, у нас было всеобщее вдохновение и неукротимая тяга к знаниям. Во время субботников ректор не посматривал на нас со стороны, как некоторые, а всегда подходил и говорил: «Огланлар, Армаверин!?!». От одних этих слов мы готовы были трудиться еще больше и совершать подвиги.

Институт закончил я в 1971 г. с отличием и Аллах распорядился так, что на работу я попал в научно-исследовательский институт животноводства при Министерстве сельского хозяйства Туркменистана. Позже мне дали рекомендацию в очную аспирантуру и направили на учебу в Москву, а вернее, в подмосковный Загорск – во Всесоюзный НИТИ птицеводства, где я находился в 1973-1976 гг. Анвер Кеюшевич меня и там не забывал. Когда приезжал по делам в Министерство сельского хозяйства, то приглашал меня и других аспирантов, кто был в Москве или Подмоскowie специально, чтобы провести беседу и расспросить о том как идут дела, учеба. Причем, не обязательно мы должны были вернуться в наш родной ВУЗ, многие после аспирантуры разъехались кто куда, но он считал всех нас своими воспитанниками и учениками, и подчеркивал, что зная своего родного института надо держать высоко. Он всех нас знал и помнил по именам и предлагал помощь, если у кого что-то не ладилось, и всегда выполнял просьбы, которые передавались нами на Родину.

После аспирантуры вернулся я обратно в Ашхабад и на сей раз попал в родной сельскохозяйственный институт. С самого начала (сентябрь 1976 г.) был ассистентом, потом старшим преподавателем и вот тогда Анвер Кеюшевич (до сих пор не пойму за какие такие заслуги) назначил меня заместителем декана зооветеринарного факультета, потом поддержал мою кандидатуру на звание доцента. «Кадры должны расти», – говорил он, - а мы

выдвигаем наиболее целеустремленных молодых преподавателей». Будучи доцентом, я в течение года успел поработать и заведующим кафедрой частного животноводства (1981-1982 гг.).

С 1977 г. мы, с моим Анвер-ага, я позволю теперь его так называть, виделись почти каждый день. Наши отношения были уже не только отношениями учителя и ученика, хотя я всегда считал и считаю его своим учителем, но и как коллеги с коллегой. Вместе с тем я воспринимал его как своего наставника и духовного покровителя, если хотите, как старшего брата, как отца. Он был для меня духовным отцом и примером для подражания. Когда Анвер-ага давал мне поручения, я видел, что поручения эти не простые, а сложные и трудные, я всегда чувствовал особую ответственность за порученное дело, чтобы не упасть в грязь лицом ни перед своим учителем, ни перед другими коллегами, которые видели, что я у Анвера Кеюшевича на особом счету. И мне всегда было лестно и не без гордости слышать слова похвалы от ректора, когда он ставил меня в пример другим. Но я не был любимчиком у ректора, как считали некоторые, я чувствовал его строгое отношение и одновременно уважение ко мне. «Газакбай, – как-то сказал мне Анвер-ага, – я удивляюсь тебе: люди в моем окружении любым способом стремятся добиться расположения к ним с целью продвижения по службе, а ты такой исполнительный, причем, не на словах, а на деле. Находишься рядом со мной, можно сказать, плечом к плечу и ни разу не обратился с какой-либо просьбой. Даже отказался, когда я тебе предлагал должность декана. Почему?». Я промолчал и лишь уважительно опустил голову...

Успехи и слава Туркменского СХИ, а значит и слава его ректора, гремели на всю страну. В 60-х, 70-х и 80-х годах институт был настоящей кузницей кадров. Из его стен вышли воспитанные и высокопрофессиональные специалисты, многие потом стали знаменитыми и знатными людьми не только в сельском, но и народном хозяйстве в целом, в управленческом аппарате государства. Лишь один пример. После обретения Независимости Туркменистаном, почти 3/4 состава членов его правительства являлись выпускниками Туркменского сельскохозяйственного! И все они, я это хорошо знаю и вижу во время встреч выпускников, питают любовь и благодарность к своему институту, к своим преподавателям и, особенно к Анверу Кеюшевичу.

А как он любил музыку и понимал национальную культуру! Институт в течение десятилетий по праву считался непревзойденным в смотрах и конкурсах художественной самодеятельности среди ВУЗов Туркменистана.

Анвер Кеюшевич уделял этому, как и спорту, повышенное внимание. В год моего поступления в институт открылся еще один факультет – ФОП – факультет общественных профессий, который, в свободное от основных занятий время, по собственному желанию посещала четвертая часть всех студентов-очников. Факультет готовил художников-чеканщиков, мастеров художественного слова и танца, лекторского и спортивного мастерства. Особой гордостью и вниманием ректора пользовались студенческие коллективы художественной самодеятельности, и результаты не заставляли себя долго ждать. Достаточно сказать, что двум нашим ансамблям – танца и дутаристов были присвоены почетные звания Народных. Это были не простые кружки самодеятельности, они были профессионалами в прямом смысле этого слова, поскольку представляли не только институт, а очень часто и целую страну за рубежом. Им рукоплескали зрители многих стран мира. Многие выпускники ФОПа были не только призерами музыкальных или спортивных конкурсов и смотров, институт воспитал ряд Заслуженных и Народных артистов Туркменистана и Заслуженных мастеров спорта.

Когда мы встречаемся, а я часто и много езжу по стране и бываю среди соотечественников, среди разных людей, то ни одна встреча не обходится без воспоминаний о нашем большом и добром ректоре и наставнике. Все вспоминают его с какой-то особой теплотой и всегда подчеркивают, что Анвер Кеюшевич недостижим, как бы мы не старались ему подражать. Но нам надо всегда стремиться к тому, чтобы, когда Аллах призовет нас к себе и там Анвер-ага спросит, как мы вели себя после него на земле и что хорошего сделали, нам не пришлось бы краснеть перед своим учителем. Эти слова учеников Анвер-ага говорят и заставляют задуматься об очень многом...

Анвер Кеюшевич воспитывал студентов простым своим существованием, причем не читал нотации и не ругал, как придется и даже не повышал голоса, но строгость и принципиальность в его словах чувствовались всегда. Он учил студентов на простых примерах. Вспоминается такой случай: однажды мы с ректором, проходя по коридору, заметили студента, сидевшего на корточках и в норковой шапке (видимо парень был из зажиточной семьи, потому что норковые шапки тогда были не каждому по карману), мы не прошли мимо, остановились. Студент встал. Анвер Кеюшевич спросил, здоров ли он, на что получил положительный ответ! «А, может быть, у тебя дома несчастье и тебе нужна помощь, если на тебе ушанка и ты держишь траур?» «Нет, мугаллым, все хорошо», – сказал студент. «Но тогда шапку или тельпек в помещении больше никогда не

надевай, это не культурно, а если хочешь, чтобы голова была прикрыта, то носи тюбетейку. И потом, видишь, я намного старше тебя, но никогда, как бы сильно не уставал, не позволю себе сидеть на корточках, для этого есть стулья». Студент снял ушанку, покраснел и обещал больше так не поступать. - «Вот что самое важное, Газакбай, - сказал мне Анвер-ага, когда мы пошли дальше, - этот парень теперь и сам так не будет делать и, я уверен, своим детям и внукам не позволит так поступать, но почему другие преподаватели проходили мимо?»...

С 1993 г. по заданию своей Родины я работал сначала представителем Кабинета Министров Туркменистана в Турецкой Республике по вопросам обучения и образования туркменской молодежи в этой стране. Вот где мне пригодился опыт, который я приобрел под началом Анвер-ага! Затем, проработав первым секретарем посольства Туркменистана в Турции, в 1995 г. я был переведен обратно в Ашхабад, где трудился в МИДе до 2004 г. на разных ответственных должностях. Кроме меня, в этой системе работало немало выпускников нашего института, которые впоследствии стали полномочными послами Туркменистана в ряде зарубежных стран. Это тоже показатель высокого профессионализма воспитанников Анвер-ага.

Действительно, получив сельскохозяйственное образование, работать дипломатом – это не простая задача и не каждый с этим справится. Нам, и лично мне, помог опыт, обретенный под руководством нашего незабвенного учителя. Структура, организация и последовательность его лекций, методика ведения любого разговора и общения с людьми, начиная от заседания кафедры или Ученого совета и заканчивая большим институтским собранием или митингом, - все это копилось во мне годами и потом помогало в жизни и дипломатии, где бы я ни находился и кем бы я ни работал. Когда мне приходилось выступать на международных встречах и приемах перед публикой, я постоянно чувствовал незримое присутствие своего наставника, его духовную поддержку. Всегда помогали его наказы, его мудрость и философия жизненной дипломатии.

Анвер-ага был непревзойденным дипломатом и психологом. С первого взгляда при общении с незнакомым человеком, он уже видел его насквозь и, как бы читал его мысли. Это особый дар Аллаха и природы. Я всегда сравнивал Анвер-ага с Чингизханом: прежде, чем что-то сказать, он внимательно слушал и никогда не перебивал, а когда человек заканчивал, то начинал говорить уже Анвер-ага. Ему удавалось всегда найти такие аргументы и доводы, что, в конце концов, он все мог повернуть и разложить

таким образом, что сразу выявлялось рациональное зерно из всего того, пусть даже очень многого, с чем пришел и о чем говорил собеседник, или собеседники. Особенно ему нравились неординарные решения и подходы. К тому же, личное обаяние и непререкаемый его авторитет, всегда делали свое дело.

Любой, кто бы то не был из студентов или их родителей, из институтских сотрудников или приезжих посетителей, будь министр или простой чабан, двери в кабинет Анвера Кеюшевича были открыты для всех. Он был очень простым и доступным. Однако это не означало, что позволялось все и всем, это был справедливый и добрый (но не «добренький») человек. С деканами умел всегда разрядить накал страстей во время Ученого совета, нередко он тонко подшучивал, причем, никто и никогда не обижался. Каждый уходил от него с улыбкой и говорил: «Анвер-ага, узак яшан!». По внешности и манере Анвер Кеюшевич был европейцем, причем не простым – аристократичным, но душой он раскрывался истинным мусульманином, душа его была чиста...

Анвер-ага любил свой второй дом, каким он считал институт, наверное, больше, чем родной. Учебные корпуса он превратил в образцово-показательные, а территорию института – в цветущий и благоухающий сад, и знал её, как пять пальцев. Когда бы и кто бы не приходил или приезжал к нам в гости сразу говорили, что это райский уголок! Не менее цветущей стала и территория учебно-опытного хозяйства в пригороде Ашхабада, обустроить которую мне поручил Анвер Кеюшевич, сопроводив свое задание словами: «Докажи всем, как можно выполнить невыполнимое за один месяц! Первое заседание Ученого совета в новом учебном году будет выездным, и мы проведем его в учхозе, будь готов». Это было сказано в конце июля 1985 г., а в начале сентября реконструированный и преображенный учхоз распахнул свои двери перед Ученым советом института. Анвер Кеюшевич патологически ненавидел беспорядок и грязь. Он всегда говорил, что студенту из села, увидевшему грязь, никогда не захочется быть опрятным и учиться здесь.

Мой почтенный учитель Анвер-ага дал мне, помимо знаний, огромную духовную силу и духовное богатство. Он говорил, если ты не знаешь историю своего рода, ты никогда не называй себя представителем этого рода, тот, кто не знает обычаи своих предков, не передает эти обычаи, свои знания и духовность продолжателям своего рода, тот не достоин его.

Доброта и милосердие, которое воспитывал во мне Анвер-ага, в

отношении к людям и желание быть достойным своего рода, разбудило во мне страстный интерес и любовь к истории моего народа. Благодаря этому я стал вплотную заниматься изучением исторического прошлого Туркменистана и генеалогического древа не только своего, но и других туркмен – моих соплеменников. Меня потянул зов предков к местам, где погребены их останки, где 900 лет назад творил добрые дела наш далекий предок и соотечественник – суфийский шейх Гёзли-ата (что означает «отец-ясновидец»), упоминавшийся не раз великим туркменским поэтом Махтумкули в своих стихах. Потомки Гёзли-ата образовали одну из шести туркменских групп – «Ата», которые позже перебрались с просторов Балканского ваята в низовья Амударьи, а в позапрошлом веке, как я уже писал, – на правый берег этой древней реки. Гёзли-ата сотворил много хороших дел, я часто думаю, а за что Аллах сделал так, что я – «атинец» и отношусь к потомкам Гёзли-ата и, как хорошо, что мой духовный отец Анвер-ага наказал мне – надо знать корни своих предков и «заставил» меня эти корни почувствовать.

Я часто, когда выезжаю вместе с паломниками на могилу Гёзли-ата на север от центра Балканского ваята, смотрю вокруг и думаю, какая была здесь когда-то цветущая земля, где жили мои предки и как она снова зацветет, когда сюда придут воды Алтын асыра и приедут люди по новой железной магистрали. Но, мы все, кто бывает на священной земле, где погребены наши предки, уже сейчас разводим там сады, мы провели электричество, природный газ, дали воду, построили мечеть и караван-сарай для паломников и туристов. Вот так я снова возвращаюсь к земле, к сельскому хозяйству и сельскому быту, о чем мечтал, когда поступал в сельскохозяйственный институт, мечтал трудиться на своей родной земле и во благо этой земли, и моя мечта сбылась! Слава Аллаху за его щедрость!

А однажды я прочел в воспоминаниях моего учителя, как он в этих самых местах ходил на верблюдах в экспедицию и даже как-то заблудился, но его по следам нашел один туркмен чабан. Может быть, он был тоже потомком Гёзли-ата? Спасибо этому простому гумлы-адаму, что нашел и вывел к колодцу пропадавшего в песках молодого ученого по имени Анвер Рустамов – будущего академика, ректора и моего учителя, он спас его для меня еще до моего появления на свет, он спас его для Туркменистана. И пошел Анвер-ага дальше со своей экспедицией на север и восток от того места, где когда то жили мои предки еще со времен Гёзли-ата – шел к тем новым местам, куда переселились его потомки, мои соплеменники, где уже

жили мои любимые родители – мама и папа. Таким образом, Анвер-ага, сам того не зная, связал между собой эти два – святых для меня места на земле. Это был особый знак Всевышнего и не случайно, что через 20 лет, после того как Анвер-ага прошел с верблюдами и осуществил свою историческую экспедицию, я очутился в Ашхабаде и увидел его – моего духовного отца Анвер-ага.

Милосердие было в Гёзли-ата и милосердие было в Анвер-ага. Первый служил Аллаху и помогал людям, а другой служил Туркменистану и тоже помогал людям. И для этого совсем не обязательно надо было быть коммунистом, но он был им потому, что времена были другие, хотя не каждый коммунист в те самые времена был способен к милосердию, как Анвер-ага, и готовым помочь человеку, попавшему в беду или нуждающемуся в поддержке. Анвер-ага говорил, что если можешь, то всегда делай добро людям, но никогда не возвышайся и не хвались, пусть люди скажут, что ты хороший и доверятся тебе, а для этого надо показать свою работу, свое горение для людей и свое воспитание. Я эти слова часто вспоминаю, вспомнил и в тот день, когда соплеменники избрали меня своим «Кетхуда» (что означает – «управленец», «администратор») в общине «Ата» и доверили всюду представлять их интересы.

Гёзли-ата призывал людей к простому образу жизни, к искренности, к внутренней борьбе человека с собственной завистью и высокомерием. И этот путь – путь мюрида («ищущий» или «жаждущий») у каждого проходит под руководством муршида («духовного наставника»), или же самостоятельно по природной интуиции (то есть «внутреннего учителя»). Такой природной интуицией обладал Анвер-ага, в нем был, данный ему Аллахом, особый «внутренний учитель», вот и выходит, что сам Анвер-ага для меня выступал в роли муршида. И я благодарен Аллаху, что на моем пути мюрида повстречался такой мудрый наставник – мой муршид – Анвер-ага.

Приходя в дом туркмена, он вел себя, соблюдая туркменские обычаи, и располагал к себе всем своим поведением, утонченным отношением к хозяину дома и почтением. Причем, независимо от того, было это в чабанском коше, или доме колхозника, в доме академика, или артиста, на свадьбах или поминках. Анвер-ага с чабаном говорил на «чабанском языке», с академиком – на языке академическом, ну а на свадьбе – как профессиональный тамада. Однажды на одной из свадеб Анвер-ага произнес короткую речь. Рядом были гости, которые близко не знали его и поэтому,

выслушав тост, с неподдельным удивлением воскликнули: «Вот это да, этот большой человек на туркменском говорит лучше любого туркмена!» (Бэ, тувелеме, бу улы адам, туркменчаны туркменлерденем говы геплеяр!!!).

Течет время, все меняется – взгляды на жизнь и ее осмысление, отношение к окружающему миру, мы стали уже дедушками и бабушками, не меняется только наша память. Мои жена Сапаргуль и дети (их у меня шестеро), а теперь уже внуки, которых в три раза больше, называют Анвера Кеюшевича – Анвер-дэдэ! Все это означает, что жизнь продолжается, а его имя произносится в моей семье, как символ глубочайшего уважения и будет произноситься еще многие и многие годы...

А семья Анвер-ага для меня всегда была образцовой. С его сыном – Эльдаром мы большие друзья, как братья. Я выступал в роли свата, когда надо было женить внука Анвер-ага – Рустама, хорошую мы невесту ему выбрали с красивым именем Марал – дочь известного в стране режиссера. Пусть они будут счастливыми и достойными, и воспитают достойных детей рода Рустамовых. Я уже говорил, что Анвер-ага был для меня образцом для подражания во всем, но особенно в отношении к семье и своей жене Елизавете Александровне – «мама-Лиза», как я ее называю. Дай Аллах ей здоровья и продолжения жизни! Анвер-ага говорил мне: «Знаешь, Газакбай, для хорошего воина необходим теплый очаг и крепкий дом, и тогда он способен победить в любом сражении, потому что дорог ему его дом, а для меня таким домом и очагом является моя преданная жена!» Он восхвалял её, но скромно, как подобает мусульманину, он гордился ею, по всему было видно, что Анвер-ага был очень счастлив, не раз повторял, что если не моя любимая и верная «гелин-эдже» мне было бы намного труднее добиться успеха в жизни.

Да! Анвер-ага всем сердцем любил свою главную женщину в жизни, и если бы было по другому, то иначе бы он относился и к женщинам, которые трудились в нашем многонациональном коллективе, вряд ли он уважал бы и ценил их по достоинству, как подобает настоящему мужчине. Каждый раз в День 8-го марта в институте устраивали большие собрания и ректор от имени всех мужчин благодарил женщин за терпение и труд и вручал подарки. Но, однажды произошел курьезный случай: Анвера Кеюшевича не было, он находился в командировке. Очередное собрание проводил А.Ч. Чарыев – проректор по учебной работе, исполнявший обязанности ректора. Почему-то забыли поздравить одну из уборщиц по имени Садап. Возвращается ректор и застаёт ее в коридоре за протиркой полов. Говорит

ему Садап с досадой: «Вот, видите, Анвер-ага, никому я не нужна, потому что Вас не было, и про меня забыли». В тот момент рядом, как раз, оказался проректор и Анвер Кеюшевич тут же среагировал: «Аннамухамет Чарыевич, выберете самый лучший платок и подарите его Садап, она не только прекрасная женщина и хорошая мать, но и старательный работник нашего коллектива!». Сколько последовало благодарных эпитетов со стороны Садап – это надо было только видеть и слышать...

У туркмен есть поговорка: «Хороший человек не забудется» (Ягшы адам ятдан чыкмаз!). Мой дорогой, незабвенный учитель и старший брат Анвер-ага ! Пусть земля ему будет пухом! Он будет оставаться почитаемым и незабываемым всеми нами, потому, что сам оставил глубокий след в жизни каждого из нас, каждого студента и преподавателя, каждого кто с ним работал, соприкасался, у него учился, получал помощь. Анвер-ага своей яркой жизнью написал историю о том, как надо правильно жить, служить своей Родине и людям. Историю невозможно стереть из памяти или уничтожить. Ну, а саженцы, которые он посадил, дают и будут давать все новые и новые всходы с яркими цветами и прекрасными плодами, и это будет повторяться из года в год!!!

МОЙ ПОРТРЕТ НАШЕГО АНВЕРА КЕЮШЕВИЧА

А.К. Ремиханов

Кандидат ветеринарных наук, доцент, зав. кафедрой
общей биологии института ЮЖДАГ (г. Дербент)

«Из всех даров мира остается только имя
И несчастлив тот, кто не оставит даже этого»
Саади

Есть люди, чьи мысли и дела не теряются во времени. Идут годы, десятилетия, но к их опыту и мудрости обращаются снова и снова, потому что их жизнь, работа, дела актуальны для каждого поколения. Вот о таком замечательном человеке, моем Учителе и руководителе, прекрасном специалисте, необыкновенном организаторе и светлой личности мне хочется вспомнить и рассказать, начиная с первых дней моей студенческой жизни. Этот человек – Анвер Кеюшевич Рустамов - ректор, профессор, академик...

В 1960 г., отслужив в пограничных войсках КГБ СССР, я в погонах

старшины приехал в Ашхабад с огромным желанием поступить в Туркменский сельскохозяйственный институт им. М.И. Калинина. Успешно сдав вступительные экзамены, стал студентом ветеринарного факультета. Давняя мечта сбылась. Однако была проблема с жильем. Мне посоветовали обратиться к ректору. Честно говоря, несмело и неуверенно я вошел в приемную ректора. Секретарь сказала, что он очень занят и никого не принимает. В это время ректор неожиданно вышел в приемную и тут же пригласил меня к себе. Оказывается, из полуоткрытых дверей был слышан разговор.

Это была моя первая с ним встреча. Он спокойно и внимательно выслушал мою просьбу и сказал, что общежитием меня обеспечат. Потом с улыбкой добавил: «Мы ведь спокойно спали, когда вы охраняли границу». Кстати, через десятилетие, уже в 1970 г. когда в одном из коридоров поместили стенд с фотографиями всех наших сотрудников - участников Великой Отечественной Войны, я заметил что, А.К. Рустамов из армии возвращался, как и я, в погонах старшины.

Да, я увидел перед собой умного, понятливого и по-отцовски заботливого руководителя. Видя такое отношение к себе, я подумал, что такого человека подводить нельзя. Шел первый год ректорства А.К. Рустамова. С тех пор институт для меня стал родным домом: здесь были прекрасные преподаватели и студенты, а самое главное – дружный, сплоченный многонациональный коллектив.

Я старался не только хорошо учиться, но и, как коммунист, выполнять общественную работу. С первого курса меня неоднократно избирали секретарем комсомольского бюро факультета, а также председателем ДНД (Добровольная Народная Дружина – прим.ред.) и ветеринарный факультет всегда находился на хорошем счету, в том числе и по несению службы ДНД. Как-то студенты вышли на дежурство не в полном составе, то есть фактически сорвали его. А я готовился к экзамену по микробиологии и поэтому попросил своего заместителя организовать дежурство. На следующий день меня срочно с экзамена вызвали на заседание парткома института, где обсуждался срыв дежурства ДНД. Главным виновником был я. Секретарь партбюро факультета С.В. Кузнецов, он же экзаменатор, и декан факультета Г.М. Мухадов всячески старались защитить меня, но я признал свою ошибку, извинился и обещал, что более это не повторится. Вдруг один из членов парткома сказал, что мое отношение к работе изменилось с тех пор, как меня назначили Ленинским стипендиатом. Честно говоря, мне стало очень

обидно, что срыв дежурства он связал со стипендией. В этот момент А.К. Рустамов сказал, что Ленинскую стипендию мы ему даем не за красивые глаза, а потому что он ее заслужил и упрекать студента в такой форме нельзя. С мнением ректора согласились все. Это был еще один урок ректора Рустамова для меня: так поступают только культурные и воспитанные люди, которые уважают личность, снисходительны и великодушны. Анвер Кеюшевич дал всем знать, как управлять своими мыслями, быть требовательным, но в то же время и доброжелательным. О таких людях в народе говорят: «Добрый человек не тот, кто умеет делать добро, а тот, кто не умеет делать зло».

В ноябре 1978 г. меня пригласили в приемную ректора. Войдя, почувствовал, предстоит серьезный разговор. Анвер Кеюшевич спросил о работе, семье. Затем сказал, что хочет поручить мне работу ответственного секретаря приемной комиссии института. Я отказался, сославшись на свой непреклонный характер. Анвер Кеюшевич серьезно посмотрел на меня и сказал: «Ты – коммунист и боишься, что на тебя будут обижаться, а на меня разве не обижаются? Ты будешь работать, а мы тебе поможем, ведь председателем приемной комиссии является ректор». Мне нечем было возразить и я приступил к исполнению обязанностей ответственного секретаря. Проработал на этой должности четыре года, а на пятый год помогал новому ответственному секретарю доценту Х. Акмурадову.

В эти годы работа приемной комиссии неоднократно проверялась и высоко оценивалась представителями МСХ СССР, республиканского Минвуза и других организаций. Нас, ответственных секретарей вузов Туркменистана, вместе с ректорами регулярно приглашали с отчетами на совещания, проводимые в ЦК или Совете Министров Туркменистана. И наш институт всегда выделяли среди других вузов за хорошую организацию работы. В этом была заслуга, прежде всего, ректора института. Он создавал все условия для работы приемной комиссии и ее технического секретариата.

В своих выступлениях А.К. Рустамов говорил о серьезных вещах просто, убедительно и красиво. Все прислушивались к его мнению, в том числе и руководство республики, а среди ректоров он имел несомненный вес и авторитет.

Мне с ним работалось легко. Он всегда контролировал нашу работу, а во время вступительных экзаменов с 8.00. утра ежедневно проводил пятиминутки с членами приемной и предметных комиссий. Предупреждал, чтобы никто не допускал нарушения правил приема экзаменов, оберегал нас от негативных факторов, никогда не говорил плохо о своих работниках,

защищал их. Он сплачивал коллектив и всегда оставался для каждого непререкаемым авторитетом. Помню, когда к нему приходили высокие чины с просьбой помочь устроить детей в институт, А.К. Рустамов принимал их, угощал чаем, говорил по душам, но, в тоже время красиво отказывал в просьбе и делал это так убедительно, что те уходили без всякой обиды.

Работая пять лет заведующим подготовительным отделением, пять лет деканом зооветеринарного факультета, десять лет заместителем секретаря парткома и столько же председателем ГНК (Группа Народного Контроля – *прим. ред.*) института, я находился в тесном контакте с А.К. Рустамовым и не раз убеждался – он был просто уникальным ректором. Он мог быть жестким, но в то же время – мягким, отзывчивым, добрым и требовательным, причем, не только к другим, но и к себе. Был пунктуальным человеком, никогда не опаздывал на работу, на заседания Ученого Совета, совещания, общественные мероприятия. Такого же отношения требовал и от других. Находил общий язык с людьми разного возраста, интеллекта, профессии. Не выносил праздности, подхалимства, безразличия к работе. Ценил работников по достоинству, поощрял за труд.

Важным событием в жизни института явилась XIV Генеральная Ассамблея Международного Союза Охраны Природы (МСОП), проходившая осенью 1978 г. на базе нашего института. Это была высочайшая ответственность, потому что такой большой форум проводился впервые не только в Туркменистане, но и в бывшем СССР, и это доверили Туркменскому сельскохозяйственному институту, благодаря имени и авторитету академика А.К. Рустамова. Коллектив тщательно готовился к этому важному мероприятию, но больше всех переживал ректор: он чувствовал особую ответственность за ее подготовку. Помню, как мы, секретари партбюро факультетов и деканы ходили вместе с ним, проверяли последние приготовления, он указывал на недоделки и говорил: «Когда домой приходят гости, хороший хозяин должен подготовиться к их приему по-настоящему». Наш институт преобразился, мы сделали не только ремонт, еще очень и очень многое, всего не перечислить. Участники Ассамблеи МСОП получили все условия для работы, они осмотрели лаборатории, музеи, кабинеты, институтский сад и были очень впечатлены.

Я благодарен судьбе, что мне довелось учиться в Туркменском сельскохозяйственном институте, а затем работать под руководством моего учителя, академика А.К. Рустамова, который, без малого, 30 лет являлся бессменным ректором. Он был крупным организатором и знатоком высшего

образования, внес огромный вклад в подготовку сельскохозяйственных кадров высшей квалификации. О нем можно говорить как о Человеке с большой буквы.

Прошлое не исчезает, пока мы живем. Издалека доносятся отзвучавшие слова, возвращаются уже ушедшие от нас люди. Воспоминания – это тончайшая, как облако, паутина. Почти 20 лет я живу воспоминаниями о Туркменистане. Это моя вторая Родина. За долгие годы (1957-1993 гг.) жизни в этой стране я приобрел много преданных друзей, замечательных и доброжелательных коллег. Братский народ Туркменистана – скромный дружелюбный, гостеприимный и уважительный!

Мой родной зооветеринарный факультет и институт с прекрасным коллективом для меня остается очень дорогим. Мои воспоминания – это лучшие годы моей жизни, встречи с интересными людьми, работа с замечательным коллективом.

У Анвера Кеюшевича была какая то врожденная интеллигентность, которая и определяла его жизненное кредо. В судьбе многих людей он оставил добрый след. Я всегда старался брать с него пример. Воспоминания были бы скудными, если бы рядом не было такого человека, как Анвер Кеюшевич Рустамов...

– Дополнительный отрывок из воспоминаний А.К. Ремиханова в публикации Ф. Оруджева «Прошлое не исчезает пока мы живем», помещенной в газете «Махачкалинские известия», №44 от 11.11.2011 г.

О людях и кумирах...

Мы говорим с ним... говорим...

Но о чем бы речь ни заходила, он незаметно возвращается к памяти тех лет, когда происходило становление его как человека, ученого. Есть люди, чьи мысли и дела не теряются во времени. «Какое счастье, говорит он, – что прошлое не исчезает в нас, пока мы живем». Издалека доносятся отзвучавшие слова, возвращаются ушедшие навсегда люди. Он переходит на романтическую, эмоциональную тональность разговора. «В моих воспоминаниях – вздыхает он, – как в запутанных тончайших нитях паутины, высвечиваются яркими огоньками образы незабвенных учителей, друзей, ставших для меня поистине драгоценными созданиями. Да и как можно забыть и не оценить человека, который, будучи ректором огромного института, просто, услышав краем уха из своего кабинета мой разговор с секретаршей, вызывает меня, выслушивает, по-отечески решает все проблемы юнца – первокурсника. Разве на такое способны обычные

люди?!»

С каким азартом, теплотой и бесконечной любовью он рассказывает о своем Учителе, наставнике, Человеке с большой буквы – ректоре Туркменского сельхозинститута, академике Анвере Кеюшевиче Рустамове, в котором человеческая порядочность совмещалась с бескомпромиссностью по отношению ко лжи и несправедливости.

«Таких людей, наверное, бывает мало, но ими всегда расцветает жизнь других, и какое счастье, что судьба свела меня с таким человеком».

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ПРЕКРАСНОГО ЧЕЛОВЕКА

Х.Г. Гочмырадов

Кандидат исторических наук, писатель,
Заслуженный журналист Туркменистана (г. Ашхабад)

Память о хорошем человеке поистине нетленна в веках. Она живет в душе каждого, кто соприкоснулся к источнику живительного добра и подлинного бескорыстия. Удивительно целостный образ подчеркивается сохранившимися в светлых воспоминаниях очевидцев мельчайшими деталями, подчеркивающими духовное совершенство человека. Услужливая человеческая память, словно прокручивая старую киноленту, восстанавливает бесконечно дорогие сердцу мгновения, и перед мысленным взором предстает светлый образ, звучат его добрые советы и напутствия. Именно таким – добрым и светлым человеком был Анвер Кеюшевич Рустамов. Неизменным чередом проходят дни, отсчитывая годы нашей жизни. Время отмеряет каждому свой век, таков непреложный закон бытия. Но памяти человеческой этот закон неведом. Она, словно величайшую ценность, хранит первозданную свежесть воспоминаний о людях добрых, честных, порядочных, каким и был ректор Туркменского сельскохозяйственного института профессор Рустамов.

Было начало 60-х годов прошлого века. Молодую душу обуревают радостные чувства – мы стали новоиспеченными студентами Туркменского сельскохозяйственного института (ныне Туркменского сельскохозяйственного университета). Наш тогда еще молодой педагог Овез Сопыев опытным глазом подметил во мне тягу к творчеству, литературе и искусству и приобщил к активно организуемым на факультете культурно-массовым мероприятиям. Овез Сопыев в то время курировал культурно-массовый сектор

факультета. Немногим позднее он поручил мне возглавить факультетскую художественную самодеятельность. Мы приступили к активному поиску и выявлению в студенческой среде самобытных талантов – музыкантов, певцов и исполнителей, силами которых была налажена достаточно продуктивная концертная деятельность самодеятельного коллектива. Казавшиеся нам непреодолимыми трудности первого года институтского обучения постепенно отошли на второй план, уступив место учебным будням, расцвеченным содержательными творческими мероприятиями.

В самом начале второго курса нам неожиданно объявили о скором отправлении на сбор хлопка в Бабадайханский этрап (тогда Кировский район, *прим. ред.*). Дружную ватагу молодых студентов разместили в здании Дома культуры одного из дайханских объединений (тогда - колхозы *прим. ред.*). Весь день, с раннего утра до позднего вечера, мы провели в поле, собирали хлопок. А вечером усталые, но довольные, готовились к концерту.

На хлопке мы пробыли до середины октября. За это время мы успели дважды выступить с концертом перед хлопкоробами. Концертный репертуар составляли популярные песни и зажигательные танцы. Большой популярностью у сельских тружеников пользовались импровизированные сценки и юмористические номера.

Сезон сбора хлопка успешно завершился, мы вернулись к учебе. И вот однажды педагог Овез Сопыев вызвал меня в свой кабинет. Он преподавал нам зоологию. Вместе с преподавателем Байрамом Балакаевым они курировали также наш поток на хлопке.

Выйдя из аудитории, я направился к Овезу Сопиевичу. Он сообщил мне: «Тебя срочно вызывает ректор института. Учти, он не любит славословия. Так что хорошенько подумай, прежде чем что-то сказать. Будь внимательней».

Визуально я, конечно же, видел Анвера Кеюшевича Рустамова с самых первых дней учебы в институте, хотя повстречаться с ним непосредственно не доводилось. Мы видели ректора на торжественной линейке, посвященной началу нового учебного года, а затем он по-отечески наставлял нас, молодых студентов, перед поездкой на хлопок.

Внешне Анвер Кеюшевич был очень представительен: высок, широк в плечах, красив. Чрезвычайно требователен к себе и окружающим, что внушало всем нам искреннее уважение и доверие. Глядя на неизменно строгое выражение его лица, мы про себя невольно вопрошали: «Улыбается ли он хоть когда-нибудь?»

Известие о том, что меня вызывают в приемную ректора института, конечно же, взволновало меня. «Зачем меня хочет видеть сам ректор? Овез Сопыевич почему-то ничего определенного не сказал». Эти мысли крутились в голове все время, пока я шел в приемную, не давая мне возможности сосредоточиться. Не успел я как следует собраться с мыслями, уже очутился в главной приемной института.

Я почувствовал, что здороваясь со мной, ректор исподволь изучает меня с ног до головы. После минутной паузы он произнес строгим голосом: «Овез Сопыевич рассказал мне о вас. До поступления в наш институт вы окончили столичный культурно-просветительский техникум, затем некоторое время работали по полученной там специальности. Мне говорили также, что в институте вы тоже развили довольно активную общественную деятельность, неоднократно выступали с концертами перед хлопкоробами. Учитывая ваши заслуги, мы решили наградить вас Почетной грамотой института».

Речь ректора прервал неожиданно прозвучавший отрывистый телефонный звонок. Профессор поднял трубку и долго говорил с кем-то. Из разговора я понял, что в институте ждали высоких гостей, и предстояла серьезная подготовка к этому событию.

Поняв, что вызов в приемную ректора имел под собой достаточно позитивную почву, я немного расслабился. На мгновение представил себе, как обрадуются мои друзья, когда я сообщу им о скором награждении Почетной грамотой института.

Профессор Рустамов между тем закончил разговор и, положив на рычаг трубку телефона, продолжил свою речь: «Я знаю, что ты немного занимаешься драматургией, пишешь сценки, осуществляешь небольшие сценические постановки, увлекаешься поэзией. Все это очень хорошо. Тебе нужно активно сотрудничать с газетой «Мичуринец». Я предупрежу К.И. Уварова и Н.Ч. Чарыева. Постарайся побольше общаться с ними, советуйся, ищи. Я дам поручение А.А. Гайдарову, чтобы на большой перемене между учебными занятиями по институтскому радиоузлу транслировали стихотворения и хорошую музыку – это вдохновит молодежь».

Названные Анвером Кеюшевичем фамилии мне были знакомы. Константин Иванович Уваров являлся ответственным секретарем институтской газеты «Мичуринец» (её печатали на туркменском и русском языках), Нобарали Чарыевич Чарыев отвечал как раз за грамотность туркменских текстов, подготавливаемых для публикаций. Акпер Алиевич

Гайдаров же был ответственным за деятельность культурного сектора всего института.

Я почему-то решил, что разговор закончен, поднялся и направился к выходу. Но тут Овез Сопыевич тихонько потянул за рукав пиджака, как бы давая знать, что мне не стоит спешить. И точно – Анвер Кеюшевич, видимо не заметивший моих намерений, спокойно продолжил свою речь: «В скором времени к нам в институт придут гости из Московского университета имени Патриса Лумумбы. Тебе придется выступить перед ними и продекламировать стихи. Подготовься хорошенько. А сейчас можешь возвратиться на свои занятия».

Аудиенция завершилась, я покинул приемную ректора, Овез Сопыевич же остался. Позднее мне сообщили, что ректору не совсем понравился мой более чем скромный, порядком истасканный костюм, к тому же он был мне короток и, конечно же, мало подходил для такого торжественного момента, как встреча представительных московских гостей. В то время на нашем потоке учился Файзи Османов, хороший парень и толковый студент (безвременно ушел, светлая ему память!), сын Османа Сохбетова, являвшегося одним из первых руководителей нынешнего этрапа «Атамурат» Лебапского веляята. Одевался он довольно прилично. Овез Сопыевич посоветовал мне на время ответственного мероприятия взять костюм у него. Я так и поступил, и, надо сказать, костюм оказался на удивление в пору. Встреча прошла на очень высоком организационном уровне, и я достаточно успешно выступил перед гостями.

После этого случая я стал более активно выступать с репортажами из студенческой жизни, художественными зарисовками, очерками и коротенькими рассказами. Большая часть материалов публиковалась в институтской газете «Мичуринец». Я по мере своих скромных сил старался также выполнить поручение ректора насчет трансляций по институтскому радиоузелу. Параллельно я стремился привлечь к этой общественно полезной работе самодеятельных поэтов и исполнителей из студенческой среды, иногда выступал с собственными поэтическими сочинениями.

А однажды мне захотелось написать небольшой рассказ о красивых цветах. Несколько дней я обдумывал сюжетную композицию. Когда, наконец, рассказ был готов, я озаглавил его «Цветок», и принес в редакцию «Мичуринца». Рассказ опубликовали.

Вскоре после этого меня вызывают к ректору. Я пришел в знакомую мне приемную. Анвер Кеюшевич встретил меня, сидя за своим столом. Я

зашел в кабинет, поздоровался. Тут профессор взял в руки газету и произнес тираду, какую я совсем не ожидал услышать: «Что же ты творишь, а? Я везде хвалю тебя, ставлю в пример как образцового студента, а ты... Нехорошо ты поступил, даже не ожидал от тебя такого». Ректор немного замедлил взгляд на газетных строках, затем продолжил: «Только что здесь была одна из студенток, она очень недовольна выбранным тобою сюжетом. Она подспудно прочла в нем недобрый намек на собственную судьбу. Надеюсь, ты понимаешь, что так поступать просто некрасиво. Думаю, ты меня понял, и больше этого не повторишь. Договорились?».

Честно говоря, от такого оборота дел я немного оторопел, и в первую минуту не знал даже, что ответить. Мне не оставалось ничего, как просто кивнуть в знак полного согласия. Однако в душе был сильно огорчен таким приемом ректора.

Профессор, и вправду, был сильно разгневан, однако умело сдерживал свои эмоции. В его речи сквозили строгость, граничащая с холодностью, и все же он несколько не изменил своей привычной манере быть отменно вежливым со всеми. Я же не мог говорить вовсе. Конечно, мне хотелось возразить, что сюжет рассказа «Цветок» был выдуман от начала до конца, что столь разительное совпадение является чистой воды случайностью, но мне этого не удалось. Слишком уважаемым человеком и выдающейся личностью для меня, тогдашнего молодого студента, был профессор Рустамов, и возразить ему было бы верхом дерзости.

Мухаммет Гараевич Гараев был одним из самых старых и очень уважаемых педагогов в институте (Пусть дарует Всевышний мир и покой его душе!). Я очень часто обращался к нему за советом или помощью. Говорили, что даже сам Анвер Кеюшевич считал его своим уважаемым наставником. Не знаю, насколько это соответствует истине, однако все знали, что между ними царили полное согласие и взаимное уважение.

Прямо к М.Г. Гараеву я и направился, выйдя из ректорской приемной. Пришел, и как водится у молодых, все начистоту и выложил, щедро сдобрив свой рассказ кипевшими в душе эмоциями. Сказал, что и не помышлял даже копировать чью-то судьбу или ранить человека пустыми намеками. К тому же, добавил я, вся литература опирается на художественный вымысел, тонко граничащий с жизненной правдой. Это было и остается основным приемом творческой интерпретации. Опытный педагог выслушал меня очень внимательно, ни разу не перебив, затем сказал: «Анвер Кеюшевич не только ответственный руководитель, он еще чрезвычайно начитанный

и культурный человек, обладающий зрелым мировоззрением и широким кругозором. Он прекрасно разбирается в литературе, знает композиционную постановку литературных жанров. Возможно, та студентка более несведуща в этих вопросах, потому и явилась в приемную с жалобой, поддавшись первому негативному порыву. Ректор же, как и положено, отреагировал незамедлительно. Знаешь, что мы сейчас сделаем? Мы найдем эту студентку, и все ей объясним. И все встанет на свои места».

Несмотря на внешнюю строгость и требовательность, Энвер Кеюшевич был очень добрым и справедливым человеком, неизменно вежливым со всеми, не взирая на возраст и общественный статус своего собеседника. Умел сдерживать негативные эмоции, не позволял себе дерзостей, даже в пылу гнева или спора. Старался мягко убедить, найти нужные слова, чтобы поддержать добрым словом или полезным советом.

Лекции по истории КПСС в институте нам читал профессор Ниязбердыев. Он поручил мне написать лекцию на тему «Любовь и калым». Старательно собрав материал, я написал пространственный текст на 30 машинописных страницах. Лектору моя работа очень понравилась, он даже похвалил меня: «Молодец, написано очень хорошо. Организуем твои выступления и здесь, и в других вузах. Пусть студенты послушают».

Я поинтересовался, разрешат ли мне читать лекцию на туркменском языке, в то время как все обучение в вузе велось исключительно на русском языке. Ниязбердыева все знали как достаточно вспыльчивого человека. И здесь эмоции взяли верх. Он хватил кулаком по столу и произнес: «Мы – туркмены. И лекцию должны читать на своем родном языке». Затем, глядя на меня в упор, дал конкретное поручение: «Отправляйся в Туркменский государственный медицинский институт и повесь там объявление о том, что вскоре состоится лекция на тему «Любовь и калым». И укажи конкретное время. А после вывесишь такое же объявление у нас в институте».

У кого хватит смелости возразить педагогу?! Я вынужден был согласиться. Подготовил текст объявления, оформил его соответственно и отправился в медицинский институт. Однако там мне сообщили, что вывешивать объявления без санкции ректора не разрешается. Но каким образом я могу спросить разрешения ректора мединститута, если даже не являюсь его студентом? Ситуация складывалась более чем щекотливая. Я молча отправился обратно, как говорится, несолоно хлебавши. Ниязбердыев тоже никак не отреагировал. Должен ли я вывесить объявление в нашем институте – вот в чем вопрос. Я раздумывал...

Об этом инциденте как-то прослышал Анвер Кеюшевич. Он вызвал меня к себе: «Я слышал, ты написал лекцию о вредном влиянии калыма. Даже переговорил об этом с Ниязбердыевым. Конечно, это хорошо, что лекцию ты написал на родном туркменском языке. Но ситуацию понимать тоже очень важно. Идет сплошная русификация, русский язык объявлен государственным языком. Представь себе, какой поднимется скандал, если ты соберешь большую аудиторию, перед которой выступишь с лекцией на туркменском языке. Однако уверяю тебя, твой труд не будет напрасным. Во-первых, более чем уверен, что сам процесс сбора информации оказался для тебя чрезвычайно полезным. И потом, есть ведь и другие формы работы. Например, вы можете организовать диспут с небольших группах студентов, к примеру, из 8-10 человек».

Некоторое время Анвер Кеюшевич молчал, устремив вдаль свой взор: «Была бы моя воля, все обучение в институте велось бы на туркменском языке. Думаешь, я не знаю, как мучаются студенты-первокурсники, особенно приехавшие из аулов. Они ведь практически не знают русского языка, а тут такой сложный учебный материал нужно освоить. Однако делать нечего! Нужно жить днем сегодняшним. Я уверен, время наступит. Туркменский язык обретет статус государственного языка. Все лучшие книги, все лекции будут переведены на наш родной язык. Надо только дожидаться той поры». Затем продолжил: «Ходжамурат, я прочел в газете твой материал о нашем институте. Хорошо написано. Но у меня одна просьба: не упоминай, пожалуйста, в своих статьях мое имя. Пиши о других педагогах, ведь их успехи – это и мои успехи тоже. И потом, зови меня Энвер, это я по паспорту Анвер, я ведь по национальности азербайджанец. А в вопросе написания человеческих имен следует быть очень грамотным».

Годы шли, мы уже заканчивали институт. Уже полным ходом распределяли молодых специалистов в места прохождения послевузовской стажировки. Вначале мне предложили пройти стажировку либо в дайханском объединении имени Максима Горького в Геокдепе, либо начать работать зоотехником в мургабском дайханском объединении «Комсомол». Однако в это время поступил запрос их Центрального комитета КОМСОМОЛА о необходимости специалиста-агрария, и ректор Э.К. Рустамов предложил мою кандидатуру.

Я находился на распутье, выбирая место предстоящей стажировки, как вдруг меня вызывают в приемную ректора. Энвер Кеюшевич говорит мне: «Звонил главный редактор газеты «Туркменская искра». В аграрный

отдел редакции необходим толковый специалист. Отправляйся к Мамотину на собеседование».

Под силу ли мне работать в русскоязычной газете? Тут поневоле задумаешься. Одно дело говорить по-русски, но владеть русским языком – это ведь совершенно другой уровень восприятия! Работа в редакции подразумевает основательное владение грамматикой, орфографией, пунктуацией русского языка! Необходимо умение редактировать русскоязычные тексты, регистрировать и обрабатывать поступающую в редакцию корреспонденцию и, что самое главное, писать на русском языке. Но и этого недостаточно: нужно быть грамотным настолько, чтобы уметь находить и исправлять ошибки, допущенные линотипистом при наборе шрифтов, а также вносить оперативные коррективы в материалы уже в процессе публикации. В общем, ответственности более чем хватает. Под силу ли мне все это?

Мимика лица, по-видимому, выдала все происходившие в душе волнения. Энвер Кеюшевич подбодрил меня: «Не нужно сомневаться в себе, иди смело. Побеседуешь, объяснишь ситуацию. Мамотин учился в Ленинграде, и сам в свое время начинал с простых рабочих. Уж он определит, выйдет из тебя толк или нет».

Я явился в редакцию газеты. Главный редактор отсутствовал. Мне сообщили, что его срочно вызвали в ЦК партии. Я собрался возвращаться и уже в дверях приемной столкнулся с достаточно пожилым русским человеком. Он спросил, к кому я пришел. Я передал, что явился по направлению профессора Рустамова. Мой собеседник повел меня в редакцию, по дороге сообщив: «Меня зовут Щетинин, я заведу отделом сельского хозяйства. Специалист нужен именно в нашем отделе. Я сам попросил Мамотина обратиться к ректору сельскохозяйственного института Э.К. Рустамову с предложением направить к нам на стажировку толкового молодого специалиста».

Мы оказались в аграрном отделе редакции. Здесь мы более подробно побеседовали с Щетининым, а также с сотрудниками отдела Антоненко и Малкисом. Они задали мне несколько вопросов по зооветеринарии. Вероятно, их удовлетворили данные мною исчерпывающие ответы, поскольку они заключили: «Вы полностью подходите для работы в отделе. Вот только со знанием русского языка могут возникнуть некоторые сложности. Как думаете, осилите?».

Я честно признался, что, хотя и знаю правописание, однако для работы

в редакции газеты считаю этого явно недостаточным. Щетинин согласился: «Конечно, без основательного владения грамматикой языка работать в газете будет очень проблематично». Затем, несколько подумав, пообещал переговорить об этом с Мамотиным. Он уже встал, чтобы попрощаться со мной, но тут, словно вспомнив что-то важное, предложил мне: «А знаете что, вы зайдите в соседнюю редакцию, там располагается газета «Совет Туркменистаны». Главный редактор Бадаев, наверное, вместе с нашим руководителем, вызван в Центральный комитет партии. Но его заместитель Гурген Мырадов недавно был на своем рабочем месте. Я в курсе, что они тоже искали специалиста, если только никого еще не приняли».

Заместитель главного редактора газеты «Совет Туркменистаны» принял меня очень радушно. Я поведал ему, что вскоре оканчиваю сельскохозяйственный институт и мечтаю работать в редакции газеты. Гурген Мырадов улыбнулся моим словам: «Специальность твоя для нас достаточно актуальна». Затем он поинтересовался моей учебной работой в институте, увлечением литературным творчеством, спросил о диапазоне авторских публикаций, и добавил: «Бадаева сейчас вызвали в ЦК. Приходи в редакцию завтра, ближе к обеденному перерыву. Я думаю, он тебя примет».

Завтра Маммет Бадаев принял меня у себя в кабинете, подробно расспросил о моей успеваемости в институте, публикациях в печати, поинтересовался, хочу ли я работать в газете. Затем он сообщил: «В отделе сельского хозяйства нужен расторопный работник, знающий специалист. Сейчас во всех газетных редакциях расширяют штат аграрных отделов и привлекают туда опытных специалистов. Это веление времени. Вы были бы чрезвычайно полезны газете, вот только...». Тут мой собеседник помолчал, затем откровенно признался: «В газете приходится работать со словом, с каждой буквой. Я понимаю, сельхозинститут – очень престижный ВУЗ, но для работы в газете необходимо в совершенстве знать грамматику языка. Боюсь, если мы примем вас на работу в газету, у вас возникнут трудности именно в этом плане».

Я сообщил главному редактору, что до сельскохозяйственного университета учился на факультете туркменской филологии госуниверситета. Услышав это, мой собеседник заметно оживился. Он позвонил своему заместителю Гургену Мырадову: «Сейчас к вам подойдет Ходжамырат Гочмырадов, возьмете у него личный листок, а по окончании института примете его на работу. Он – именно тот специалист, который нам нужен. Оказывается, Ходжамурат ранее окончил филологический факультет

университета».

В кабинете Гургена Мырадова я заполнил личный листок, после чего он мне сказал, что заявление я смогу написать в первый же день приема на работу, а затем добавил: «Приходи к нам сразу же после окончания института. И вообще, будь с редакцией на связи. А вот тебе пригласительный билет на торжества по случаю Дня печатника. Примешь участие в торжественном собрании, ты теперь, как-никак, тоже ведь газетчик!».

По возвращении в институт я во всех подробностях передал Энверу Кеюшевичу разговор, состоявшийся в редакциях газет «Туркменская искра» и «Совет Туркменистаны». Он всегда интересовался ходом собственно инициированных начинаний и требовал подробного отчета о выполнении данных ранее поручений.

1 июля 1966 г. я приступил к работе в должности младшего литсотрудника в отделе сельского хозяйства центральной республиканской газеты «Совет Туркменистаны». Помню, дней через 10-15 после этого знаменательного события на собрании в ЦК партии наш главный редактор Маммет Бадаев встретил профессора Рустамова, которому сообщил: «Мы взяли в газету вашего недавнего выпускника Гочмырадова. Кажется, он неплохой парень». На что Энвер-Ага ответил, сопровождая свои слова характерным красноречивым жестом: «Гочмырадов - отличный парень».

Эта высокая оценка, данная мне уважаемым талантливым педагогом и прекрасным человеком, согревала мне душу на протяжении 30 лет работы в центральной печати. Говорят, много ли человеку для счастья нужно? Всего несколько добрых слов, сказанных в мой адрес, даровали мне неисчерпаемые силы и вдохновение, отводили усталость и сомнения. Уверен, когда поминают добром хорошего человека, его доброта и тепло его души не растрачиваются с годами – они согревают тебе душу и в преклонном возрасте, напоминая о прекрасных днях далекой юности.

Наверное, это один из величайших уроков жизни. Отрадно, что вспоминая Энвера Кеюшевича Рустамова, мы каждый раз соприкасаемся с источником светлого, доброго, вечного.

ЧАСТЬ 3. ПОМНИМ НАШЕГО УЧИТЕЛЯ И ПРОДОЛЖАЕМ ЕГО ДЕЛО

НЕСКОЛЬКО ВАЖНЫХ СЛОВ О НАШЕМ УЧИТЕЛЕ

А.Г. Бабаев

Доктор географических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР, академик АНТ и РАН (г. Ашхабад)

На жизненном пути человека встречаются люди разные по характеру и уму, одни из них играют важную роль в детские или школьные годы, другие – в студенческие и годы становления, третьи – уже в зрелом сформировавшемся возрасте. Таких людей немного, можно сказать единицы, но именно они своим складом ума, знаниями, мудростью, благородством, бескорыстностью и доброжелательностью оказывают решающее влияние на судьбы окружающих их людей в достижении ими поставленных целей. При этом я не имею в виду родителей и близких родственников, цена им превыше всего. Но, здесь я хотел бы с благодарностью вспомнить моего первого университетского учителя – Рустамова Анвера Кеюшевича.

По воле судьбы в 1945 году, после победного окончания Великой Отечественной Войны я поступил на географическое отделение естественно-географического факультета Ашхабадского государственного педагогического института имени А.М. Горького. Среди различных предметов в расписании занятий значился курс «География животных», а рядом фамилия лектора – старший преподаватель А.К. Рустамов.

И вот в аудиторию входит молодой, стройный, красивый, гордый и внешне строгий лектор. Так я впервые увидел Анвера Кеюшевича. Начинается лекция – интересная, увлекательная. Он читал лекции на высоком ораторском уровне, на русском языке, членораздельно, приятным, можно сказать, дикторским голосом. На его лекциях отмечалась самая высокая посещаемость. Мы, студенты, постоянно убеждались, что притягательность его лекций и умение преподнести лекционный материал кроются в глубоком энциклопедическом владении не только своей специальностью, но и смежными научными дисциплинами – климатологией, гидрологией, геоботаникой, почвоведением и др. Тогда я не мог и подумать, что в будущем буду иметь возможность не только сохранить приятное общение, но и плодотворно работать вместе с этим человеком на поприще туркменской науки.

Подходит экзаменационная сессия. Отвечаю на три вопроса

экзаменационного билета с большим волнением и неуверенностью. А.К. Рустамов задал мне дополнительно два вопроса и сказал: «Я бы тебе поставил оценку «5», но у меня «4» - самая высокая оценка». И добавил: «Учись и учись, думаю, что ты станешь хорошим учителем...». В период учебы мне удавалось сохранять связь с ним, он всегда принимал меня у себя на кафедре и отвечал на мои наивные вопросы, высказывал доброжелательные напутственные слова.

После вуза я поступил в аспирантуру, в 24 года стал кандидатом географических наук, в 26 – доцентом, в 38 – доктором, в 39 – профессором. С того самого времени и до конца жизни Анвера Кеюшевича я пользовался его наставлениями и советами при моем становлении и росте как ученого-пустыноведа. Замечу, что мой непосредственный руководитель – незабвенный Михаил Платонович Петров был для меня путеводной звездой. Тем не менее, когда я размышляю о пройденном пути и пустыноведческой науке, о её становлении в глобальном развитии, о том огромном её значении для экономики и социальной среды человека, невозможно не вспомнить среди других ученых, заложивших фундамент этой науки на пространстве бывшего Советского Союза, и имя академика Анвера Кеюшевича Рустамова. Достаточно лишь упомянуть его фундаментальную монографию «Птицы пустыни Каракум», изданную почти 60 лет тому назад, но не потерявшую своей ценности до сих пор. Все научные, педагогические и организационные труды А.К. Рустамова по существу являются отражением чистоты его души, уникальной широты научных интересов, доброты, отзывчивости, нетерпимости к этически и морально нечистоплотным людям, стремлением помочь каждому, проходящему через его аналитический и селективный ум в науке и образовании. Он был глубоко требовательным и пунктуальным к себе, своим ученикам, коллегам и сослуживцам. Может показаться легким: почти 30 лет руководить крупным коллективом сельскохозяйственного вуза, причем, на высоком уровне. Но за этим кажущимся благополучием лежит огромное напряжение и пласт научно-педагогической и общественно-организационной работы.

Мне, как ученику, довелось довольно близко общаться с этим благородным человеком, с другой стороны я был однокурсником и другом его младшего брата Инглаба Рустамова, ставшего впоследствии доктором биологических наук, членом-корреспондентом Академии наук Туркменистана. Я всячески стремился подражать характеру А.К. Рустамова и перенять хоть частицу его опыта руководства коллективом людей.

Вспоминается эпизод совместной поездки с А.К. Рустамовым на

запад Каракумов в начале июля 1955 г. Я работал заведующим кафедрой географии Туркменского государственного университета, а Анвер Кеюшевич заведовал кафедрой зоологии Туркменского сельскохозяйственного института. При встрече на очередной научной конференции он предложил мне съездить в район озера Ясхан на древний Узбой и сказал, что его пригласили Караш Николаевич Йомудский и Надежда Григорьевна Шевченко, что они там открыли крупную подземную линзу пресной воды. С ними собирался также поехать Шалом Иосифович Коган – заведующий одной из лабораторий Института ботаники АН Туркменистана. Я тут же согласился.

На следующий день мы поездом прибыли в Небитдаг, где нас ожидала автомашина «Газ-67». До вечера добрались до пос. Ясхан. Была организована встреча, и в кругу близких людей мы там же заночевали. Мы совершили ознакомительную поездку на Узбойские пресные озера Ясхан, Каратегелек и Топъятан. Простота и неприхотливость Анвера Кеюшевича к бытовым вопросам в сложных условиях пустыни – лишний раз свидетельствовали о его высокой человечности, он легко адаптировался ко всему, ему было чуждо все, что не присуще мудрому человеку. А.К. Рустамов на редкость обладал удивительной способностью объединять и увлекать собеседников наиболее важными природоведческими вопросами.

Если говорить по существу, природоохранная наука в нашем Отечестве во многом обязана работам академика А.К. Рустамова. На природоохранную и просветительскую деятельность он не жалел сил и времени. Для молодых ученых и студентов, широкого круга простых любителей природы слушать его рассказы, а тем более доклады и лекции – это большая удача. Как говорят, большое видится издалека. Академик А.К. Рустамов – большой ученый и человек. Его вклад в развитие отечественной науки и образование трудно переоценить. Им оставлено ценное научное наследие, которое всегда будет востребовано молодыми учеными-биологами для достижения научной истины.

**«НАУКА – ЭТО ОКЕАН, И ДАЖЕ УМЕЮЩИЙ В НЕМ ПЛАВАТЬ МОЖЕТ
ПОГИБНУТЬ ИЛИ, НЕ ОДОЛЕВ ЕГО, ВОЗВРАТИТЬСЯ ВСПЯТЬ»**

Г.Т. Мустафаев

Доктор биологических наук, профессор, зав. кафедрой биоэкологии
Бакинского государственного университета (г. Баку)

Я позволил себе озаглавить эти воспоминания о моем учителе

– Анвере Кеюшевиче Рустамове его же словами, которые он мне, когда-то говорил.

О замечательном творческом и жизненном пути моего незабвенного учителя было много сказано и написано в его юбилейные 50, 60, 70, 80 и 85-летние даты. Причем, писали не рядовые журналисты, а замечательные ученые – такие, как А.Г. Банников, Г.П. Дементьев, В.М. Галушин, В.Д. Ильичев, Е.Н. Курочкин, В.А. Попов, В.Е. Соколов, Г.Н. Симкин, В.Е. Флинт, А.В. Яблоков и другие. Мне о своем учителе довелось писать трижды, и это для меня всегда становилось источником радости и гордости. Но сейчас перо застыло в моих дрожащих руках – и не столько по причине моей болезни, сколько оттого, что нет уже с нами дорогого Анвера Кеюшевича, но Дух которого витает во Вселенной, отправившись в последнее и бесконечное странствие.

Человек не может знать, когда наступит конец его жизни или жизни его близких. Я не представлял жизни без Анвера Кеюшевича. Наши отношения, начиная с первой встречи (1954 г.), были всегда более чем дружескими, они длились полвека. Все наши встречи – будь то в Азербайджане, Туркменистане или в иных республиках обычно были насыщены работой, но часто так складывалось, что общение, работа и отдых были тесно сплетены.

С моим Анвером-муэллимом я впервые повстречался после того как закончил Азербайджанский (ныне Бакинский, *прим. ред.*) государственный университет в 1954 г. по специальности биолог-зоолог и поступил в аспирантуру того же вуза. Русский язык я знал слабо. Преподававший мне в университете педагог К.М. Гамбаров посоветовал в качестве научного руководителя выбрать Анвера Кеюшевича и обратиться к нему. Я так и сделал. Получив предварительно его согласие, я, по приезду в Ашхабад, определил координаты его места работы и ранним утром ожидал Анвера Кеюшевича у небольшой, приземистой времянки, выстроенной на окраине города (сад Кеши) еще в 1948 г. сразу после ашхабадского землетрясения. Тогда это и был «кабинет» профессора – заведующего кафедрой зоологии Туркменского сельскохозяйственного института. Появился высокий, стройный, светловолосый молодой человек. Поздоровавшись, он вошел во времянку и немного погодя пригласил меня войти. Сели, посмотрел он мои документы. «Документы в порядке, однако, стать ученым не так легко, как быть студентом», – сказал профессор. Не помню, что я ему ответил. Поинтересовавшись, где я родился, он предложил несколько тем. Выбор пал на изучение семейства Corvidae; время показало, насколько правилен был этот выбор.

Анвер Кеюшевич в науке был очень требователен. Он любил напоминать: «Наука – это океан, и даже умеющий в нем плавать может погибнуть или, не одолев его, возвратиться вспять». В 1960 г., спустя 2 года после получения мною ученой степени кандидата биологических наук, он сказал: «...чтобы добиться успеха в науке в такой огромной стране (имелся в виду бывший СССР – Г.М.), необходимо активно участвовать в орнитологических, экологических и других зоологических конгрессах, конференциях и иметь тесные контакты с ведущими учеными». Я всегда был признателен за это Анверу Кеюшевичу и до сих пор следую его советам. Прошло немного времени, и наши отношения учителя и ученика приобрели характер сотрудничества и даже дружбы. Смелость писать об Анвере Кеюшевиче я взял на себя потому, что близко знал его и его семью.

Детство А.К. Рустамова не было безоблачным: рождение на «чужбине», материальные затруднения родителей. Да и впоследствии все складывалось нелегко: участие в Великой Отечественной войне, ашхабадское землетрясение... Но необычайная трудоспособность, одаренность, принципиальность всегда выводили его из самых затруднительных ситуаций. Присутствовал также фактор везения, Аллах всегда окружал его заботой.

А.К. Рустамов, специализируясь на естественном факультете Туркменского педагогического института (1934-1938), руководил научным студенческим семинаром у профессора М.К. Лаптева, известного зоолога. О профессоре М.К. Лаптеве Анвер Кеюшевич рассказывал, что научная и преподавательская работа была для него фанатичной внутренней потребностью. Низкий поклон таким учителям. Именно М.К. Лаптев привил Анверу Кеюшевичу научный интерес к изучению природы, под его руководством А.К. Рустамов участвовал в экспедиции на Амударью. Результатом той экспедиции и обработки большого коллекционного материала стала защита кандидатской диссертации «Птицы биоценоза Амударьи» (1943). И это несмотря на то, что Анверу Кеюшевичу было 26 лет, три из которых отданы преподаванию в физкультурном техникуме сразу после окончания института и два – армии, а также фронту в начале Отечественной войны.

В годы войны из Москвы в Среднюю Азию, в частности в Ашхабад, был эвакуирован Московский университет им. М.В. Ломоносова. С ним приехали многие ученые-биологи, которые приложили значительные усилия к изучению природы Туркменистана и сохранили глубокий интерес к ней до конца жизни. Счастье улыбнулось Анверу Кеюшевичу: он встретился

с такими уникальными личностями и титанами науки, как Г.П. Дементьев, А.Н. Формозов, В.Г. Гептнер, Г.В. Никольский, С.С. Туров и другие. Он мог использовать в своей работе их научный опыт, методы и методологию. Как говорили предки, «рыба растет в океане». Хочу добавить, что, наряду с умением сотрудничать и дружить со старшим поколением ученых, Анвер Кеюшевич легко находил путь к душам молодых биологов.

Его близкими друзьями были и сверстники, и более молодые зоологи. Это А.Г. Банников, М.А. Воинственский, А.Г. Воронов, Н.А. Гладков, И.А. Долгушин, Т.З. Захидов, Н.Н. Карташев, В.Ф. Ларионов, Р.Н. Мекленбурцев, В.А. Попов, Е.П. Спангенберг, Ф.И. Страутман, С.М. Успенский, С.С. Шварц, И.А. Шилов, а также И.А. Абдусаламов, Р.Л. Беме, Э.И. Гаврилов, В.М. Галушин, И.С. Даревский, Н.Н. Дроздов, В.Д. Ильичев, А.Ф. Ковшарь, Е.Н. Курочкин, Е.Н. Панов, В.Е. Соколов, Г. Н. Симкин, В.Е. Флинт, Н.Н. Щербак и многие - многие другие. Все они вместе с А.К. Рустамовым создали неповторимую научную – зоологическую, методологическую среду второй половины XX века. Я осмелюсь посчитать и себя «творением» этой среды.

Г.П. Дементьев хорошо знал природу Средней Азии, что видно хотя бы из написанной им монографии «Птицы Туркменистана» (Т.1, 1952). Именно под влиянием Г.П. Дементьева Анвер Кеюшевич стал изучать птиц пустыни Каракум. Он считал Г.П. Дементьева своим самым большим учителем и всегда подчеркивал это. То, что А.К. Рустамов ученик Г. П. Дементьева, делало его знаменитым в той научной среде.

В 1950 г. 32-х летний А.К.Рустамов защитил в МГУ им. М.В. Ломоносова докторскую диссертацию на тему: «Птицы пустыни Каракум». В том же году он получил звание профессора. Этот труд, принесший ему известность в научном мире, был знаковым и в его научной карьере. В этой работе был впервые описан генезис авифауны Каракумов, выдвинута идея возникновения специфического центра видообразования, определено новое значение понятия «жизненная форма животных» (эколого-географический изоморфизм). А после его доклада о новых исследованиях авифауны Каракумов в 1954 г. на XI Международном Орнитологическом конгрессе в Швейцарии (г. Базель) его имя стало известно и во всем научном мире.

Официальным адресом Анвера Кеюшевича считался Ашхабад, но фактически его научная и организационная деятельность была всегда связана с центрами зоологической науки в Москве и за ее пределами. Здесь он тесно сотрудничал с замечательными учеными А.Г. Банниковым, Н.А. Гладковым, С.М. Успенским, В.Е. Флинтом; в Санкт-Петербурге – И.С.

Даревским, в Казани – В.А. Поповым, в Алма-Ате – И.А. Долгушиным. Научно–организационные проблемы решались совместно с академиком В.Е. Соколовым.

Красные книги, как известно, обычно являются плодом коллективного творчества. Однако зоологическая часть Красной книги Туркменистана (1985) была почти полностью написана А. К. Рустамовым. Его книга «Животный мир Туркменистана» (2011), которая увидела свет уже после кончины моего учителя благодаря стараниям Эльдара, представляет не что иное как шедевр региональной фаунистической сводки, которого давно не было в нашей и зарубежной научной литературе, а рукопись «История изучения фауны Туркменистана» еще ждет часа своего издания.

Анвер Кеюшевич блестяще представлял достижения науки и образования как Туркменистана, так и СССР, в различных странах (Англия, Заир, Индия, Иран, Испания, Канада, США, Франция, Швейцария, Швеция и др.). Его наибольшей заслугой в области охраны природы является миссия Генерального секретаря XIV Генеральной Ассамблеи Международного Союза Охраны Природы (IUCN), которая состоялась в 1978 г. в Ашхабаде. На этом форуме участвовало более тысячи представителей 300 организаций из 60 стран. На нем впервые была принята Международная стратегия по охране природы. К тому же этот форум отмечал 30-летний юбилей МСОП. Кстати, тогда же произошло и избрание Туркменского общества охраны природы официальным членом МСОП.

Друзья Анвера Кеюшевича являлись также коллегами и друзьями его учеников, а между учениками-соратниками (Г.Т. Мустафаев, О.С. Сопыев, М.Б. Аманова, И.А. Абдусаламов, Н.Н. Дроздов, В.М. Галушин, Е.Н. Курочкин, Р.Г. Жордания и др.) были близкие дружеские отношения. В науке, образовании, организационной и управленческой деятельности, а также в повседневной жизни А.К. Рустамова сотрудничество и дружба были лейтмотивами.

Для того чтобы представить поистине титаническую научную, педагогическую, просветительскую и общественную роль Анвера Кеюшевича, достаточно сказать о следующем: в течение 30 лет он творил, будучи не просто доктором наук (им он стал намного раньше), а академиком и почти столько же как ректор крупного высшего учебного заведения; более 30 лет был лидером массового движения людей в защиту природы, возглавляя республиканскую общественную организацию; 40 лет руководил учебными кафедрами в институте; столько же времени работал

в Ученых Советах института и вуза; более 40 лет активного членства в авторитетнейшей научно-общественной организации Советского Союза – в обществе «Знание»; 45 лет – во Всесоюзных Орнитологическом и Зоогеографическом комитетах; почти 60 лет состоял в рядах старейшего, я бы сказал, легендарного научного общества, основанного 200 лет назад – Московского общества испытателей природы. Перечень можно продолжать и продолжать. В анналах А.К. Рустамова около полутысячи трудов (рукописей, солидных книг, монографий, учебников, брошюр, статей), богатейшая личная библиотека и целая «галерея» государственных наград СССР (три ордена, пять Почетных грамот Верховного Совета ТССР, 8 знаков отличий, 15 медалей, десятки персональных грамот и официальных благодарностей). Трудно не согласиться, что Анверу Кеюшевичу удалось пройти путь в несколько жизней, за достижения в каждой из которых можно поставить памятник. Но не только благодаря этому память о нем надолго сохранится в сердцах тех, кому посчастливилось его знать. Главное, где бы и чем бы ни занимался Анвер Кеюшевич, он делал для людей все что мог, с чувством ответственности, я бы добавил, с искренней любовью и профессионально, оставаясь всегда доступным и очень душевным человеком.

В 1967 г. Анвер Кеюшевич был удостоен Почетного звания в Туркменистане «Заслуженный деятель науки», в 1969 г. - члена-корреспондента, а в 1975 г. - академика Академии наук Туркменистана. В 1983 г. ему, самому первому в Туркменистане, присуждается Государственная премия в области охраны природы. Фундаментальные труды Анвера Кеюшевича останутся навсегда нерукотворным памятником для будущих поколений ученых, его жизнь была примером для всех, кто его знал, его замечательные личностные качества привлекали к нему сердца людей. Думаю, что жизнь и творчество академика А.К. Рустамова будут еще долго изучаться и станут образцом для молодых поколений.

Закончить мне бы хотелось, воспоминаниями о некоторых совместных поездках с моим учителем. Специальных экспедиционных исследований в Азербайджане А.К. Рустамов не организовывал, но всегда очень живо интересовался его самобытной природой. Возвращаясь из других городов в Ашхабад, он часто заезжал в Баку, чтобы увидеться с родными и друзьями, и при этом успевал уделить внимание изучению природы Азербайджана.

Одна из первых поездок была предпринята в 1961 г. в знаменитый Гобустанский заповедник, известный во всем мире. Я до сих пор помню как им

восхищением Анвер Кеюшевич рассматривал наскальные изображения. Его сильно заинтересовал этот уникальный памятник природы, поэтому мы неоднократно посещали эту территорию и позже.

В один из очередных приездов в Баку (декабрь 1972 г.) профессор выразил желание посетить город Шушу – центр Нагорного Карабаха, родину его предков. Выехали мы втроем: А.К. Рустамов, А.И. Ханмамедов (один из первых его аспирантов) и я. Первую ночь мы провели в селении Дагирманлы Кюрдамирского района, у моего отца Тейфур-киши. Наш путь пролегал по Кура-Араксинской низменности в Гянджу и далее в Шушу. В Шуше Анвер Кеюшевич стремился найти отцовский очаг. С помощью одного из старожилов он отыскал дом, в котором когда-то жил известный пекарь Ахундов Гусейн-ага – дед Анвера Кеюшевича по материнской линии. Перед домом еще рос старый тутовник со всего одним оставшимся стволом, об этом дереве в детстве ему рассказывали родители. Эта картина сильно растрогала Анвера Кеюшевича, и он не мог сдерживать слез. Проводник был сверх щедро вознагражден, а мы поехали в Агдамский район. Здесь начальник местной милиции, тоже шушинец, по одному лишь слову Анвера Кеюшевича признал в нем земляка и пригласил нас всех на обед. Вечером мы были уже в Гяндже, где ночевали в гостеприимном доме родственника А.И. Ханмамедова. На обратном пути мы посетили один из участков тугайного леса, Анвер Кеюшевич был огорчен и раздосадован, увидев, какой сильной деградации подверглась уникальная экосистема.

Возвращаясь домой из Тегерана через Баку (май, 1975 г.), А.К. Рустамов сказал мне, что ему было бы интересно посетить Ленкоранскую часть Талыша. А в то время директором Кызыл-Агачского заповедника был мой сокурсник и близкий друг К. Кязимов. Он и организовал поездку, приехав специально за нами в Баку. За несколько дней нам удалось проехать по Ленкоранской низменности, посетить Кызыл-Агачский заповедник, леса Талыша и Зуванда. Анвер Кеюшевич говорил, что это поездка дала ему новый материал к пониманию “комплекса гирканской фауны”.

В 1970-х гг. самая крупная популяция джейрана в Советском Союзе обитала в Ширванском государственном заповеднике. В феврале 1978 г. Анвер Кеюшевич решил ознакомиться с ее состоянием, но он мог уделить этому лишь один день, и весь тот день мы вели наблюдения за джейранами. Даже когда нас пригласили на обед, Анвер Кеюшевич отказался и был в поле до восьми вечера, довольствуясь сухим пайком. В Баку вернулись далеко затемно.

Анвер Кеюшевич старался познакомить меня и с природой Каракумов. Был я тогда молод. Как то спросил у профессора, почему же мне не удалось увидеть в пустыне хотя бы одного ворона. Выяснилось, что я «смотрел не туда, куда нужно», я пытался обнаружить пустынных воронов только на земле, и в этом была моя ошибка. Учитель объяснил, что высокая температура на поверхности песка слишком высока и животные, в том числе и птицы, предпочитают находиться на кустах саксаулов и других пустынных кустарников.

Вспоминаю сентябрьские дни 1978 г., когда в Ашхабаде проходила XIV Генеральная Ассамблея Международного Союза Охраны природы (IUCN). На А.К. Рустамова были возложены обязанности Генерального секретаря, и он старался уделять внимание всем участникам Ассамблеи. Не забыл он и о делегации Азербайджана во главе с академиком Гасаном Алиевым, с которой он в один из дней провел специальную встречу. Тогда же А.К. Рустамов включил меня в список особых представителей – участников Ассамблеи, которых он сам сопровождал в поездке по Средней Азии. Он хотел познакомить меня с ландшафтами пустыни. Не каждый раз выпадает такой шанс – быть гостем самого академика А.К. Рустамова и проехать с ним по маршруту: Ашхабад – Дашогуз – Бухара – Самарканд – Ташкент. Должен заметить, что он всегда старался включить меня в состав участников каких-либо поездок и экскурсий. Он считал, что для зоолога очень важно воочию узнать биоразнообразие разных регионов.

Анвер Кеюшевич и вся его семья всегда были желанными гостями в моем доме, а двери Рустамовых всегда были открыты для меня. Моя дружба с именитым ученым способствовала появлению для меня новых дружеских связей. Трудно перечислить всех, лишь один пример: «дружеский треугольник Г.Т. Мустафаев (г. Баку) – О.С. Сопьев (г. Ашхабад) – Н.Н. Дроздов (г. Москва)» существует и поныне.

Вот таким образом в совместной работе и прошли полвека нашей дружбы. К сожалению, в последние годы мы оба болели и не могли приезжать друг к другу в гости в страны, ставшие независимыми. Хорошо, что Эльдар приезжал в Баку и поддерживал связь между нами. Пусть покоится с миром душа моего учителя, а Эльдару я хочу пожелать также достойно продолжать дело своего Великого родителя.

УЧЕНЫЙ – УЧИТЕЛЬ – НАСТАВНИК

М.Б. Аманова

Доктор биологических наук, профессор, зав.кафедрой зоологии
Туркменского государственного университета,
член-корреспондент АНТ (г. Ашхабад)

Окончив в 1955 г. среднюю школу, я оказалась перед важным жизненным выбором – профессии, от которой зависела вся моя дальнейшая судьба. Вернее, выбор, как мне казалось, был уже сделан, однако мне необходимо было покинуть Ашхабад, мой родной город, чтобы поступать в один из московских вузов. Против этого категорически были настроены мои родители, не решаясь отпускать меня одну так далеко из отчего дома. Таким образом, я оказалась перед дилеммой: «Кем быть? Какую профессию выбрать?» Мне было «все равно».

И в это время в летнем парке при Доме офицеров была организована встреча выпускников средних школ с преподавателями различных вузов нашего города, которые проводили проф-ориентационную работу среди учащейся молодежи. Одним из выступающих был Анвер Кеюшевич Рустамов, который приглашал выпускников школ поступать в сельскохозяйственный институт. Я не знала тогда ни имени, ни фамилии выступающего, однако его выступление произвело на меня большое впечатление, ибо оно было самым ярким и убедительным. И тогда я решила, что буду поступать именно в сельскохозяйственный институт, в котором работают преподавателями такие интересные и умные люди. Поэтому вместе с двумя одноклассницами мы подали документы в сельскохозяйственный институт на отделение механизации сельского хозяйства, хотя в механике я ничего не понимала и в школе не могла выполнить ни одного задания по черчению. Я же говорила, что мне было все равно. Но один из моих родственников переубедил меня, и буквально за день до начала вступительных экзаменов я забрала документы из сельскохозяйственного и подала их в Туркменский государственный университет. Так я оказалась на биологическом факультете.

Незаметно прошли первые два студенческих года и вот в начале третьего курса на лекции по спецкурсу «Фауна Туркменистана» появился новый преподаватель. Было невероятным, но им оказался тот самый А.К. Рустамов, который, как выяснилось, был профессором университета

по совместительству. Так судьба меня во второй раз свела с Анвером Кеюшевичем. Он отличался от других, тоже талантливых и одаренных преподавателей университета тем, что читал лекции громким и хорошо поставленным голосом, речь его звучала убедительно и вдохновенно. Видна была его глубокая эрудиция и прекрасное знание предмета. Это вызывало особый интерес и притягивало внимание студентов. Я решила, чтобы то ни стало специализироваться у А.К. Рустамова и попросила у него разрешения работать над темой ...по ядовитым змеям, определив для себя, уж коль скоро я попала на биологический и если не получилось стать тем, кем мечтала в школе, то буду зоологом, причем заниматься самым трудным и опасным делом. Но, профессор, молча и с интересом выслушав мою просьбу, категорически отказал. И отправил меня для прохождения летней зоологической практики в Репетекский заповедник для изучения водного режима пустынных птиц. Это и определило мою дальнейшую творческую судьбу в науке. Участие Анвера Кеюшевича в моей научно-исследовательской работе и наш творческий союз продолжались десятилетия.

Академик А.К. Рустамов был, конечно же, выдающейся личностью. Вызывает удивление и восхищение многосторонность и разноплановость его научного наследия, что вполне соответствует широчайшему спектру его разносторонних интересов. Важное влияние на формирование А.К. Рустамова как ученого оказали широко образованные и всемирно известные ученые – его учителя: М.К. Лаптев и, особенно, Г.П. Дементьев, с которым у него сложилась многолетняя совместная работа и дружба. Немаловажное влияние на становление ученого А.К. Рустамова оказали и такие корифеи Московского государственного университета, как С.И. Огнев, В.Г. Гептнер, А.Н. Формозов, Н.А. Гладков и другие.

Для А.К.Рустамова была характерна масштабность и глубина творческого мышления. Он занимался не только вопросами орнитологии. В круг его научных интересов входили герпетология, история зоологии Средней Азии, зоогеография, экология, различные аспекты охраны окружающей природной среды, проблемы охраны редких видов животных и вопросы сохранения биоразнообразия, особенно в условиях антропогенно трансформированной пустыни; орнитогеографическое и герпетологическое районирование Средней Азии. Широко известно его участие в таких капитальных сводках, как: «Птицы Советского Союза», «Птицы Туркменистана», первая «Красная книга Туркменистана», «Птицы СССР», «Жизнь животных» и другие.

Анвер Кеюшевич считал, что Туркменистан является ключевым регионом для сохранения редких и исчезающих видов животных. Вопросы сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов, изучение природных экосистем и их трансформация под влиянием антропогенных факторов остаются актуальными и в наши дни. В этом отношении труды А.К. Рустамова по праву считаются основополагающими.

Среди них особое место занимают десятки фундаментальных работ по проблемам изучения птиц антропогенных ландшафтов. Особенно им изучена проблема формирования и развития авифауны антропогенного ландшафта в аридных регионах.

Многочисленные экспедиции по сбору фактического материала, осуществленные А.К. Рустамовым на протяжении многих десятилетий, позволяли систематически публиковать его различные профессиональные заметки по отдельным видам и группам птиц. В целом же он оставил сотни научных трудов, которые продвинули далеко вперед развитие зоологии в Туркменистане.

Писал ученый и о проблемах совершенствования экологического образования студенческой молодежи. Он является соавтором многократно издававшегося учебника «Охрана природы» для студентов сельскохозяйственных вузов.

Но, еще в ранние годы своей творческой активности А.К.Рустамов занимался изучением авифауны Каракумов в самых различных ее частях. Объектом изучения были особенности биологических циклов птиц: плодовитости, репродуктивности, ее повторности и других процессов. Фактически им был сделан эколого-зоогеографический анализ авифауны Каракумов. Ученый доказал зоогеографические связи орнитофауны Туркменистана с орнитофауной Монгольского и Африканского типов, а также наличие параллелизма и конвергенции у разных видов птиц. Он описал два типа адаптации птиц к безводным условиям существования.

На основе большого фактического материала, собранного кропотливым трудом ученого в нелегких экспедициях, А.К. Рустамовым была выполнена и защищена в 1950 году докторская диссертация, на основе которой издана монография «Птицы пустыни Каракумы» (1954). Эта книга до сих пор является настольной для орнитологов. И если бы А.К. Рустамов больше ничего не сделал для науки, одни только «Птицы пустыни Каракумы», войдя в золотой фонд орнитологической литературы, прославили бы его как ученого.

Мне довелось побывать на многих Всесоюзных орнитологических конференциях. Особенно запомнилась 3-я, состоявшаяся во Львове в 1962 г. На ней разгорелись жаркие дебаты по поводу трактовки понятия «жизненная форма животных». Взгляды разделились: с одной точки зрения – теория А.Н. Формозова о жизненных формах, которую отстаивал А.П. Кузякин, с другой – трактовка Г.П. Деметьева и А.К. Рустамова, отстаивающих позицию жизненной формы «пустынная птица», к аридным условиям их существования. Второй точки зрения придерживался и С.М.Успенский, который ввел понятие жизненной формы «арктическая птица», но на основе изучения экологии птиц Арктики и Субарктики. На пленарном заседании А.К. Рустамов объективно и убедительно отстаивал свою позицию. Надо было видеть и слышать, с какой убежденностью и аргументированностью он ее доказывал. Это произвело впечатление на всех, но особенно на молодых ученых. После этого выступления многие начинающие орнитологи в кулуарах окружили Анвера Кеюшевича, задавая ему вопросы и обращаясь с просьбой обучаться у него в аспирантуре. Я была очень горда, что у меня такой учитель.

Широка и многогранна международная научная деятельность А.К. Рустамова. Осветить ее всю здесь просто не представляется осуществимым. А его общественная деятельность, казалось, выходила за все рамки возможностей одного человека. Достаточно отметить его вклад в создание научной базы по охране природы, в руководство и организацию различных конференций и симпозиумов. Важна его роль в качестве Генерального секретаря XIV Генеральной ассамблеи Международного союза охраны природы и природных ресурсов (МСОП) в 1978 г., проведенной в Ашхабаде, а также - в межправительственных конференциях ЮНЕСКО по охране природы.

Трудно перечислить ответственные и руководящие посты, которые занимал этот неутомимый труженик, являясь членом ряда проблемных советов АН СССР и АН ТССР, членом нескольких ученых Советов, организатором и участником республиканских, всесоюзных и международных научных форумов. Он состоял также членом множества редколлегий.

А.К. Рустамов внес огромный вклад в развитие отечественной зоологии. Невозможно в целом оценить тот вклад, который внес в науку Анвер Кеюшевич. И несомненным является то огромное и определяющее влияние, которое он оказал на своих учеников и сподвижников. Благодаря

творческой преемственности ученых оказались изученными не только птицы, но также и земноводные, рептилии и другие группы животных Туркменистана. В принципе в знаниях об этих группах животных в Туркменистане не осталось «белых пятен». Были выяснены и механизмы (экологические, морфологические, физиологические) адаптации птиц к безводным условиям существования в пустыне.

За годы, пока во главе зоологической науки в Туркменистане стоял А.К. Рустамов, выросла плеяда новых ученых. Им была создана школа грамотных в широком смысле этого слова, подготовленных специалистов в области зоологии, способных передавать свои знания и руководить начинающими учеными. В этом, я считаю главная заслуга корифея и организатора науки А.К. Рустамова.

А.К. Рустамов был выдающейся личностью. Его желание и способность отдаваться работе не знали границ. Будучи ректором Туркменского сельскохозяйственного института в течение почти 30 лет, он продолжал активную научную деятельность, не прекращая ее ни на один день.

Если говорить о духовной сущности этого человека, то следует отметить его доброжелательность, мудрость и отзывчивость. Он был человеком, который постоянно приходил на помощь. Всегда оптимистически настроенный, давал ценные советы, и люди уходили от него с настроением на активную, творческую деятельность, зная что им надо делать и как поступить в той или иной ситуации. Вместе с тем, когда требовало дело, несмотря на свою душевную доброту, он мог быть очень принципиальным, требовательным и строгим. Это особенно наблюдалось при его работе в должности ректора института.

А.К. Рустамову удалось поднять работу института на принципиально новый уровень, построить современные учебные корпуса, создать новые лаборатории и кафедры. Да что там кафедры, в Дашогузе был создан филиал института, который по замыслу А.К. Рустамова должен был со временем превратиться в самостоятельный вуз. Все это было возможным, благодаря его целеустремленности, мудрости, гибкости и дипломатичности.

Это был человек с большим достоинством, с очень сильным и твердым характером, однако, я повторюсь, он был неизменно доброжелательным и справедливым к людям. Несмотря, что небо над ним не всегда было безоблачным, а наука часто зависела от политики, когда, например, в «хрущевские времена» волюнтаризма, наука нередко высмеивалась заказными журналистами. А.К. Рустамов настойчиво и упорно продолжал

научные изыскания, умело преодолевая, хотя это было нелегко, препятствия, чинимые завистниками. А если оценить роль, которую сыграл Анвер Кеюшевич в развитии науки и образования одновременно, по количеству орденов и медалей, то равных ему не было.

Жизнь его была интересной и многогранной. Он считал себя счастливым человеком и говорил, что ... «жизнь прожита не зря». Главной опорой в его семье, обеспечивающей надежные тылы, была неизменная спутница жизни – его супруга Елизавета Александровна – женщина красивая, умная, очень приветливая и прекрасная хозяйка, которая всегда проявляла радушное гостеприимство. Кто только не побывал в гостеприимном доме Рустамовых. Это была научная элита союзного и мирового значения.

Анвер Кеюшевич всегда был душой любой компании, кстати, на него обычно возлагались обязанности тамады. Орнитологи моего поколения помнят, как прекрасно он справлялся с этой ролью на банкетах и вечерах по окончании конференций или конгрессов любого уровня и масштаба. Для нас был не только ученым, но и тамадой всесоюзного значения.

Анвер Кеюшевич и Елизавета Александровна вместе прожили более 60 лет, воспитали двух сыновей и дочь. Отрадно, что младший сын Эльдар продолжает дело своего отца. Он признанный орнитолог, доктор биологических наук, профессор, талантливый эколог – полевик, исколесивший весь Туркменистан. Эльдар Анверович – достойный сын достойного отца. Эльдар, особенно в последние годы жизни Анвера Кеюшевича, проявлял громадную заботу о нем в поисках всех средств, чтобы максимально смягчить старость и продлить его жизнь. И это ему, насколько было возможно, удалось.

Говорят для того, чтобы по настоящему, объективно оценить человека и его личностные качества, необходимо быть интеллектуально и духовно вровень с ним или даже выше его. Не знаю, насколько мне это удалось, но то, что мною изложено – лишь небольшой фрагмент того, что я хотела бы рассказать о моем наставнике А.К. Рустамове.

Многие люди очень часто любят отмечать, что страсть к тому или иному делу или науке возникла у них в ранней юности. Однако я не отношусь к таковым. Но я очень благодарна своему учителю, научившему меня азам науки и заинтересовавшему одной из увлекательнейших из них – биологией. Примером для меня был и остается мой учитель – Анвер Кеюшевич Рустамов. И слова благодарности и дань уважения великому ученому всегда будут жить в моем сердце.

ДЛЯ МЕНЯ А.К. РУСТАМОВ – КОРИФЕЙ ЗООЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В ТУРКМЕНИСТАНЕ

Ч.А. Атаев

Доктор биологических наук, экс-ведущий научный сотрудник
Института зоологии АН Туркменистана (г. Ашхабад)

Воспоминания... Почему-то мне никогда не приходила мысль о том, что когда-нибудь придется писать и делиться впечатлениями о своем любимом добром учителе и наставнике, мудром воспитателе и прославленном ученом Анвере Кеюшевиче Рустамове? Его энергичность и природные способности, опыт педагога, научного, общественного и государственного деятеля удивляли многих и служили примером для подражания.

Первое мое знакомство с молодым и энергичным профессором А.К. Рустамовым произошло весной 1957 г. на третьем курсе биолого-географического факультета Туркменского госуниверситета. Учебные корпуса нашего университета тогда располагались в районе ботанического сада, недалеко от сельскохозяйственного института. Анвер Кеюшевич вел занятия по двум дисциплинам: «Экология животных» и «Фауна Туркменистана». Лекции были интересные, оживленные и насыщенные фактами. Студенты слушали и записывали их с большим вниманием, Анвер Кеюшевич был прекрасным оратором и украшал лекции материалами, добытыми им самим и другими исследователями во время длительных и тяжелых, порою даже опасных для жизни, дальних экспедиций в незнакомые и знойные безводные края Закаспийского региона.

Хорошо помню нашу подгруппу зоологов, состоявшую из 13 студентов (4 ребят и 9 девушек) и аудитории, расположенные рядом с «Дарвинским музеем» университета, где Анвер Кеюшевич читал «Экологию животных». Он с привычной для него уверенностью и необыкновенным чувством достоинства излагал термины, принципы и методы экологии как науки, определял и характеризовал зоологические и экологические категории (виды, подвиды, популяции, биотопы, экосистемы, жизненные формы), внося, как правило, свои поправки и дополнения.

Вот так мы начали познавать природу нашей Родины и ее животный мир, ощущая его бесконечную сложность и многоликость, неведомые еще тогда для нас таинства науки. Все это окрыляло нас, придавало энергию, а также подготавливало каждого в отдельности к будущим суровым испытаниям ради науки. Помнится, однажды на лекцию А.К. Рустамов пришел

не один. Он почтенно представил нам своего гостя. Им оказался профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, крупный ученый-орнитолог Георгий Петрович Дементьев. До этого мы знали ученого только заочно по его книге «Птицы Туркменистана» (1952).

На экзаменах Анвер Кеюшевич был терпелив, немногословен и довольно снисходителен. Мы его побаивались, хотя и знали, что встретимся с объективным и спокойным судьей. Было особенно неловко идти к нему на экзамен, не подготовившись толком к сдаче предмета, так как он очень не любил лентяев и обманщиков. Среди нас ходили слова нашего учителя, сказанные им как-то в адрес одного из студентов - Ага Сылапова (1-й выпуск биологов, 1957 г.) при сдаче экзамена. Он «плавал» и начал фантазировать, Анвер Кеюшевич остановил его и произнес туркменскую поговорку: «Ага, энем гитди ябана, этмесене» (в смысле - “от такого твоего ответа, Ага, старушке захочется по нужде...”). Учитель, пожурив его, поставил «неуд». Однако провалы на экзаменах были редким случаем, все мы очень старались и хорошо готовились, чтобы держать экзамен перед профессором.

В то время в Туркменском государственном университете работали крупные ученые в области естественных наук. Так, биохимию читал Ф.Ф. Сопрунов, органическую химию – А.Н. Ниязов, физиологию – В.А. Юсин, энтомологию – Т.А. Лащак, дарвинизм – И.К. Рустамов (кстати, младший брат А.К. Рустамова). Хорошую память о себе оставили философ К.М. Муллиев и историк Л.Н. Кустов.

Как то на одном из лабораторно-практических занятий по энтомологии, как рассказывали сами студенты, тот же А. Сылапов задал вопрос: «Что такое самец и что такой самка?». На это Татьяна Александровна Лащак, недолго думая, сказала: «Вот, Сылапов, Вы – самец, а я – самка!». Появление таких смешных вопросов вполне понятно, так как мы были выпускниками школ с туркменским языком обучения, а изучение лекционных материалов и терминов велось на русском. На начальном этапе занятий это представляло определенные трудности.

По окончании 4-го курса (июнь, 1958 г.) было распределение тем дипломных работ. Многие рвались работать под руководством А.К. Рустамова. Мне повезло, я попал к нему, однако на мою долю выпало исследование земноводных, но это мне не понравилось. По меркам того времени, нигде не писанным, но укоренившимся менталитетом азиатского уклада жизни, «лягушачья» тема была для меня не пристойной и не интересной, хотелось заняться мне более привлекательными объектами живой природы. Однако моя просьба перед научным руководителем о смене темы и объекта

исследования не увенчались успехом. Время показало правоту учителя, уже тогда Анвер Кеюшевич смотрел далеко вперед в отношении подготовки национальных кадров по проблемам изучения отдельных групп животных. Благодаря этому я стал первым национальным специалистом и ученым-батрахологом. И в этом я убеждался каждый раз спустя десятилетия.

Прозорливость и динамичный ум А.К. Рустамова сочетались, если так можно выразиться, с рослой фигурой, руками, ногами, зрением и слухом, необходимыми для натуралистических исследований. Помнится такой случай. Мы с супругой (А. Аннакулиева – батрахолог – аспирант А.К. Рустамова, *прим. ред.*) после удачной, как потом выяснилось, поездки в Юго-Восточный Туркменистан в 1972 г. встретились со своим научным руководителем в зоологическом музее сельскохозяйственного института, там же были доценты М.К. Караев и О.С. Сопыев. Мы выложили в лабораторный кювет несколько экземпляров черно-пятнистой лягушки, нового тогда для нашей фауны вида, и столько же экземпляров местного вида – озерной лягушки для сравнения. Мухаммед Караевич сказал: «Чары, ведь это одни и те же виды!». Однако Анвер Кеюшевич, не проронив ни слова, зорко осмотрел экземпляры и уловил истину. Он согласился с нами, поздравил с удачной фаунистической находкой и попросил оставить экземпляры в коллекции зоомузея сельскохозяйственного института.

Занятость Анвера Кеюшевича на ответственных административных постах, многочисленные общественные нагрузки, собрания и встречи отнимали у него много времени. К нему приходили разные люди, начиная от колхозников и кончая генералами, но нам – своим ученикам он никогда не отказывал и уделял время.

XX век – эпоха становления, развития и процветания зоологической науки в Туркменистане. Это достигнуто усилиями многих ученых. Однако один из самых ярких и одаренных представителей этого периода по своим заслугам, безграничной преданности науке и служению Родине был Анвер Кеюшевич Рустамов. Мое поколение вошло в науку в конце 50-х гг. прошлого столетия. Нам, вышедшим из глубинки, знакомы были деревенские трудности, голод и испытания, хоть и в тылу, военным временем. Было тяжело, но мы тянулись к знаниям, группировались вокруг сильных личностей и, благодаря им, стали верными служителями науки...

Годы брали свое, и летом 1988 г. Анвер Кеюшевич подал просьбу об освобождении его с ректорской от должности. Но, чтобы он покинул кафедру, институт, или науку?! Тогда это не был бы А.К. Рустамов. Он не только полностью переключился на чтение курса охраны природы (будучи

ректором, он читал лишь теоретическую часть) среди студентов своего родного вуза, но и еще организовал лабораторию в Институте зоологии АН Туркменистана, где совместно с коллегами из соседних стран приступил к разработке фундаментальной пятитомной сводки «Птицы Средней Азии».

Казалось бы, временем и административными делами он уже не был обременен, и его окружала домашняя обстановка, уют, а душа пребывала в счастливом «смятении». В этой связи весьма уместно напомнить саркастическое выражение известного туркменского ученого-философа Г.О. Чарыева в адрес некоторых действительных членов нашей Академии наук, которых он называл «Академиками без архива». Но это не относилось к Анверу Кеюшевичу, он – личность иного склада, он не позволял себе расслабления. Кроме сказанного, он приступил к написанию столь необходимой и давно недостающей книги «Животный мир Туркменистана», публикация которой, к сожалению, не осуществилась в связи с известными событиями 1991 г., когда порушились все экономические связи*.

Анвер Кеюшевич был не только хорошим советником и мудрым ученым, но и прекрасным собеседником, особенно в самых различных вопросах и не только науки. Не любил конфликтов, советовал и другим не создавать их, а при необходимости острые углы преодолевал разумно и гладко; от своих позиций не отказывался, их отстаивал при любых обстоятельствах. Мне неоднократно, особенно в последние годы его жизни, приходилось обмениваться с ним мнениями по различным вопросам экологии и современного состояния животного мира Средней Азии (неоднородность и даже противоположность характеристик пустынных и горных группировок пресмыкающихся, вопросы гибридизации, биологические группы, летняя спячка, зимняя активность, природные популяции, их характеристики и типы изоляции, осеннее спаривание и сохранение половых продуктов в организме самок и др.). Он, как всегда, внимательно слушал и не прерывал, интересовался, под каким углом ставится вопрос и какими путями он решается. Каждый раз от таких встреч и научных обсуждений я получал глубокое удовлетворение и вдохновение, и лишний раз убеждался в том, как мой учитель быстро вникал в сущность природных явлений и вел меня к их логическому раскрытию. В результате появился ряд наших совместных работ, например, о величине популяции кавказской агамы и ее динамике в предгорьях Копетдага, или репродуктивных особенностях пресмыкающихся Центральной Азии, задумали мы и сделали с ним и более важную работу...

На разных этапах жизни и деятельности у А.К. Рустамова были тяжелые моменты и периоды, которые преподносила ему судьба: ранение на фронте,

вскоре после окончания войны печально знаменитая августовская сессия ВАСХНИЛ (1948 г.), приведшая к гонению биологической науки в СССР, и ашхабадское землетрясение, которое чуть было не унесло жизнь старшего сына. Тяжело переживал Анвер Кеюшевич реформацию, а фактически – закрытие Академии наук Туркменистана (1997 г.), действительным членом которой он по праву являлся, сокращение объемов работы научно-исследовательских институтов, в том числе и биологического профиля, и свертывание научных изданий (жаль, что он не дожил до времени, когда начался период Нового Возрождения нашей Академии наук). Трудности он преодолевал мужественно, видимо вспоминал, но говорить о них не любил.

Да, Анвер Кеюшевич был обласкан и прославлен, особенно среди учеников. В этой связи приятно вспомнить, как часто, провожая Анвера Кеюшевича после работы вместе со своим коллегой Сахатом Шаммаковым до Текинского базара, в районе которого жил наш учитель, мы постоянно, были свидетелями, как на улице к нему подходили совершенно разные люди, почтительно здоровались и предлагали довезти до дома на своем транспорте. Но все эти «почести» и любовь людей не могли, по видимому, избавить его и от горьких минут: нести тяжелый груз старости всем нелегко, а человеку деятельному с ясным умом и неукротимым духом – особенно. Вся натура его по долгой жизненной привычке требовала неустанного действия, а физические силы заканчивались, таков закон природы... Что может быть печальней, что время уходит, а сделать еще хочется так много? Но и в эти минуты, я знаю, Анвер Кеюшевич оставался спокойным и никогда не жаловался...

Великие личности не частые подарки природы: видеть их – счастье, а общаться с ними – счастье вдвойне. Это счастье выпало и на мою долю.

НАМ БЫЛО ЧЕМУ У НЕГО НАУЧИТЬСЯ

С.М. Шаммаков

Доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории позвоночных животных Национального института пустынь, растительного и животного мира Туркменистана, профессор (г. Ашхабад)

Мы считаем А.К. Рустамова опытейшем ученым-герпетологом. Он являлся наставником и научным руководителем целой плеяды туркменских ученых, написавших и успешно защитивших весомые диссертации, например,

по темам: «Фауна и экология пресмыкающихся малых хребтов (Западный Туркменистан)» (Шаммаков, 1967); «Пресмыкающиеся Койтендага (Восточный Туркменистан): фауна, экология, охрана» (Хабибуллоев, 1990). Под его научным руководством написали свои диссертации герпетологи Сахат Шаммаков «Пресмыкающиеся пустынь Туркменистана (фауна, экология, охрана)» (1988 г.) и Чары Атаев «Эколого-географические особенности пресмыкающихся гор Туркменистана», (1993 г.), получившие по результатам своих фундаментальных исследований степени докторов биологических наук.

Более 30 крупных научных статей, написанных ученым, были опубликованы в авторитетных научных изданиях на туркменском, русском и английском языках. Некоторые из них созданы в тесном сотрудничестве с нами – его верными последователями, коллегами и учениками. Он стал соавтором научных изданий «Земноводные и пресмыкающиеся СССР» (1971 г.) и «Определитель фауны земноводных и пресмыкающихся СССР» (1977 г.). Профессор осуществил общую редакцию научных монографий С. Шаммакова «Пресмыкающиеся равнин Туркменистана» (1981 г.) и Ч. Атаева «Пресмыкающиеся гор Туркменистана» (1985 г.). А.К. Рустамов являлся и официальным оппонентом кандидатской диссертации Л.Б. Доценко «Палеарктические змеи отряда Eirenis» (Serpentes, Colubridae).

В период 1966-1989 гг. профессор А.К. Рустамов принимал самое деятельное участие в работе Всесоюзных герпетологических конференций, организованных и проведенных в Санкт-Петербурге, Ашхабаде, Ташкенте, Киеве (в общей сложности – 7 раз), а также в Международных научных симпозиумах по герпетологии, состоявшихся в Будапеште (1981 г.) и Ашхабаде (1995 г.).

История моего личного знакомства с Анвером Кеюшевичем началась в 1953 г. после моего поступления на биолого-географический факультет Туркменского государственного университета имени Махтумкули (в ту пору ВУЗ носил имя А.М. Горького). А.К. Рустамов читал нам лекции по предмету «Введение в биологию» на первом курсе, а также «Зоология позвоночных», «Экология животных» и «Фауна позвоночных Туркменистана» - соответственно на втором, третьем и пятом курсах университетского обучения. Затем, в период обучения в аспирантуре, и после (при подготовке докторской диссертации (1960-1988 гг.) профессор Рустамов являлся моим научным руководителем.

В период 1967-1994 гг. нами в соавторстве с Анвером Кеюшевичем было написано 12 научных статей о пресмыкающихся Туркменистана,

которые были опубликованы в нашей стране, а также в Узбекистане, Украине, России, Венгрии и Нидерландах. Вместе мы приняли деятельное участие в работе авторитетных международных научных симпозиумов по вопросам изучения пресмыкающихся, состоявшихся в Ашхабаде, Ташкенте, Киеве, Санк-Петербурге, Москве и Будапеште.

В то время, когда он был сотрудником Института зоологии Академии наук Туркменистана (1992-1997 гг.), мы – Анвер Кеюшевич, Чары Атаев и я - часто встречались во время перерыва в 78-м кабинете, находившемся на втором этаже института, обеденный перерыв нередко переходил в интересные беседы и дискуссии по разным вопросам не только герпетологической, но и других наук. После рабочего дня мы с моим уважаемым наставником также вместе направлялись домой, так как нам было по пути. После того, как он вышел на заслуженный отдых и работал дома, мы, его последователи – Ч. Атаев, К. Атаев, А. Шамырадов - хотя бы раз в месяц навещали его.

Долгие и предельно содержательные 52 года нашего совместного знакомства я, естественно, очень часто встречался и общался с Анвером Кеюшевичем. Каждая из этих встреч могла бы стать темой отдельного, чрезвычайно познавательного и значимого для каждого повествования.

Воспоминания словно приоткрывают завесу времени, заставляют по-новому взглянуть на события прошлого. Это прекрасно, когда человек оставляет после себя столь добрые и теплые воспоминания. А.К. Рустамов был настоящим наставником для молодых. Было много ценного, чему мы могли научиться и перенять у него. Мне хочется рассказать здесь о некоторых наиболее запомнившихся встречах с этим выдающимся человеком.

Анвер Кеюшевич был талантливым педагогом. Ранним утром 1 сентября 1953 г. мы (тогда первокурсники - Б. Бабаев, Х. Бабаев, Г. Бельская, Р. Чарыев, С. Шаммаков и др.) собрались в учебном корпусе университета. Ровно в 9 часов утра в аудиторию вошел высокий и очень представительный, со вкусом одетый педагог. Как сейчас помню, это была наша первая лекция по курсу «Введение в биологию». Уже тогда, в свои неполные 36 лет, он имел степень доктора биологических наук. Это был профессор Анвер Кеюшевич Рустамов.

Обучение студентов на нашем факультете в ту пору велось исключительно на русском языке. Большинство моих сокурсников (13 из 25 студентов) являлись выпускниками туркменоязычных средних школ и, мы, естественно, на первых порах испытывали большие трудности в освоении сложного учебного материала, преподаваемого на русском языке. Наш

педагог прекрасно понимал это обстоятельство, поэтому в ходе лекции часто делал отступления и основные моменты учебного материала пояснял на туркменском языке, одновременно называя туркменские названия представителей флоры и фауны. Сложные биологические термины в устах талантливого педагога превращались в понятные для нас, простых студентов. Нас, молодых студентов, искренне восхищала его манера подачи материала, что очень часто становилось темой наших оживленных обсуждений в перерывах между занятиями.

А.К. Рустамов был пунктуальным человеком. Шел к концу май 1962 г. С Анвером Кеюшевичем мы предварительно договорились о встрече в 9 часов утра, однако, по независящим от меня причинам, я задержался на целых пять минут. Анвер Кеюшевич некоторое время стоял молча, беспристрастно оглядывая меня с ног до головы, затем многозначительно поглядел на свои часы, но от замечаний воздержался. Признаться, в сложившейся ситуации замечания были бы излишними: и без них было предельно ясно, что заставлять ждать другого человека, а уважаемого педагога и наставника тем более, являлось признаком не самого лучшего тона. После данного инцидента я дал себе слово, и это вошло в привычку, всегда являться заблаговременно к месту предстоящей встречи.

Анвер Кеюшевич был чрезвычайно требовательным педагогом. В 1970 г. нам с Чары Атаевым удалось обнаружить великолепный экземпляр тогда еще мало изученной на территории Туркменистана, да и всего Советского Союза, пятнистой круглоголовки, узкого эндемика, распространенного исключительно на юго-западной окраине Каракумов, в 7 км севернее поселка Бамы в урочище Улышор (на территории площадью 7 x 13 км). В 1974 г. в «Зоологическом журнале» была напечатана наша небольшая статья о первом случае обнаружения данной популяции на территории Туркменистана.

Анвер Кеюшевич поддержал нашу инициативу и поручил нам детально изучить все особенности этого вида пресмыкающихся. В рамках научного исследования ценного эндемика туркменской фауны в 1975-1976 гг. удалось побывать на Улышоре 9 раз. Каждый раз по возвращении из научной поездки я представлял подробный отчет своему научному руководителю. В результате был собран весомый материал для написания статьи, посвященной особенностям этой ящерицы.

Однажды (это было как раз перед выходными) Анвер Кеюшевич неожиданно заявил: «В воскресенье мы отправляемся на Улышор, ты тоже собирайся». Я попытался осторожно объяснить уважаемому педагогу, что

лишь недавно вернулся оттуда, к тому же в те места абсолютно невозможно добраться на легковом автомобиле. Анвер Кеюшевич ответил, что, конечно же не сомневается в моем прилежании в науке, не забыв, однако, подчеркнуть, что не успокоится, пока своими глазами не увидит солончаки, облюбованные пятнистыми круглоголовками. Был конец мая 1976 г. Ранним утром, ближе к 9 часам, мы на двух «газиках» выехали из столицы и взяли курс на запад к селению Бамы. Нам предстояло преодолеть 165 км. Из Бамы до Улышора мы добирались на «Газ-69». По прибытии в конечный пункт нашей поездки, мы потратили еще 2 часа на пешую экскурсию по солончаковому такыру, в ходе которой выявили 15 экземпляров этой редкой ящерицы. К вечеру мы вернулись в Ашхабад. Когда «газик» остановился перед воротами моего дома, Анвер Кеюшевич произнес: «Вот теперь мы можем приступить к написанию научной статьи о пятнистой круглоголовке». Я понял, что Анвер Кеюшевич считал недопустимым для себя выступать в роли соавтора научной статьи без своего практического участия в процессе научного исследования.

17 декабря 2004 г. мы вместе с К. Атаевым направились к нашему уважаемому наставнику, чтобы провести его и заодно поздравить с днем рождения. Тогда мы не знали, что этой встрече суждено было стать последней в истории нашего знакомства и дружбы с этим прекрасным человеком.

Рано утром 18 января 2005 г., мне позвонил Какабай Атаев и сообщил скорбное известие о том, что наш любимый профессор ушел из жизни. Мы спешно собрались и направились домой к Рустамовым, где застали рядом с усопшим его внука Рустама и еще одного неизвестного нам юношу. Посоветовавшись, мы вместе с Какабаем отправились в одну из городских средних школ, где работал по совместительству учителем родной брат профессора – Инклаб Кеюшевич...

В тот день мы навеки простились с нашим Анвером Кеюшевичем...
Светлая ему память!

А.К. РУСТАМОВ – ДЕЯТЕЛЬ ПО ОХРАНЕ ПРИРОДЫ ТУРКМЕНИСТАНА

А.Э. Эминов, Дж.С. Сапармурадов
Кандидаты биологических наук (г. Ашхабад)

Анвер Кеюшевич Рустамов, прежде всего, – орнитолог. Широко известны его монографии, статьи, а также доклады на различных конференциях. Они посвящались как теоретическим, так и прикладным,

общим и частным вопросам изучения птиц Туркменистана, Средней Азии, СНГ. Но Анвер Кеюшевич известен не только как орнитолог, но и как герпетолог, зоогеограф, эколог.

С конца 1950-х гг. Анвер Кеюшевич стал заниматься проблемами охраны природы и вошел в эту сферу как вдумчивый и опытный зоолог и эколог в широком смысле слова. Вторую половину своей творческой жизни он, наряду с любимыми орнитологией и герпетологией, целиком посвящает изучению проблем охраны природы, прежде всего, охраны животного мира. Более 50 трудов А.К. Рустамова, в числе которых крупные статьи, обзоры, доклады, посвящены именно данной проблеме. В этой области он трудился очень целеустремленно, понимая важность и глобальную значимость её в оптимизации отношений между обществом и природой в век научно-технического прогресса, в Эпоху Возрождения Туркменистана.

Значительные изменения, вносимые в природные комплексы в связи с хозяйственной деятельностью человека, наряду с антропогенными модификациями естественных ландшафтов всегда были в центре внимания ученого. Этим вопросам посвящен ряд его публикаций, представляющих не только научный, но и практический интерес. Не случайно в 1982 г. за цикл работ по охране природы А.К. Рустамов был удостоен Государственной премии Туркменистана в области науки и техники. Причем, это была первая премия в стране за работу именно в области охраны природы.

Много внимания уделял Анвер Кеюшевич организационным вопросам природоохранных мероприятий. Будучи основателем и первым председателем Туркменского общества охраны природы в 1968-2000 гг., то есть – более 30 лет, а также Комиссии по охране природы АН Туркменистана, он вел очень большую работу по разработке и координации всех направлений по охране природы в стране. Имя академика А.К. Рустамова и слова охрана природы в те годы были не разделимы. Анвер Кеюшевич стал разработчиком первого Закона об охране природы Туркменистана, принятого еще раньше – в 1963 г.

Туркменское общество охраны природы по инициативе А.К. Рустамова выпустило 9 научных сборников, в которых рассматривались актуальные вопросы охраны самобытной природы Туркменистана. Многие из проблем, на которые еще тогда заострял внимание Анвер Кеюшевич, до сих пор остаются актуальными. В опубликованном в 1978 г. 4-ом выпуске «Охрана природы Туркменистана» впервые предпринята попытка охарактеризовать все природные ресурсы страны и провести их комплексный анализ, дать

рекомендации по их рациональному использованию и охране. Созданное А.К. Рустамовым Туркменское общество охраны природы до сих пор является членом Международного Союза охраны природы (IUCN), при планировании и стратегии своей работы среди населения оно исходит из теоретических разработок и идей Анвера Кеюшевича.

Как ученый, А.К. Рустамов не замыкался в кругу чисто научных решений проблем охраны животного мира. Пропаганде научных знаний он придавал весьма большое значение. Его научно-популярные книги и брошюры о заповедниках Туркменистана, животном мире пустынь, животных антропогенных ландшафтов читаются с неослабевающим интересом. Однако и практические рекомендации по охране животных не оставались в стороне.

Особо хочется отметить заслугу ученого в создании первой Красной книги Туркменистана в 1985 г. Анвера Кеюшевича в этом отношении, без преувеличения, можно назвать туркменским Питером Скоттом. А.К. Рустамов проделал огромную работу по комплектации авторского коллектива Красной книги, сбору, анализу и обобщению накопленного к тому времени огромного фактического материала. На титульном листе первой Красной книги Туркменистана вынесены названия Госкомитета по лесному хозяйству Туркменистана – предшественника сегодняшнего министерства охраны природы Туркменистана, а также Туркменского общества охраны природы. Не следует забывать, что активное участие в издании первой Красной книги приняли ученые Академии наук. Все руководство по изданию книги, начиная от сбора и редакции рукописей, переписки с художниками и кончая контролем за типографистами, осуществлял Анвер Кеюшевич. Туркменская Красная книга считалась по тем временам одной из лучших. Очень важно, что она стала первой двуязычной, другие были, как правило, русскоязычными.

Напомним о той большой организационной работе, которую провел Анвер Кеюшевич по проведению единственной в своем роде научной конференции по охране птиц в бывшем СССР. Он организовал её, опять же, в Ашхабаде в далеком теперь 1979 г. и посвятил 90-летию своего учителя профессора Георгия Петровича Дементьева, а сегодня мы отмечаем уже 95-летие самого Анвера Кеюшевича.

Не следует забывать о том большом вкладе, который по праву принадлежит Анверу Кеюшевичу в развитии природоохранных идей в Высшей школе, причем, не только Туркменистана, но и СССР. Достаточно

сказать, что им, совместно с А.Г. Банниковым создан первый учебник по охране природы для сельскохозяйственных вузов, которых в бывшем СССР было в то время более 130-ти, и все студенты этих институтов учились по единому учебнику, который переиздавался 4 раза (в 1977-1998 гг.). Этот учебник, хоть и устарел по приводимым фактам в нем, ведь время неумолимо идет вперед, но до сих пор является классикой и считается одним из лучших учебников по охране природы.

Мы не являемся учениками А.К. Рустамова в полной мере, как другие, первый из нас выполнял лишь дипломную работу под его руководством, а кандидатскую – у Г.П. Дементьева, второй проходил аспирантуру у А.О. Ташлиева. Но мы, как и многие ученые современного Туркменистана, считаем научные труды А.К. Рустамова основополагающими и с благодарностью используем их в своей научной работе и практике.

АНВЕР КЕЮШЕВИЧ РУСТАМОВ – УЧЁНЫЙ НАСТАВНИК

К.А. Атаев

Кандидат биологических наук, зав. лабораторией
позвоночных животных Национального института пустынь,
растительного и животного мира Туркменистана, доцент (г. Ашхабад)

Каждый молодой специалист, окончивший высшее учебное заведение, имеет мечту. Моя мечта стать природоведом-натуралистом определилась в декабре 1969 г., после встречи с известным учёным, академиком, доктором биологических наук, Заслуженным деятелем науки, профессором, ректором Туркменского сельскохозяйственного института им. М.И. Калинина (ныне ТСХУ им. С.А. Ниязова), моим учителем Анвером Кеюшевичем Рустамовым. Быть учеником известного учёного, брать у него уроки научной работы – мечта многих.

Как молодой специалист я был направлен на работу в Репетекскую песчано-пустынную исследовательскую станцию. Эта научная организация и Репетекский заповедник находятся в центре Восточных Каракумов у одноименной железнодорожной станции. На заповедной территории представлены типичные местообитания животных, характерные для песчаной пустыни. По сути, это настоящая пустынная природная лаборатория, здесь работало много различных специалистов. Целью моей работы было изучение птиц заповедника.

Ознакомление с животным миром Репетека и научной литературой

увлекало меня и пополняло знания. При ознакомлении с научной литературой меня в первую очередь заинтересовала монография А.К. Рустамова “Птицы пустыни Каракум”, изданная еще в 1954 г. В ней приводятся материалы по всем видам птиц, обитающих в пустыне, теоретические выкладки и результаты исследований по адаптациям птиц к суровым условиям Каракумов. В монографии представлены результаты караванных научных экспедиций учёного в Каракумах, дан анализ материалов других орнитологов, определены направления, на которые необходимо сосредоточить внимание в будущем. Это научный труд, написанный доступным языком, является азбукой для начинающего орнитолога-пустыноведа. По сути дела, это учебное пособие для молодого учёного. Благодаря этому труду я окончательно утвердился в своём желании стать учёным-орнитологом.

В Репетек приезжали учёные и специалисты разных направлений естествознания. Там я познакомился с доцентом кафедры зоологии Туркменского сельхозинститута орнитологом О.С. Сопыевым, научным руководителем у которого был академик А.К. Рустамов. Я поведал ему о своём желании поступить в аспирантуру и подумал, как было бы хорошо, если моим руководителем стал бы профессор А.К. Рустамов. Однако для молодого специалиста, только приступившего к работе, не имеющего практических навыков, проситься в аспирантуру было преждевременным. Поэтому, я изо дня в день продолжал вести полевые наблюдения, а также изучать литературу, пополняя свои знания о птицах.

Как-то директор Репетекского заповедника Сувхангулы Вейисов пригласил меня к себе для беседы о результатах работы. Он поинтересовался о возможности использования собранных мной полевых материалов в будущей научной работе, говорил о необходимости больше уделять внимания методике и вести полевые наблюдения с учётом тематики научной работы заповедника. Он сказал, что Туркменский сельскохозяйственный институт объявил конкурс на поступление в заочную аспирантуру по специальности «Зоология» и порекомендовал участвовать в нём.

Я подал заявление на участие в конкурсе и после успешной сдачи экзамена стал заочным аспирантом кафедры зоологии ТСХИ. Моим научным руководителем оказался сам А.К. Рустамов. Стать учеником известного учёного, каким слыл Анвер Кеюшевич, было пределом моих желаний, потом так сложилась моя судьба, что я 35 лет проработал рядом с этим удивительным человеком.

Наставления Анвера Кеюшевича помогали мне и в жизни, и в научной деятельности. Вот лишь один из примеров его отношения к ученику. Как-

то я приехал в Ашхабад, чтобы сдать годовой отчёт о научной работе. Поскольку мест в гостиницах города не было, мне хотелось быстро сдать отчёт и уехать. Однако, необходимо было обязательно увидеться с научным руководителем. Я пошёл на приём к А.К. Рустамову, который тогда был еще и ректором института. В приёмной было много народу, дождавшись своей очереди, я вошёл в кабинет. Анвер Кеюшевич встретил меня радушно, расспрашивал о работе, интересовался результатами исследований и спросил, где я остановился. Я несколько замешкался с ответом, но Анвер Кеюшевич сразу всё понял и сказал: “Сейчас устроишься в студенческое общежитие нашего института, а потом переселишься в гостиницу”. Он в один миг решил проблему с жильём, избавив меня от траты времени, которое я мог использовать с пользой для работы.

Я показал моему наставнику свою первую научную статью о гнездовании обыкновенной пустельги в Репетеке. Я был убеждён, что Анвер Кеюшевич, требовательный к себе и ученикам, будет очень скрупулёзно читать мою работу и обязательно обратит внимание на то, есть ли в ней новая информация, каков личный вклад автора в решение рассматриваемого вопроса, как подан материал, и я не ошибся. Внимательно прочитав статью, Анвер Кеюшевич поинтересовался, какими методами я пользовался и насколько достоверны результаты. Я сказал также, что использовал материалы собственных наблюдений и литературные данные. Анвер Кеюшевич рекомендовал оставить только материалы своих наблюдений, заключив, что «...всё остальное надо использовать в нужное время в нужном месте». Совет научного руководителя решил судьбу моей первой статьи, она была опубликована.

Я бесконечно благодарен своему дорогому и незабвенному учителю, замечательному учёному, научившему меня навыкам познания окружающего мира, правильному анализу своих наблюдений и искусству изложения своих позиций в любом месте и по любой теме.

МОЙ АНВЕР КЕЮШЕВИЧ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ УЧИТЕЛЯ

М.Р. Хабибуллов

Старший специалист по охране окружающей среды, кандидат биологических наук, директор компании АМЕК Оверсиз(Сайпрус) Лимитед, Канада

... несколько эпизодов, которые привели меня к пониманию того, кто такой Учитель....

Эпоху назад, в 1982 г., я, молодой выпускник Казанского государственного университета, полный идей и надежд, с воодушевлением приехал в Ашхабад, заочно влюбленный в далёкую Туркмению. Как любой молодой специалист, конечно, ничего не умел, брался за разные направления, но ни во что не углублялся. Как-то к нам в лабораторию, где я начинал свою научную деятельность, и которая находилась на территории Учхоза (Отраслевая лаборатория по охране и использованию животного мира при кафедре охраны природы и Учебно-опытное хозяйство ТСХИ – прим. ред.), приехал Анвер Кеюшевич Рустамов. Это была моя первая с ним встреча. Помню, он мне сказал: «Ты как-то “подвис”. Предлагаю тебе перейти в Гяурский джейранний питомник (питомник Туркменского общества охраны природы - прим. ред.) и заняться интересным делом». Для меня это было неожиданно, а по джейранам-то я и подавно ничего не умел. Сказал, что подумаю. Подумал и решил отказаться. При следующей встрече так ему и сказал, на что он кратко и спокойно ответил: «Нет - так нет». Это меня обескуражило, так как я ожидал более бурной реакции, навело на новые размышления и я, в конце концов, согласился.

Началась трудная и действительно интересная работа – отловы джейранов, перевозки, передержки. Я быстро не только чему-то конкретному научился, включая элементы ветеринарии, но и сам много нового принес. Попутно и по своей инициативе собрал все имеющиеся материалы по флоре и фауне территории питомника и сделал Летопись природы. Принес её Анверу Кеюшевичу – просто показать, чтобы знал, что таковая имеется. И вот в эту-то встречу реакция была бурная! Он с восторгом листал книгу: «Молодец! Вот видишь живым делом занялся!».

Прошло еще некоторое время, я по-прежнему увлекался новизной. После одной герпетологической экспедиции, работавшей на территории Туркмении, неудержимо захотел изучать рептилий, к которым с детства питал непонятную страсть. Мне посоветовали мало исследованный Кугитанг. Подвернулось и место в аспирантуре, и я, естественно, попросил Анвер Кеюшевича быть научным руководителем. Он согласился, но предостерег: «Ты – человек увлекающийся, а этим делом надо долго и глубоко заниматься». Не особенно умудрившись этим напутствием, я с упоением начал распахивать невоздланную ниву фауны рептилий Кугитанга – этого удивительнейшего района Туркмении. За несколько лет – буквально и в переносном смысле – через камни, кручи, тернии - собрал огромный материал, сделал несколько небольших открытий и написал диссертацию,

которая, по словам рецензентов на защите, высоко поднялась над обычным кандидатским уровнем. Только одного я не понимал – почему мой научный руководитель мною «не руководит». Как-то принес ему материалы для обсуждения своего основного направления исследований – эволюционной экологии герпетокомплексов. А он и смотреть не стал: «Ты лучше всех во всём этом разбираешься. Я тебе доверяю, и доверял всегда, просто ты этого не замечал». Тогда я не понял – что такое – Учитель ! Понял только через много лет, что учитель не ведёт тебя за руку и не вдалбливает знания. Учитель, интуитивно чувствуя, а интуиция у Анвера Кеюшевича была невообразимая, где твоя дорога, не указывает на неё, но легко и доброжелательно позволяет самому найти свой путь. Он просто помогает открыться знанию и силе, которые в тебе уже заложены...

Учитель и Ученик – два путника, сидящие у костра. Одному костер освещает пройденный путь и помогает увидеть, что камни, кручи и тернии были всего лишь ступенями и путеводными знаками на пути к вершине, которой он достиг, ибо иначе он бы не был Учителем.

А другому свет костра открывает множество путей, которые только он сам может выбрать и пройти, потому что нет единственной и уже пройденной дороги к вершине.

У меня было много учителей, с которыми мы сидели у зажжённого ими костра. И каждый был Учитель, потому что умел тронуть в тебе струну, что вливается своим тоном в гармонию света многих костров, освещающих твой путь. И лишь пройдя его до половины, ты видишь их – своих учителей, как они узнают своих учеников, радуются за них, когда те достигают вершин. Именно такую радость я видел в глазах своего Учителя – Анвера Кеюшевича после завершения диссертации по Кугитангу.

Я тоже надеюсь когда-нибудь увидеть своих учеников, идущих к вершине и зажигающих на своём пути костры...

ВСТРЕЧА, ДАВШАЯ ПУТЕВКУ В НАУКУ

А.В. Горбунов

Доктор биологических наук, профессор, зав. кафедрой экологии
Саратовского государственного аграрного университета (г. Саратов)

Странная вещь – воспоминания, в них удивительным образом перемешиваются радость общения и горечь утраты хорошо знакомых

людей... Именно такие чувства я испытываю, вспоминая часть своей жизни, связанной с Туркменистаном и с моим учителем Анвером Кеюшевичем Рустамовым.

Об Анвере Кеюшевиче как ученом я впервые узнал в студенческие годы, обучаясь на биолого-географическом факультете Туркменского государственного университета, где еще в 1950-е годы преподавал Анвер Кеюшевич. Занимаясь изучением диких животных и зоологической литературой по Туркменистану, меня заинтересовали фаунистические работы А.К. Рустамова, в которых прослеживался исторический подход, а точное и понятное изложение исходило из анализа собственного полевого материала. В работах обращало на себя внимание большое количество фактических данных, которые тщательно подбирались, глубоко анализировались и обобщались в серьезные выводы и заключения. Именно под влиянием научных работ академика А.К. Рустамова, с которым я еще не был знаком лично, определился мой интерес к эколого-фаунистическим исследованиям в области териологии.

Первая же моя встреча с Анвером Кеюшевичем произошла летом 1980 г. Я отслужил срочную службу и вернулся к работе в Красноводском отделении Туркменской противочумной станции, мечтая изучать, не только грызунов, но и крупных млекопитающих. Огромное желание вело меня к поиску научного руководителя, к человеку, искренне любящему туркменскую природу, много знающему и способному направить мои работы в нужное творческое русло. Решение пришло само и сразу. Кто, как не Анвер Кеюшевич – лучший знаток всех наземных позвоночных Туркменистана, может стать моим руководителем. Приехав из Красноводска (ныне Туркменбаши) специально в Ашхабад, я пошел на встречу с ректором Туркменского сельскохозяйственного института А.К. Рустамовым. Помню минуты ожидания в его приемной. Казалось, время тянется очень медленно. В голове проносились разные мысли: «Как Анвер Кеюшевич воспримет мой приход?», «С чего начать, как точно и кратко изложить свою мечту заниматься изучением диких кошачьих?» и многое другое...

Анвер Кеюшевич принял меня с большой доброжелательностью и, как мне показалось, даже с любопытством. Забегая вперед, отмечу, что в процессе моего многолетнего знакомства с этим удивительным человеком, я убеждался много раз, что он с особым вниманием относится к молодежи, стремящейся к знаниям, и всегда привлекает таких людей к проводимой им научной работе.

Анвер Кеюшевич сидел за большим столом в глубине просторного и светлого ректорского кабинета. Я обратил внимание на высокие шкафы, стоящие вдоль стены слева от входа. Шкафы доверху были наполнены деловыми бумагами, рукописями и большим количеством литературы. Я тогда подумал, что это научная библиотека академика, и, как потом выяснилось, это была лишь небольшая ее часть, основная же библиотека хранилась дома и на кафедре охраны природы, которую создал Анвер Кеюшевич и которой руководил. В кабинете стояло два стола. За одним, как я уже сказал, работал Анвер Кеюшевич, а другой длинный массивный был усеян документами, стопками различных сборников, биологических журналов, книг и редакционной корректурой. Окна кабинета мне показались большими, из них открывался живописный вид на Ботанический сад Академии наук Туркменистана. В окна доносилось щебетание воробьев, «цыканье» синиц и воркование горлиц. На задней стене кабинета висели коврики туркменской ручной работы. На одном был выткан портрет классика туркменской поэзии XVIII века – Махтумкули. Простота обстановки и множество раскрытых документов и книг, свидетельствовали о рабочей, научной и творческой атмосфере.

Анвер Кеюшевич сидел, откинувшись в кресле, полу боком ко мне. Позже я узнал, что несколько лет назад он перенес сложную травму ноги и операцию. И ему, видимо, было удобно сидеть именно в таком положении, слегка выставляя поврежденную ногу вперед. Пригласив меня присесть к столу, Анвер Кеюшевич попросил объяснить цель визита. Он слушал сосредоточенно и внимательно, постоянно вглядывался в мое лицо. Время от времени одобрительно кивал головой и произносил – «так», «хорошо». Очень оживился, когда узнал, что моим дипломным руководителем была Елизавета Ивановна Щербина и, что, работая зоологом в Красноводском ПЧО, я успел опубликовать две научные заметки. Кстати, Е.И. Щербина, в свое время, сама выполняла кандидатскую диссертацию под руководством А.К. Рустамова. Она работала в Бадхызе и обобщила значительный материал по лисице.

Научно-общественный авторитет и положение Анвера Кеюшевича в первые минуты общения меня смущали. Сильное впечатление производили его большой лоб в сочетании с умными глазами. Мое повествование Анвер Кеюшевич слушал заинтересованно и терпеливо, а затем, как-то незаметно, взял ведение беседы на себя. Он с большим воодушевлением рассказал о своей экспедиции в трудные послевоенные годы с караваном верблюдов

в Северо-Западный Туркменистан. Подчеркнул малую изученность этого района. Затем затронул свои научные связи с зоологами-противочумниками, в частности, с С.Н. Варшавским. В увлекательной форме объяснил, почему необходимо изучать редкие и исчезающие виды. Именно тогда я впервые услышал его замысел создания Красной книги Туркменистана. Теперь думаю, что тогда я узнал о предстоящей большой работе одним из первых.

У меня было чувство, что Анвер Кеюшевич не просто беседует со мной и рассказывает о природе. Он оценивал мои знания и способности, навыки полевой работы. Видимо, пытался заглянуть поглубже, чтобы понять истинные мотивы моего приезда. По всему ощущалось, что Анвер Кеюшевич был тонким психологом. Говорил он, как бы рассуждая вслух, причем неторопливо, спокойно, но достаточно эмоционально. Иногда менял интонацию, делал легкие жесты руками, приподнимал брови, и глаза его начинали сиять еще больше. Уже тогда я понял, что Анвер Кеюшевич обладал удивительным талантом убеждать и зажигать людей.

Наша беседа, к моему удовольствию, затягивалась, разговор перешел на обсуждение моей возможной диссертационной работы. Я внимательно слушал и иногда, когда требовалось, вставлял в разговор названия колодцев, аулов, некоторых видов животных, фамилии исследователей и названия их научных трудов. Незаметно Анвер Кеюшевич подвел меня к мысли о необходимости проведения исследований, которые дадут возможность провести анализ всего териокомплекса хищных и копытных зверей Северо-Западного Туркменистана и позволят решить некоторые проблемы сохранения редких и исчезающих видов. До сих пор не перестаю удивляться, как путем, казалось бы, простых рассуждений по частным вопросам, связи между моими возможностями и перспективой исследований, Анвер Кеюшевич быстро и точно подошел к главному смыслу подобной работы – сохранения важного компонента природного комплекса.

Не вдаваясь в другие подробности нашего разговора, скажу, что Анвер Кеюшевич дал согласие на руководство моей работой, но свое решение принял не сразу. Он вежливо предложил мне приехать через 3-4 месяца. За это время советовал подумать, а потом обещал все окончательно решить. По происшествию лет могу с уверенностью сказать, что эта встреча и последующая работа под руководством А.К. Рустамова определили многое в моей жизни. В 1987 г. в Зоологическом институте АН Украины я защитил диссертацию на тему: «Млекопитающие Северо-Западной Туркмении и Южного Устюрта (фауна, экология, охрана)». Эта работа дала обширный

практический материал для Красной книги Туркменистана (1985), помогла с обоснованием организации заповедника «Капланкыр». Были установлены северные пределы распространения дикобраза, персидской песчанки и уточнена южная граница обитания хоря; для фауны Больших Балханов был описан новый вид – мышевидная соня, а для Северо-Западной Туркмении мы описали мышевидного хомячка. Через 8 лет после защиты кандидатской, уже в Саратове, куда я переехал в 1996 г., была докторская диссертация. Не порывая связей с туркменскими зоологами, я участвовал в написании двух коллективных монографий по фауне и экологии млекопитающих Туркмении (1995; 2005). Не это ли показатель того, что в меня когда-то вложил Анвер Кеюшевич!

Прошло более трех десятилетий со времени первой встречи с моим учителем. Я сейчас тоже, как и Анвер Кеюшевич, заведу кафедру экологии в сельскохозяйственном ВУЗе. Каждый год, начиная занятия с новыми студентами биоэкологами, я особо рекомендую книги «Основы экологии и охраны окружающей среды» (1999), и «Земноводные и пресмыкающиеся СССР» (1971), написанные А.К. Рустамовым в соавторстве с А.Г. Банниковым – двумя выдающимися натуралистами, изучавшими среднеазиатскую фауну. При этом каждый раз не без гордости подчеркиваю, что один из авторов учебника – Анвер Кеюшевич – это мой учитель. Говоря эти слова, не перестаю ценить высокое качество Рустамовской научной школы и горжусь, что принадлежу ей. Вспоминая первую встречу с Анвером Кеюшевичем, первый день вхождения в большую науку, как сейчас, вижу его живые глаза и слышу голос: «Надо стремиться работать на таком уровне понимания частных задач, чтобы знать эти вопросы лучше всех»...

ВСПОМИНАЯ ДОРОГОГО УЧИТЕЛЯ...

Р.Г. Мустафаева

Кандидат биологических наук, зам. директора Закатальского
государственного заповедника (г. Закаталы)

Моего научного руководителя я считаю ученым мирового масштаба, поэтому не буду перечислять все его титулы и ученые звания, все равно они не отразят его величия, глубины и значения. Мне не хватило бы и нескольких дней для того, чтобы рассказать о дорогом мне человеке – Анвере Кеюшевиче, посему здесь я хочу поделиться лишь некоторыми

своими воспоминаниями о нем.

Первая наша встреча была в октябре 1960 г. После окончания биологического факультета Азербайджанского госуниверситета в Баку меня по распределению направили на должность научного сотрудника в Закатальский заповедник. Через год я поступила в аспирантуру Института зоологии АН Азербайджана, в лабораторию наземных позвоночных. Г.Т. Мустафаев, который к тому времени уже защитил кандидатскую диссертацию под руководством А.К. Рустамова, посоветовал мне съездить к профессору А.К. Рустамову в Ашхабад. Темой моей диссертации была «Экология дроздов в условиях Восточного Закавказья», а руководителем стал А.К. Рустамов. В то время я часто бывала в Ашхабаде в командировках, иногда по три месяца в году. Все вопросы, в том числе место в студенческом общежитии и другие мелочи житья-бытья легко решались моим руководителем. Я всегда чувствовала его отеческую заботу. Мне часто доводилось бывать в доме профессора, познакомилась я и с его прекрасной и благородной супругой – Елизаветой Александровной, и впоследствии стала чувствовать себя почти членом их семьи.

17 декабря 1967 г. я приехала на 50-летний юбилей дорогого учителя. Собралась поздравить моего учителя, но он опередил меня, с отцовской любовью поцеловал в лоб и сказал: «Доченька, поздравляю тебя с защитой диссертации!» (моя защита состоялась 19 октября того же года), потом добавил: «А теперь помоги, пожалуйста, встретить гостей».

В середине декабря 1978 г. я снова приезжала в Ашхабад, на этот раз – чтобы поздравить моего учителя с его 61-м днем рождения. Знакомую дверь открыла молодая женщина (потом я узнала, что это жена Эльдара, сына Анвера Кеюшевича) и спросила: «Кто Вам нужен?» Я ответила: «Рустамов». Тогда она переспросила: «Какой Рустамов – старший или младший?». Мне пришлось уточнить, что я приехала к Анверу Кеюшевичу. В доме я была гостеприимно встречена дорогой мне Елизаветой Александровной, мы долго беседовали в гостиной, профессор все не возвращался с работы, я спросила, когда он вернется, потому что хотела попросить помочь устроиться в гостиницу. Елизавета Александровна, не задумываясь, ответила: «Диван, на котором ты сидишь, и есть твоя гостиница, никуда я тебя не отпущу». Я прожила пять дней, общаясь с прекрасными, добрыми и отзывчивыми людьми. Когда настало время отъезда, я услышала, как Анвер Кеюшевич сказал: «Лизуша, не забудь положить виноград и дыню детям Раи-ханум». Эти слова меня глубоко тронули.

В последний раз я разговаривала с Анвером Кеюшевичем 17 декабря 2004 г. К телефону подошел сын Эльдар, я услышала: «Папа, это звонит Раяханум». Я была очень сильно взволнована, когда услышала голос Анвера Кеюшевича. Оказывается, мой дорогой учитель был не вполне бодр, что меня очень расстроило, но я постаралась это скрыть. Говорила я и с Елизаветой Александровной. Для меня было счастьем поздравить Анвера Кеюшевича с 87-летием хотя бы по телефону, жаль, что у меня не было возможности приехать к нему.

О тяжелой утрате – о кончине нашего дорогого учителя – я узнала от Г.Т. Мустафаева, когда была в очередной командировке в Баку. Меня утешает теперь, что я успела услышать дорогой для меня голос Анвера Кеюшевича незадолго до его кончины...

КРУПНЫЙ УЧЕНЫЙ, МУДРЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ И ДОБРЫЙ СОСЕД

К.Ш. Шагылыджов

Доктор медицинских наук, профессор,
Заслуженный деятель науки (г. Ашхабад)

В Туркменистане вряд ли можно назвать имя другого естествоиспытателя, сделавшего так много, как академик А.К. Рустамов. Очень сложно вести разговор о жизнедеятельности такой крупной личности как Анвер Кеюшевич, так как твоя оценка может оказаться субъективной и быть похожей на старую индийскую сказку, когда вокруг слона собрали группу слепых людей и просили определить, на что похож слон. Ответы были самые разные: тот, кто держал за ногу, сравнивал его со столбом, кто гладил по туловищу – со стеной, а кто ухватился за хобот – со змеей. Поэтому, у тех, кто хочет писать об академике А.К. Рустамове, есть опасность стать похожими на слепых оценщиков большого слона.

Между тем, я считаю, что более чем полувекое соседство и наше взаимное уважительное, можно сказать братское отношение позволяет мне высказать свое мнение об этом великом человеке. Анвер Кеюшевич Рустамов в свои неполные 33 года, став доктором наук и профессором, начинает долгий и успешный творческий путь, в течение которого он опубликовал по актуальным вопросам своей науки более 450 научных статей и десяток монографий, сделал более 100 выступлений в газетах и журналах, отредактировал более 80 научных книг и сборников. Под его

руководством были выполнены многочисленные докторские и кандидатские диссертации.

Когда знакомишься с творчеством академика А.К. Рустамова, поражает широта его научного кругозора. Хотя основные его научные исследования были посвящены изучению птиц Туркменистана, он уделял большое внимание изучению и других представителей животного мира Каракумов, в частности, пресмыкающихся и млекопитающих.

Академик А.К. Рустамов был крупным организатором и государственным деятелем. О его творческой деятельности написано более 80 воспоминаний видными туркменскими, российскими, азербайджанскими учеными. Он был блестящим и мудрым руководителем, без малого 30 лет успешно работал ректором Туркменского сельскохозяйственного института, долгие годы занимал высокие должности в системе Академии наук, государственных и общественных организациях Туркменистана и всегда пользовался большим авторитетом. Вот уж поистине, “когда умный человек приходит к власти, он преумножает число своих друзей, а дурак – врагов”. Анвер Кеюшевич был мудрым человеком и руководителем.

Анвер Кеюшевич был и добрым соседом. У туркмен есть поговорка: “Прежде чем построить дом, выбирай соседа”; или, когда речь ведут о человеке и хотят узнать, насколько близко ты его знаешь и насколько правдива твоя оценка, спрашивают: “Ты, что жил с ним в соседстве или вел совместное хозяйство?”. Когда в 1958 г. я стал соседом Анвера Кеюшевича, окна наших домов смотрели друг на друга. Наши дома до сих пор стоят напротив друг друга на небольшой улочке Степная. Уже тогда Анвер Кеюшевич был известным человеком – доктором наук, профессором и вскоре стал ректором крупного вуза. Однако ему, как и всей его семье, были чужды чванство или высокомерие. Со всеми соседями они сохраняли доверительные отношения. Анвер Кеюшевич в общении с людьми был настолько прост и интеллигентен, что когда с ним беседуешь, то часто забываешь, с кем ты разговариваешь. Я всегда чувствовал его духовную, а иногда и материальную поддержку.

Дружили и сейчас дружат наши дети, особенно внуки. В частности, мои внуки Довлет, Сулейман и Сердар в 1980-х годах целыми вечерами пропадали в доме Рустамовых, где осваивали компьютерную технику вместе с их внуками – Нариманом и Рустамом. Хочу также сказать несколько слов о Елизавете Александровне – супруге Анвера Кеюшевича, так как

добрососедские отношения зачастую зависят от характера хозяйки дома. Елизавета Александровна – интеллигентный очень добрый и скромный человек. Она никогда не была безразлична к соседям, участвовала, как и сам Анвер Кеюшевич, в наших радостях и горестях, оказывая духовную поддержку. Я считаю Божьим даром, что мне и моей семье посчастливилось жить в соседстве с такой прекрасной семьёй, как Рустамовы.

В заключение хочу привести еще одну туркменскую поговорку: “Река всегда течет по своему старому руслу”. В этом отношении дети и внуки Анвера Кеюшевича нашли в жизни свое гнездо, выросли, стали уважаемыми людьми, а младший сын Эльдар Анверович Рустамов стал доктором биологических наук, профессором и ныне успешно продолжает отцовское дело. Все они молодцы. Так и продолжайте, счастливой Вам жизни и помните, чьими потомками Вы являетесь...

ЧАСТЬ 4. ДЛЯ НАС И НАШИХ ПОТОМКОВ ОН ОСТАНЕТСЯ САМЫМ ДОРОГИМ...

ВЕЛИКОЕ СЧАСТЬЕ БЫТЬ ЖЕНОЙ И ДРУГОМ ТАКОГО ЧЕЛОВЕКА! (из воспоминаний Елизаветы Александровны Рустамовой)

Быть рядом с сильным и надежным мужчиной – необъятное счастье для любой женщины, и счастье это я испытала. Человек, с которым по воле Всевышнего меня связала судьба, был не просто красив и мужественен, но по-особому величественен! Однако мой мужчина никогда не подавлял меня своей силой и величием, он любил и лелеял меня, и это было взаимно. С ним я чувствовала себя, наоборот, не подвластной, а на равных – такой же сильной и, не скромно будет сказано, мудрой. Тем не менее, вся моя жизнь была безропотно подчинена этому человеку и всему тому, что он делал, несмотря на то, что я осознавала и всегда считала, чтобы сохранить семью и поддерживать огонь в домашнем очаге, родить от этого мужчины и воспитать достойных ему детей, потребуется не меньше, если не больше, такого же «мужества», терпения и силы духа, которые нужны были моему мужчине и моему Светочу для свершения его подвигов на поприще науки и просвещения. Имя этого Мужчины – Анвер, что в переводе с тюркского означает Светоч, или Лучезарный!!! Он был и остается моим единственным и беззаветно любимым мужем и отцом моих детей. Мне уже 94, и я счастлива, что состоялась как прабабушка, бабушка, женщина-мать, жена и

преданный друг этого большого и доброго человека...

Воспоминания мои просты и далеки от литературного произведения, я не стремилась к этому, многие стороны нашей с Анвером жизни, наших взаимных и все понимающих взглядов, наших душевных чувств так и остались за кадром, обо всем не напишешь, это невозможно. Поэтому здесь, так, просто, несколько эпизодов, может они кому-то покажутся сугубо личными, не судите строго, но это мои переживания из безвозвратно ушедшего времени и минувшей жизни для тех, кто еще помнит и будет помнить Анвера, для его потомков...

В Туркменистан я и моя подруга по школе Зина Леонтьева приехали в 1938 г. из города Пензы, мы поступили в Ашхабадский педагогический институт. Зина вскоре вышла замуж и жили они в общежитие преподавателей педагогического техникума, в котором ее муж Жора (Джора Танрыгулыев, *прим. ред.*) преподавал математику.

Однажды мы втроем пошли в клуб нашего института на танцы, проводившиеся каждую субботу, где Жора и познакомил меня со своим другом Анвером Рустамовым – аспирантом кафедры зоологии пединститута. Весь вечер мы протанцевали вместе с ним. Возвращаясь домой, Зина с Жорой пригласили нас к себе в комнату на чаепитие с лепешками, которые готовила мама Жоры и которые были очень вкусными. Посидели, поиграли в лото, и я засобиравшись домой в свое общежитие, находившееся неподалеку. Жора, сопроводив меня до двери, сказал: «Анвер, проводи Лизу до общежития». «С удовольствием», – ответил Анвер, и мы вышли. Подходя к крыльцу общежития, он сказал мне: «Завтра запланирован поход в кино, встретимся опять у Жоры с Зиной, согласна?». «Хорошо», – ответила я. У входа, подавая ему руку, я сказала: «Спасибо, что проводил, спокойной ночи, до свиданья», и мы расстались.

На следующий день пошли, сначала в ботсад, а потом, как и планировалось, в кино на вечерний сеанс. Шли пешком от Зины с Жорой до кинотеатра по улице Первомайской (ныне Героглы, *прим. ред.*). Обратное также возвращались пешком, потому что не было никакого смысла ждать малогабаритный автобус, который мы называли «душегубкой» из-за его малого размера и всего лишь одной двери (двухдверные автобусы появились только после войны, *прим ред.*) и, который, к тому же, ходил очень редко. У киоска с мороженым присели, отдохнули, охладившись мороженым и двинулись дальше. Мы с Анвером шли впереди, а Зина с Жорой позади, как бы «охраняя» нас. Вот так начались наши встречи по обоюдному согласию,

которые проходили не чаще, чем раз в неделю. Оба мы были сильно заняты учебой.

Анвер обучался в аспирантуре у профессора Михаила Константиновича Лаптева, который уделял ему какое-то особенное внимание, видимо, увидев необычный интерес и тягу к предмету исследования и природе вообще. Осенью 1939 г. М.К. Лаптев даже ходатайствовал перед военкомом об отсрочке призыва Анвера в армию, чтобы взять его с собой в летнюю экспедицию на Амударью. Я же, помимо занятий языком, увлекалась художественной гимнастикой в секции при кафедре физкультуры нашего института. Это занимало немало времени и сил. Нас готовили к Всесоюзным соревнованиям в Москве. И вот в июле 1940 г. наша группа отъезжала в столицу. Поезд стоял у перрона ашхабадского вокзала. Местных ребят и девочек провожали родственники или знакомые, а меня никто не провожал, я была приезжей и иногородней, никого, кроме Анвера, в Ашхабаде у меня не было. В вагоне и на перроне всем было весело, но не мне. Я грустная сидела в купе. И вдруг слышу: «Лиза, выходи скорей, тебя ждут!». Кому я там понадобилась, подумала я, ведь знала, что Анвер был в экспедиции. Выхожу и глазам не верю: стоят запыхавшиеся Анвер с Жорой (Зины с ними не было – они ожидали первенца), машут мне руками. Оказалось, что, в экспедиции узнав, что М.К. Лаптев собирается поехать в Ашхабад на 3-4 дня, Анвер рассказал ему обо мне и попросился с ним в город, чтобы проводить меня. Михаил Константинович сначала не хотел этого делать, но потом вошел в положение и взял своего аспиранта на кратковременную побывку в Ашхабад. Поезд из Чарджоу (ныне Туркменабад, *прим. ред.*) пришел ночью, а утром Анвер, не застав меня в комнате, зашел к Жоре и узнал, что я, видимо, уже на вокзале, если еще не уехала, и они помчались, как сумасшедшие, на вокзал. И не только не опоздали, а успели еще меня мороженым угостить. «Жду с нетерпением твоего возвращения», крепко сжимая мне руку, сказал на прощание Анвер, и я уехала.

Вернулись мы – физкультурники из московской поездки, а Анвер – из экспедиции в конце августа, то есть к началу занятий. В октябре закончилась отсрочка Анвера, и ему снова пришла повестка на службу в армии. Провожали его опять же мы – я, Зина и Жора. Расставаясь, теперь уже надолго, он спросил: «Будешь меня ждать?». «Если ты этого хочешь, то обязательно буду, прошу тебя – пиши чаще», – был мой ответ.

Служил Анвер в Молдавии... В апреле следующего 1941 г., когда он приезжал на похороны своего отца, мы еще раз встречались, а в июне

началась страшная война, и его подразделение сразу попало на передовую. Его ранило в один из первых дней, ранило штыком в руку в рукопашном бою, но он не потерял много крови и отделался перевязкой, продолжал воевать. Он пулеметчиком был. Во второй раз дело было не шуточным – его контузило, когда танки рвались на окопы, а вражеские пулеметы открыли огонь. И он попал сначала в полевой, а потом еще дальше – в тыловую госпиталь на Северном Кавказе, в Кисловодск, где пролежал до середины сентября. Только оттуда он смог послать мне весточку, и я получила долгожданный «солдатский треугольник», в котором Анвер обо всем написал (я хранила письмо долго, оно, к сожалению, затерялось при землетрясении). Какое-то необычное чувство тревоги за человека, ставшего мне в тот миг особо дорогим, овладело мной. Читала письмо не при Зине, я потом ей с Жорой все рассказала, сразу, почему-то хотела, чтобы это мое дорогое письмо было только для меня. Кроме того, что он контужен и находится в госпитале, мой Анвер писал: «...Лизочка, тебя после окончания института, видимо, направят на работу куда-нибудь в район, так знай, что, где бы ты ни была, я тебя обязательно найду. Ты только жди меня, как обещала...».

И я дождалась. Уже в середине октября он приехал через Баку в свой родной, ставший далеко тыловым, город Ашхабад. Он нашел меня в общежитии, я обомлела от неожиданности, мы бросились в объятья друг к другу прямо в коридоре и долго так стояли. Анвер чуть ли не с порога сказал: «Давай поженимся, я демобилизован в запас до очередного призыва и от службы пока свободен». Меня это не испугало и не остановило: «Жениться можно, а где мы будем жить? Да и последний экзамен надо мне все же сдать. Вот после этого и поженимся, ты пока ищи комнату». В связи с военным временем обучение продолжалось летом и вообще всю программу нам сократили на год, поэтому выпускные экзамены я сдавала в октябре. А 17 ноября голодного 1941-го года, мы подхватили свои чемоданчики и вселились в комнату, которую опять же помогли найти Зина с Жорой. О каком-либо свадебном застолье не могло быть и речи...

Жизнь не останавливалась. Анвер восстановился в аспирантуре, а еще устроился преподавателем в военно-медицинское училище, которое было эвакуировано в Ашхабад. Я, получив диплом, стала преподавать в школе, но мое учительство продолжалось недолго, вскоре я вышла в декрет.

Первые годы нашей жизни были самыми трудными и не потому, что оба мы еще с детства остались сиротами и поддержки ждать было неоткуда. В годы военного лихолетья тяжело было очень, но ничего не поделаешь.

Голодали, как многие: хлеба по карточкам не хватало, полки в продуктовых лавках пусты, а на базаре все втридорога. В школе, где я работала, давали суп – галушки, замешанные из отрубей и сваренные на воде, всё – 250 г, который я приносила домой, а Анверу в училище полагался обед, который он тоже брал с собой в солдатском походном котелке, зная, что я беременная и полуголодная. К этому супу мы добавляли те самые галушки и еще зеленый лук, который могли себе позволить купить с рук, да черного хлеба подкупали на базаре. Зарплаты Анвера только на это и хватало. Так прошла первая зима, кстати, была она необычно холодной, а летом мы лепили и сушили брикеты, смешивая саман с небольшим количеством глины, чтобы ими отапливаться в следующую зиму, понимая, что нашему первенцу не выжить в холодном доме. Анвер был очень ответственным за свою семью и страшно переживал, что не может обеспечить меня нормальным питанием. Он часто вспоминал слова своего отца: «Мужчина должен открывать дверь своего дома спиной потому, что руки у него всегда заняты едой и сладостями для детей». Что мне не удастся, говорил он горечью.

Провожая Анвера на работу, я скрывала слезы, видя, что на мужа, как на вешалке, болтаются брюки, так он был худ. И только когда закрывала дверь, давала волю слезам своим, ведь женщинам легче, когда они плачут. А позже, когда я ему об этом рассказывала, он признавался, что и у него щемило сердце, видя, как я таяла от недоедания, тем более что ждала ребенка, который из меня буквально высасывал все. Конечно, было тяжело, но молоды были и чувствовали, что большинству окружающих нас знакомых и не знакомых людей было также нелегко...

Несмотря на трудности, Анвер весь был поглощен наукой, я часто тогда и потом задумывалась, как же так можно, чуть ли не сутками напролет, на полуголодный желудок заниматься. А ведь ему предлагали и более сытую жизнь, и должность (был страшный дефицит образованных кадров, многих работников партаппарата забрали на фронт) в советских органах, где был хороший паек. Анвер говорил, что мог пойти туда, но потом бы не вернулся в науку, а если и вернулся, то уже никогда не смог стать ученым, способным преодолевать трудности. Он работал с неослабевающей энергией и фанатическим стремлением достичь основной цели, и о нее достиг: в феврале 1943 г. защитил кандидатскую диссертацию. И это спасло нашу семью, стало чуть легче жить. Его взяли на работу в Туркменский филиал Центральной Академии наук (имеется в виду – АН СССР, *прим. ред.*), к нам в дом, как кандидату наук, даже провели свет, которого не было у соседей во всем

квартале. Мы – голые птенчики стали оперяться, если так можно выразиться. Это было для меня и для всей семьи воистину праздником. Тогда я впервые увидела прослезившиеся глаза своего мужа, это были слезы радости, он так не радовался, даже когда защитил докторскую диссертацию, а те слезы были слезами радости. Я разделяла с ним эту радость. В войну в Ашхабаде Анвер повстречался с профессором Георгием Петровичем Дементьевым, который приехал сюда в эвакуацию вместе с Московским университетом. Потом он стал научным руководителем докторской диссертации Анвера.

Так почему же защита диссертации спасла нашу семью? В марте 43-го, т.е. буквально через месяц после защиты диссертации, Анвера снова призвали в армию. Но, слава Богу, не послали на фронт, а взяли на военную службу здесь же, в Ашхабаде, в пехотное училище, эвакуированное из Тамбова в Туркменистан, в тыл, и укомплектованное из временно демобилизованных, также, как и Анвер, «новобранцев». Анвер был назначен старшиной, поскольку считался не просто уже служивым, а человеком с высшим образованием и имел степень кандидата наук. Прослужил он в роте до конца июня. Все училище готовилось к отправке, видимо, на фронт, а куда же еще? И попали бы они тогда, скорее всего, на Курскую дугу, но спасла его и всю мою семью бронь, под которую попадали не только профессора и доктора, но и кандидаты наук всей страны, поскольку в первые годы войны погибло очень много ученых. Да, мою семью спасла, именно, диссертация Анвера, а стало быть, и бронь. Это я как женщина говорю, которую тогда волновало одно, чтобы любимый муж был только со мной и дочкой (женщины меня поймут, каждая на моем месте думала также); и не нужны были котелки со старшинскими пайками от мужа, которые он присылал к нам с дочкой с посыльными из роты, хотя Анвер говорил, что, мы лишимся этих пайков, если воспользуемся бронью, которую он под моим напором, все же, взял. Я хорошо запомнила это, поскольку лежала с Беллочкой в больнице с подозрением на дизентерию, и узнала о выписанной на мужа и присланной домой брони от соседки, которая навестила меня в больнице. Анвер продолжал, было, отказываться. Он имел право выбора, я же настояла, чтобы он остался, и нисколько не жалею об этом. Мне надо было спасти не только мужа, но и дочь. Это было мое человеческое желание, и не в моей власти было решать вопрос о брони ученых, а во власти правительства и даже ГКО (Государственный комитет обороны, *прим. ред.*), и никто не вправе меня укорять, что я остановила мужа. Я бы не пережила гибели Анвера, останься он в армии: из ашхабадских парней, кто служил в том училище, из

его роты с фронта вернулись, насколько я знаю, только трое.

У нас уже двое детей: в марте 1945 г. родился Игорек. Анвер, продолжая работать в филиале Академии наук, целиком ушел в науку, и будучи по природе очень целеустремленным, стремился во что бы то ни стало достичь поставленных перед собой задач, он стал быстро подниматься по служебной лестнице.

В это время Анвер часто ездил в экспедиции. Я относилась к его поездкам относительно спокойно. А вот, где-то в конце апреля 45-го вижу сон: будто бы выхожу я ранним утром на крыльцо парадного входа нашего дома, и вижу лежащего на обочине дороги Анвера. Похолодевшая от ужаса я бросилась к нему и спрашиваю, что с тобой и замечаю, как у него от мочки уха стекает почти запекшаяся кровь. Приложив к этому месту руку, я спросила: «Тебе здесь больно?», - а он ответил приглушенным голосом: «Было больно, а теперь уже нет». И я проснулась. Не поняв в первые секунды что это было наяву или во сне, я подумала, что неспроста приснился мне этот страшный сон, что-то там у них произошло. Незнание эта меня терзала до конца экспедиции. А связи не было никакой. Приехал Анвер только 16 мая 1945-го, через неделю после Дня Победы. Об окончании войны он узнал в одном из поселков Ташаузского оазиса, в который экспедиция вышла из Каракумов, а потом уже вернулся в Ашхабад. Поздравляли друг друга с Победой и приездом из долгой экспедиции. Я спросила его: «Что у вас там случилось?». «А почему ты спрашиваешь? Ведь, я, все мы, живы и здоровы!» Я рассказала ему сон и добавила, что твои слова о том, что теперь уже не больно, звучали для меня, как колокол надежды что все обошлось. И, действительно, как потом рассказал Анвер, он заблудился в песках и чуть не погиб в тот самый день (или те дни, я точно не знаю), когда я видела этот страшный сон. Неужели так мысли и чувства могли передаться на огромном расстоянии? После того случая, я каждый раз не на шутку волновалась, когда Анвер уезжал в экспедиции.

В 1948 г. случилось страшное землетрясение, в ночь на 6 октября, за 6-9 секунд наш Ашхабад полностью разрушился. Мы, как и все, остались без крыши над головой. А жили мы в трехквартирном кирпичном доме с железной крышей на пересечении улиц Крымская (ныне Алишера Навои) и Апшеронская (ныне Молланепеса), наша квартира состояла из трех комнат, коридорчика и веранды.

Анвер, как обычно, занимался, сидя в своем кабинете за письменным столом, а я и дети уже спали. Игорек, проснувшись, попросился по

маленькому, я вышла из спальни и прошла через столовую на веранду, вернулась с горшочком обратно. Когда шла мимо открытой в кабинет двери, на ходу бросила вопрос Анверу: «Что-то ты долго засиделся? Пора спать». Было около часа ночи. Он ответил, что сейчас придет. Минут через 5 раздался, как бы издалека, громкий гул. «Неужели опять война? - подумала я, - что, по нашей улице мчатся танки?». Следом послышался грубый короткий стук в парадную дверь, видимо, это, как-то глухо гремел железный засов. Анвер спросил: «Кто там?», но никто не ответил. Я слышала его слова из спальни, стоя рядом с кроваткой Игорька и собиралась прилечь, как в это мгновение все страшно затряслось, я вцепилась в детскую кроватку и нагнулась к сыну, кроватка в руках буквально ходуном ходила, на мою голову посыпалась штукатурка. Распластавшись над кроваткой, я старалась, как бы, подобрать сынишку под себя вместе с одеялом, а на голову и плечи сыпались уже не штукатурка, а кирпичи от развалившегося дымохода. Как я только не потеряла сознание?! Я даже не почувствовала, как по бокам головы и за ушами струилась кровь, все мысли были о сыне, мне удалось, все же, подхватить его и прижать к груди. Голова гудела, не сообразив, что делать дальше, я села вместе с ребенком на руках на свою кровать, стоящую рядом (Беллочкина кроватка находилась в противоположном углу комнаты), нащупала свое одеяло и быстро завернула сына в него. В это мгновение вбежал Анвер, я сказала ему, чтобы подошел к дочке, что с ней я не знала. Когда услышала её голос: «Папа, папа», я на мгновение успокоилась: «Слава Богу, жива!», но Игорек не подавал никаких звуков.

В глаза и нос лезла едкая пыль, стало трудно дышать. В кромешной темноте мы попытались выйти, но дверь, закрывшаяся вслед за Анвером, не открывалась. Опустив с рук Беллочку рядом со мной, он всей силой навалился на дверь, и она подалась, а вернее буфет в нашей столовой, который лежал за дверью, рухнув вслед за Анвером (слава Богу, не на него самого), когда он вбегал к нам в спальню. Проход был освобожден, мы попали в столовую. Здесь же оказался младший брат Анвера – Инглаб (И.К. Рустамов, ныне доктор биологических наук, профессор Туркменского государственного университета имени Магтымгулы, *прим. ред.*), который тогда жил вместе с нами и спал в кабинете. Когда Анвер выскакивал из-за стола и мчался к нам, он на ходу окликнул своего брата, а, может быть, Инглаб сам был уже в недоумении, потому что на него посыпались анверовские книги с полки, под которой стояла кровать. Мы двинулись дальше в коридор, откуда нужно было через веранду выйти во двор, поскольку парадная дверь на

улицу была завалена в результате обрушения потолочного простенка. Но, мы увидели, что крыша веранды целиком села и оказалась на уровне глаз, заблокировав дверь, но верхняя часть дверного проема была открытой. Анвер сказал Инглабу, чтобы тот пролез в проем, а сам стал ему подавать детей, затем помог выбраться мне и вылез последним, так мы оказались на крыше рухнувшей веранды.

Со всех сторон слышались стоны людей и вой собак, что на фоне продолжающего гула, доносившегося откуда-то из-под земли, наводило, наверное, не только на меня, истерический ужас. Я по-прежнему не чувствовала, жив ли Игорек. Он продолжал молчать, меня трясло, Анвер обнял меня. Они с Инглабом еле-еле меня успокоили, но я перестала вздрагивать и плакать только после того как, развернув одеяло, увидела, что Игорек дышит и спит спокойно.

Мы спустились с осевшей крыши веранды во двор. Шок был невообразимо велик, я дрожала не от холода, а от ужаса, который царил вокруг: кто стонал, кто рыдал, или кричал, темно, толком ничего не было видно. «Рустомовы, вы живы?» – донесся крик от соседей – «Тогда выходите на дорогу». Мы были все в каком-то оцепенении. Я расстелила свое одеяло, мы сели, прижавшись друг к другу, Игорька я уложила на ногах, Белочка сидела под боком. Все, кто уцелел, вместе с ранеными выходили также на центральную часть улицы (находиться поблизости от полуразрушенных домов было небезопасно) и располагались прямо на земле, кто как мог. Анвер послал Инглаба к старшему брату Идаяту и старшей сестре Хавар узнать, что и как там у них, а сам остался рядом с нами, продолжая ходить вокруг. Игорек безмятежно спал, я, взглянув на него, улыбнулась и снова заплакала уже от радости, что сын жив. Стало светать, пыль улеглась, мы не знали, что будет и что делать дальше. Появились солдаты и стали предлагать помощь. Одного из них Анвер подозвал: «Нужна медицинская помощь моей жене» и указал на меня. Солдат наскоро перевязал мне голову. Тем временем Игорек проснулся, откинул свое одеяльце, приподнялся, посмотрел вокруг удивленными глазками и сказал: «Мама, а почему, когда мы спали, все поломалось?». Ему было три с половиной годика. Позже, после того как Анвер пролез в чудом уцелевший дом за нашими вещами и документами, он подошел ко мне, обнял и сказал, что видел кроватку Игорька заваленную кирпичами... До сих пор не могу вспоминать это без содрогания.

В тот же день над городом появились самолеты, стало ясно, что помощь идет, люди, попавшие в беду, будут спасены. Но половина жителей,

если не больше, нашего города так и осталась лежать под развалинами своих домов. Жуткая катастрофа и трагедия, ничего подобного мне переживать не приходилось.

Жизнь наша не останавливалась, я умышленно не хочу рассказывать о ректорском, или депутатском периоде в жизни Анвера, это может занять не один десяток страниц и не это для меня главное..., и так прошло почти 30 лет. И вот – очередное испытание – мой Анвер, – наш «Папсик», как мы все его ласково, по домашнему, звали, в самом начале 1976 г. получил тяжелейшую травму – перелом шейки бедра, которая чуть не стоила ему жизни. Это было сильнейшее потрясение не только для него, но и для нас всех. Предстояла сложная операция, которую могли сделать только в Москве, в ЦИТО (Центральный институт травматологии и ортопедии Минздрава СССР, *прим. ред.*) и результат которой был непредсказуем. Это не могло его не угнетать, но чтобы как-то отвлечь его от этого мы прилагали все свои старания, чтобы вселить в него уверенность на положительный исход операции. Московские врачи провели операцию блестяще, приложив все свои знания и опыт. Мы все и, в первую очередь, наши дети оказывали ему самое теплое и постоянное внимание. Этот случай не мог не взбудоражить воспоминания прежних лет: снова на мою семью обрушилось испытание. Это была не только физическая травма, но и психологическая. Конечно, больше всех переживал сам Анвер: сможет ли он продолжать работу и заниматься наукой, не станет ли инвалидом. Игорь приезжал в Москву из Киева на выходные, Белла выкраивала каждую минуту и приезжала в больницу ежедневно. А Эльдар, вообще жил в палате вместе с папой. Такое внимание не могло не радовать меня и Анвера. Я смогла быть с моим Анвером после операции только дней 10, а потом он сказал, что я должна ехать в Ашхабад, весь дом теперь целиком на мне, к тому же, должен был родиться Нариман, наш четвертый внук...

Иначе не могло и быть, он любил своих детей, и они платили ему тем же. Все было нелегко, но нас радовало, что выздоровление папы шло, как нельзя лучше. Бог не отвернулся от нас! Надежда на положительный исход все росла. Мы все вздохнули, когда опасность миновала.

Врачи и весь медперсонал сразу полюбили Анвера за его душевность, открытость и обаяние и относились к нему, как к родному. Через 3 месяца, ему поменяли тяжелую гипсовую «повязку», сделав ее более облегченной, и разрешили даже перебраться в домашние условия, и мы перевезли Папсика вместе с больничной койкой в московскую квартиру к Белле с Маратом на

Матвеевскую. Дома, как говорится, и стены помогают. Еще через месяц врачи вернули его обратно в больницу, окончательно сняли гипс и стали проводить комплексную реабилитацию, ведь он почти полгода был скован гипсовым панцирем, научили ходить на костылях, и только после этого выписали и разрешили ехать домой. Анвер с Эльдаром на поезде вернулись в Ашхабад, было это в июле... Ну, а весной следующего года ему надо было снова ехать в ЦИТО, чтобы удалить титановый «штырь», который был «забит» при операции для сцепления и сращения головки бедра и который следовало удалить не ранее, чем через год. Он уже ходил без костылей, только с палочкой, а потом и ее отбросил. И только лишь потом я поняла и ощутила в полной мере, чего это все нам стоило и из какой глубокой ямы удалось выкарабкаться.

Конечно, были в нашей семье и солнечные дни, даже целые годы и месяцы, особенно, летние, от зноя которых мы старались уехать и уезжали всей семьей. Объездили все курорты Минеральных вод. Жили обычно «диким» образом, снимая частную квартиру. Ох, как радовались дети и мы, глядя на них, как они приходили в восторг от окружающей их природы Кавказа, и всего того, что предоставляли им мы. Все эти поездки закаляли их, возвращались они окрепшими, вытянувшимися в росте, довольные. А на другое лето все повторялось вновь, только маршруты были разными. Круизы на теплоходе по Волге от Астрахани до Москвы, где мы их водили и показывали все то, чему мы в свое время сами удивлялись и запомнили. Были мы с ними и в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург, *прим. ред.*), со всеми его достопримечательностями, где есть что посмотреть и чему научиться. Особенно поразил их Петродворец, который пришлось обзирать два дня. И каждый раз радостные, полные впечатлений возвращались мы домой в уже несколько остывший от летнего зноя Ашхабад. А вот на курортах Прибалтики и Подмосковья отдыхали и частично подлечивались по путевкам мы с Анвером вдвоем, оставляя детей на попечение родственников, да и Белла с Игорем уже были более взрослыми. И возвращались тоже отдохнувшими и не без впечатлений, с мыслью, что вся наша семья за лето отлично отдохнула, и каждый может приступить с новой энергией к своим повседневным делам. Вот так и продолжалась наша «тихая жизнь», с заботой друг о друге, любя, помогая и не доставляя друг другу неприятностей.

Так продолжалось, пока Папсика нашего любимого не начало беспокоить несколько пошатнувшееся здоровье. Ему бы следовало побольше и подольше отдыхать. Но Анвер по своей натуре не допускал

этого. И никакие наши уговоры по этому поводу на него не действовали – он всегда работал с удвоенной энергией. Им двигала целеустремленность и необыкновенная ответственность за взятые на себя дела, которые он выполнял, вкладывая во все, что он делал присущие ему организованность, умение и честь. Конечно, достигнутые им результаты всегда радовали его и нас всех. Надо было видеть, как он радовался, а вместе с ним и я, своим успехам. В 1967 г. ему было присвоено почетное звание Заслуженного деятеля науки, а в 1975 г. он получил звание Академика. В 1983 г. ему была вручена Государственная премия. Я радовалась его успехам, всегда поддерживала его и старалась создавать условия, чтобы ничто не отвлекало его от работы и науки.

Белое и черное, как бывает в жизни, в данном случае черное, наступило для меня с Анвером в конце января 1989 г. Это было очень большим ударом и стрессом для нас. Наш Эльдар отправился в очередную экспедицию по теме своей докторской диссертации, а зимы на севере Туркменистана бывают холодными. Он и еще трое его спутников увязли, как потом выяснилось, на берегу Сарыкамышского озера в солончаке, куда угодил их большой вездеход, погрузившись в грязное месиво по «самое брюхо». Темнело и участникам экспедиции ничего не оставалось, кроме как устроиться на ночлег под открытым небом... Но, об этом потом, главные страшные события и душевные потрясения предстали предо мной здесь в нашем доме за полтысячи километров от места, где, как нам казалось, погибает наш сын.

Анвер знал, что Эльдар и другие участники экспедиционной поездки должны были обернуться вокруг Сарыкамыша за два дня и, возвратившись, дать о себе знать, но шел четвертый день, звонков никаких не было. Волнение усиливалось, стресс нарастал как снежный ком, я ничего не могла с собой поделать, видимо это передалось от Анвера, который забил тревогу и поднял на поиски всех, кого только мог и, в первую очередь, близких ему учеников.

Впереди была очередная бессонная для нас ночь. Утром Анвер на работу не пошел. Какабая Атаева и Хабиба Атамурадова посадил в вертолет и отправил самым коротким путем. Анвер не отходил от телефона. Как он в себе все переживал и что с ним происходило, тому свидетелем была только я. Как могла его успокаивала, но это не помогало. Он старался не показывать своего волнения, чтобы не волновать меня, но я видела, что он был вне себя. Несмотря на его сопротивление, я вызвала врача, ему

сделали укол и снабдили таблетками, может это и подействовало, но ненадолго. Вспомнилось, что в 1972 году он перенес инсульт, и мне было о чем волноваться. Страшно было даже подумать, что произойдет с Анвером и с нами со всеми, если Эльдар не найдется и, не дай Бог, погибнет.

Анвер, как всегда в черные моменты жизни, старался сохранять «спокойствие». Но, я, хорошо зная своего мужа, чувствовала, что он был не в состоянии отбросить самые страшные мысли, потому, что знал те места, куда уехал Эльдар не понаслышке и мог представить, как машина в тумане срывается с обрыва или уходит под лед, да мало ли что там могло случиться. Анвер был подавлен, весь трагизм ситуации я чувствовала на Анвере, несмотря, что внешне, повторяю, он старался держать спокойствие. Он весь был, как комок нервов. Мне было нетрудно представить, какая трагическая картина могла сложиться в его голове, сдавить сердце и душу, он ведь однажды сам чуть не погиб в экспедиции, а сейчас, когда на Эльдара возлагались все надежды по передаче в его руки главного дела всей жизни, до страшного отчаяния можно было бы дойти от мысли, что веревочка эта обрывается... Но Анвер держался и старался не выдавать своего чрезвычайно тяжелого состояния и волнения. Так ждать и томиться дальше, находясь в неведении, не было сил.

Вылетевшие вертолет из Ашхабада, а также самолет из Ташауза, достигли озера почти одновременно. С самолета сразу обнаружили грузовик, но приземлиться не смогли, поскольку вокруг все было топким, да и рядом с машиной из людей никого не было. Затем с самолета заметили брошенный на берегу баркас и сообщили координаты вертолетчикам, которые шли из Ашхабада. Они вскоре прибыли и эвакуировали всех четверых «горепутешественников». Но, это было лишь на четвертый день после бессонных ночей. Анвер с утра названивал в аэропорт, чтобы узнать, как идет поиск. Было около пяти часов вечера, когда, вдруг, он выскочил из-за письменного стола и бросился ко мне со словами: «Нашелся! Нашелся!!!». Сколько мы стояли, обнявшись, и плакали, не сдерживая слез, я не помню. Немного успокоившись, Анвер, сообщил, что Эльдара вертолет уже везет в сторону Конеургенча, где находится Овез (О.С. Сопыев, *прим. ред.*), но который еще не знает о том, что Эльдара и всех остальных подобрали и спасли, мне об этом сообщили прямо из аэропорта. В Конеургенче он переночует и завтра будет дома. «Наконец мы встретим нашего дорого сына!» - от этой мысли волнение, будто бы, пошло на убыль. Однако сердце не прекращало щемить, спалось неважно, на утро пришлось и мне вызывать врача, «накачиваться»

лекарствами. Добрая весть, как и страшная тремя днями раньше, разлетелась по всем знакомым и родственникам, телефон не умолкал, все звонили, успокаивали, поздравляли. Мы, как будто увидели свет заново...

Радости не было конца, когда Эльдар появился на пороге родного дома! Как потом он сам рассказал, они, действительно, застряли в топком грунте у северного берега Сарыкамыша (зима, ночь, холод - до минус 10 градусов, в радиусе 100 км ни души, жутко!), несмотря, что двигались по дороге и старались не съезжать с колеи. У берега был сильный туман, но они продолжали путь, чтобы затемно успеть добраться до вагончика на кордоне Бурчлибурун. Но доехать до него не удалось. Проведя холодную ночь у «бездыханной» машины и убедившись на утро, что они чуть не въехали в озеро, и что без трактора этот огромный трехосный «Урал» не вытащить, решили не дожидаться помощи рядом с машиной, а вернуться на 25 км обратно – на заброшенную базу каракалпакских рыбаков, которую проехали еще вчера. Прихватили с собой все ценное, прежде всего продукты, и пошли. Целый день брели они вдоль берега по вязкому и размокшему грунту и успели-таки до темноты (зимой дни короткие) добраться до брошенной рыбацкой стоянки, а по пути прямо у дороги найти останки растерзанного волками и съеденного прошедшей ночью взрослого самца сайгака, от которого осталась лишь голова с рогами. Голову «горе-путники» забрали с собой. Первую ночь провели в кубрике старого рыбацкого баркаса, где на счастье оказалась даже печка, а дрова надергали из борта другого, совсем уже разбитого баркаса. В эту ночь по первоначальному плану они должны были ночевать на кордоне, до которого так и не доехали, а вот вечером следующего дня планировали быть уже на базе и сообщить, что кольцевой маршрут вокруг Сарыкамыша пройден. «То, что мы не погибнем от холода или голода» - продолжал рассказ Эльдар, - я не сомневался, можно было продержаться дней десять, из подобранной сайгачьей головы сварили бульон, надо было только ждать и никуда не дёргаться... Одна была проблема – отсутствие какой-либо связи, хотя бы с конторой Капланкырского заповедника или каким-нибудь колхозом, не говоря уже об Ашхабаде. Я представлял, каких это будет стоить нервов и душевных мук моим домашним, но как сообщить, что я и все мы живы и здоровы, ведь для папы и мамы я буду считаться пропавшим, вот какая нелепость. Больше пострадают мои родители, чем я и мы все вместе взятые, думал я, но ничего невозможно было поделать. Только ждать. Так мы провели на баркасе еще 3 ночи, а днем я ходил в окрестностях и продолжал учеты птиц. Конечно,

если бы Овез Сопыев, как потом выяснилось, приехал на третий день, то есть сразу по прибытии в Конеургенч, то не пришлось бы посылать вертолет, но мы с Овезом встретились на четвертый день, когда он на завтра только собирался ехать по нашим следам. Но, теперь мы с ним поехали прямо в Ашхабад, уже по шоссе прямо на юг через Каракумы... Обидно, что такая нелепость и неосторожность стоила огромных ваших нервов, папа и мама, простите меня, если сможете», – сказал с досадой Эльдар.

Сейчас, по прошествии многих лет, вспоминаешь все вновь и вновь (война, землетрясение, ЦИТО, травмы душевные и физические, свои и своих детей и внуков) с болью в сердце: сколько было волнений и переживаний. Все это не могло не оставить следа и не отразиться на здоровье Анвера. Да и возраст подпирал.

И пришел этот «черный» день. Наступал новый 1993 г., не предвещавший беды (общая для всех большая беда свалилась двумя годами раньше). Но в преддверии его страшный грипп вошел в наш дом и уложил сначала меня, Эльдара, потом Энвера и его сестру Изумруд, которая за две недели раньше прилетела на 75-летие брата и решила остаться с нами на Новый год. Болезнь не выходила из дома месяц. Тяжелее всех ее перенес Анвер – наш дорогой Папсик. И случилось самое страшное: на фоне неспадающей высокой температуры у него случились гипертонический криз и инсульт. В результате частично парализовалась левая половина тела, особенно рука, отнялась речь. Больно было смотреть на нашего Папсика, которому становилось горько и мучительно обидно лишь от мысли, что читать лекции студентам он больше не сможет, а о том, что творилось в его душе и о многом другом, можно было только догадываться... Последовало долгое лечение. Полтора месяца пролежал он в больнице. Врачи сделали все возможное, но их усилия, стремления и активные действия не привели к желаемому. Рука и речь полностью так и не восстановились. Стало ясно, что реабилитироваться ему не суждено. Медики констатировали активное развитие атеросклероза головного мозга, а с учетом возраста предполагали дальнейшие осложнения и повторение инсульта.

Так прошли два мучительных года на постоянных таблетках и вызовах неотложки, в ожидании худшего и надеждах, но на что и на кого было неизвестно...

А в конце 1995 г. у него выявился рост аденомы простаты (которая, слава Богу, не переродилась в злокачественную) и предстояла операция. Однако были опасения, что на фоне прежней продолжающейся болезни,

он эту операцию просто не перенесет. Но существовать с мочесборником и трубками на боку и чувствовать себя получеловеком он не собирался. Горестно было видеть, как наш Папсик – наш Главный огонь на Степной 21 - стал угасать... Над ним нависла угроза, и всем нам было невыносимо и больно до слез. Невольно наплывали мысли о худшем и неизбежном. Отгоняя их прочь, мы держались как могли, стараясь не показывать ему наши переживания; вспоминаю все это, а у самой мурашки по коже...

Но вот, в апреле 1996 г., Эльдар, вернувшись из очередной поездки в Москву, усадил меня с Папсиком, Наримана и Рустама в зале за наш овальный стол, разложил на нем какие-то банки с порошком, похожим на манную крупу, разные таблетки и рассказал нам о компании «Гербалайф Интернэшнл» и далее продолжил: «Это – «Гербалайф», или травы жизни. Это можно есть всем, как говорится, – от мала до велика». Папсик отнесся к этому весьма скептически, а я подумала: «А что, если это действительно так и это может быть последний наш шанс, хуже уже не будет, ведь сын плохого не пожелает отцу, а держать нас за «подопытных кроликов» тем более не станет». И мы тогда решили «рискнуть». Сначала я показала пример, начав употреблять эти т.н. травы жизни. Видя, что со мной плохого не случилось, присоединился к нам и Папсик. Мы перепробовали все, особенно нам с Папсиком нравились клубничный коктейль Формула-1 и Шизандра Плюс. Но больше всего по вкусу и ощущению пришелся Гербалайф Лайн – враг инсультов и инфарктов, который мы ласково называли «Чудо-Лайка».

Гербалайфский продукт продлил и продлевает мою жизнь, я в здравом уме, я как бы «законсервировалась», чувствую себя не дряхлой старухой, а, наоборот, на 10-15 лет моложе своих сверстников, которых уже почти не осталось на этом свете. Царство всем им небесное! Я не знаю, когда я обращалась в последний раз к врачу. Но, хорошо помню, как в 75-ти и даже 70-ти летнем возрасте у меня часто болела и кружилась голова, как меня частенько раскачивало и я, держась за бельевые веревки, боялась распластаться на площадке во дворе или на полу дома, как мне было тошно и как тяжело билось сердце при смене погоды, как немели руки и мучила бессонница.

А что наш Папсик? Да если бы не Гербалайф, а вернее, если не Эльдар, который нас с ним «познакомил», то Анвер вообще бы не дожил до 80-ти, не говоря о 87-ми лет. Гербалайф помог ему не только замедлить и приостановить продолжение атеросклероза и неминуемую при этом потерю памяти, но уже потом – в начале 1997 г. благополучно перенести

двухчасовую операцию по удалению аденомы, после которой врачи были удивлены крайне быстрой реабилитацией. Мало того, весной следующего года ему сделали другую, также под общим наркозом, операцию по удалению паховой, а затем через полгода еще одну более сложную – пахово-мошоночной грыжи. Три сложных полостных операции за два года! Не каждый осмелился бы на это и не каждый организм, да в таком возрасте, выдержал бы эти испытания. Ни один хирург и анестезиолог не согласился бы на операцию, если бы медицинские показатели, состояние всего организма и все анализы не были в пределах нормы.

Так и кушали мы Гербалайф, так и поддерживал он жизненные силы в наших стареющих телах. Конечно же, это – не панацея. Гербалайф, не мог, естественно, ликвидировать аденому, он не вернул полностью речь и не гарантировал от инсультов, которых, однако, больше, почему-то, не повторялось. Конечно, Гербалайф не обратил Анвера в 70-летнего мужчину, это все было бы неправдой. Но, вспоминая еще раз: несмотря на хорошие природные данные, здоровую наследственность, здоровый образ жизни и закаливание, оптимизм и силу духа, поддержку в семье, инсульт, все же, свалил моего богатыря-Анвера в том страшном 1993 г. и не дожить бы ему до своего 80-летия, не увидеть очередных внуков и правнуков. Поэтому сейчас, по истечении времени, могу с полным основанием и уверенностью говорить, что именно Гербалайф (за другое не знаю, и не скажу) и ничто другое продлил жизнь моему Анверу, как минимум, на пять лет, а это уже большое счастье для меня и всех нас. И Гербалайф не просто тянул его жизнь кое-как, а позволил почувствовать себя по-прежнему нашим Папсиком. Ему с Эльдаром удалось завершить одну очень важную книгу, ох как он радовался, что успел это сделать, надо было видеть. А сколько радостей и теплых душевных чувств испытывал наш Папсик (и все мы вместе с ним) в дни 80-ти или 85-ти летних торжеств и других праздников, проходивших в окружении друзей, учеников и родных! Он оставался самым дорогим в нашей жизни! Могу только представить, как было здорово, если бы Гербалайф вошел бы в нашу жизнь до 1993 года...

И в заключение...

Я не могу найти слов, чтобы выразить переполняющую чувства свою благодарность всем тем, кто шел с нами бок о бок, трудился рядом, желал моему Анверу помочь в трудные периоды жизни, кто оказывал нам внимание и сочувствие. Душевная поддержка – это мощный фактор, оказывающий успокаивающее и умиротворяющее действие. Спасибо всем

тем, кто помогал нам в трудные минуты нашей жизни. Даже тем людям, которые оказывались не рядом, жили в других городах и странах, но мысленно всегда были с Анвером. Желаю вам благополучия, здоровья и счастья. Все это поддерживало нас. Анвер отдавал всего себя семье и всему тому, чем он жил, он был внимательным ко всем и большинство из них «платили» ему тем же. К нему обращались за советом даже умудренные жизнью люди. Не могу смириться, что его нет рядом со мной, с нами, его утрата лежит тяжелым камнем на сердце, но он со мной и я с ним, мы все любили его и он любил нас и эта взаимная любовь НИКОГДА не иссякнет в моем сознании до последнего моего вздоха.

Я продолжаю жить и радоваться успехам своих детей, внуков и правнуков. Живу вопреки времени и своему возрасту. Живу вопреки тому, что уже зовет меня к себе мой Анвер, мой Светоч, живу за себя и за него, которого любила и буду любить до смерти. А если на том свете суждено будет свидеться, то и там моя любовь не иссякнет...

СЛОВО О МОЕМ БРАТЕ

И.К. Рустамов

Доктор биологических наук, профессор Туркменского государственного университета, Заслуженный работник высшей школы Туркменистана, член-корреспондент АНТ (г.Ашхабад)

В 1937 г. я пошел в первый класс ашхабадской школы №24 на бывшей улице Крупской. Нашей мамы Гульямбяр в живых уже не было. Я жил с отцом у старшего брата Идаята, а Анвер – в общежитии пединститута. Еще будучи учеником младших классов (3-й класс), я видел и чувствовал, что у нашего отца – Кеюша было какое-то особенное отношение к Анверу. Так и проглядывалась его необычная гордость за сына, хотя он не мог не гордиться другими своими детьми. Он видел, что Анвер не такой как все, чувствовал и лелеял надежду, что он добьется большего в жизни, чем другие.

Анвера должны были призвать на службу в армию в 1939 г., когда началась Финская война. Отец уже тогда плохо видел. Помню день, когда Анвер, попрощавшись, ушел на вокзал.

Отец спросил:

– Что происходит на улице?

Я ответил:

-
- Верблюды идут.
 - А что они везут?
 - Бочонки из-под воды.
 - Пустые, или полные?
 - Полные.
 - Тогда Анвер вернется! – сквозь задумчивую улыбку произнес отец.

И, действительно, Анверу, как аспиранту, дали отсрочку благодаря ходатайству его научного руководителя, профессора М.К. Лаптева. Он не попал в армию в тот год, и, может быть, именно поэтому обошел Финскую войну. Помнится, как отец и Анвер подолгу беседовали о той войне. Отец не понимал, ведь в его представлении Финляндия должна была быть советской и Анвер объяснял ему, что эта страна была территорией России еще до революции, а сейчас Финляндия воюет против нас (тогда советская пропаганда скрывала факт, что СССР сам напал на Финляндию, захватив часть ее территорий – *прим. ред.*). Мне, десятилетнему мальчугану, было интересно слушать, хотя я ничего не смыслил в этом.

Анвер ушел в армию через год – осенью 1940 г. Я уже, чуть подросший, мог водить слепого отца в поликлинику. В очередной раз мы вышли на улицу. Отец слышал приглушенный звон колокольчика. Это опять шел караван верблюдов (они часто проходили по нашей улице). И снова отец спросил:

- Полны или пусты фляги на верблюдах?
- Я не мог солгать: они оказались пустыми, и отец с грустью сказал:
- Анвер, наверное, не вернется...

Однако он не терял надежды, и, когда мы ходили с ним на осмотр к врачу или сидели дома, отец часто повторял:

- Инглаб, сынок, вот приедет Анвер, и все будет у нас хорошо, и я стану здоровым.

Но, к сожалению, дожидаться Анвера ему так и не пришлось. В марте 1941 г. он уже не вставал с постели, лежал при смерти, все звал Анвера. И когда ему протянул руку старший сын Идаят, а старшая сестра Хавар сказала, что это приехал Анвер, их уловка не удалась: он не признал в руке старшего сына ладони Анвера...

Анвер проходил службу в Молдавии, и, когда началась Великая Отечественная Война, его воинская часть была брошена на передовые позиции в первые же дни. Помню, потом Анвер рассказывал о лобовых атаках с румынскими воинскими подразделениями. Это и понятно, ибо Румыния тогда была вассалом Германии. Уже через 3 месяца, т.е. в сентябре,

старшая сестра Изумруд, сказала мне, что Анвер, от которого она получила письмо, был ранен под городом Бельцы. Его, вместе с другими ранеными, чудом успели отправить в тыл в Кисловодск, в один из госпиталей, откуда он, как мне сейчас думается, и написал письмо. Вскоре его выписали и, признав временно непригодным к воинской службе, отправили в запас.

После госпиталя он сначала приехал к нам с сестрой в Баку (туда меня забрала Изумруд после смерти отца в конце марта 1941 г.), но долго не задержался и поехал дальше в Ашхабад, сказав, что его в Ашхабаде ждет любимая девушка Лиза, да еще ему надо продолжать учебу в аспирантуре.

В начале 1943 г. его вновь призвали в армию в качестве старшины Тамбовского пехотного училища, расквартированного в Ашхабаде. Так он и служил, да еще преподавал в Харьковском военно-медицинском училище, эвакуированном в Ашхабад, до тех пор, пока летом того же года, как ученый не получил бронь. Да, война сильно подорвала ряды ученых, страна думала не только о победе, но и о науке в послевоенное время...

Между мной и Анвером разница была в 12 лет. Он в нашей семье был средним братом, но по положению считался старшим, и я относился к нему не только как к старшему брату. Я относился к нему, как отцу, всегда прислушиваясь к его словам и советам. Впоследствии, моя семья и семья Анвера были наиболее близкими.

Десятки лет я навещал брата, обычно у него в доме на улице Степной, по воскресеньям, поскольку в другие дни дома его просто невозможно было застать, он был всегда занят либо в своем институте, либо в Академии наук. Каждый раз, приходя к брату, я заставлял его на мансарде – в рабочем кабинете за письменным столом. Мы обычно делились новостями. Он рассказывал о предстоящих совещаниях или симпозиумах, знакомил, с чем собирается выступать. Я всегда поражался его высокой работоспособности, но особенно тому, с каким неподдельным интересом он относится ко всему новому, к различным научным статьям и заметкам в свежих журналах. Большое впечатление всегда производила его богатая библиотека, содержащая литературу по орнитологии и другим разделам биологии, особенно по охране природы. Немало в ней было изданий на иностранных языках. Очень привлекательна его коллекция сувениров, привезенных из разных стран. Здесь же, в кабинете, на письменном столе стояли фотографии наших отца и матери. Наверное, ему хотелось, чтобы они были свидетелями успехов сына и гордились им. С другой стороны, это, несомненно, вдохновляло Анвера.

Когда я уходил, то всегда находился под впечатлением общения

с братом, был заражен его энтузиазмом и намеревался, придя домой, заняться обработкой своих научных материалов. К сожалению, большая часть времени уходила у меня, обычно, на подготовку к лекционным занятиям в университете, где я преподавал и преподаю до сих пор, но, все же, кое-что успевал написать.

Меня постоянно удивляла не только его работоспособность, но и требовательность, как к окружающим, так и к себе. Вот лишь пример. В августе 1976 г. Анвер обратился ко мне за помощью отредактировать корректуру, подготовленного им совместно с профессором А.Г. Банниковым учебника для студентов по охране природы. Он только что вернулся из Москвы после операции и лечения сложнейшего перелома бедра, передвигался на костылях. Я бы согласился в любом случае, потому что относился к брату с высоким уважением и, кроме того, мне было очень интересно с ним работать, а тем более, когда он особо нуждался в помощи.

И вот, в один из дней того жаркого месяца мы правили корректуру учебника. Во дворе Анвера под тенистой беседкой, где мы с ним работали, кирпичную площадку, периодически поливали водой из шланга. Термометр показывал более 40 градусов, было непривычно жарко даже для нас – коренных ашхабадцев. Обливаясь потом и стоя на костылях перед столом, Анвер читал корректуру и диктовал мне исправления. Я же часто спрашивал о перерыве и намекал на чай. В очередной раз, когда я посмотрел на Анвера, а потом на чайник с зеленым чаем, Анвер, усмехнувшись, воскликнул: «Инглаб, в конце концов, мы будем работать или нет?!»

Вспомнилось, как я навещал его в Москве в травматологической клинике, в которой он находился в январе-июле 1976 г. Мы беседовали, я старался вести разговоры на отвлекающие темы, но Анвер, даже лежа в гипсе на больничной койке, направлял их в научное русло.

Поскольку я всю жизнь и до сегодняшнего дня являюсь профессором Туркменского университета, преподаю на биологическом факультете, то имел контакты с биологами и сельскохозяйственного института, в котором Анвер был сначала заведующим кафедрой, а потом ректором. Многие из них, при встречах со мной всегда выказывали высокое уважение, я бы сказал, почтение к моему брату, за то, что он не жалея сил и здоровья, тратил много сил на улучшение учебно-воспитательной работы в институте и всегда работал с душой. Действительно, ведь хорошо известно, что ТСХИ в бытность ректора А.К. Рустамова имел заслуженную славу лучшего высшего учебного заведения Туркменистана, а среди вузов сельскохозяйственного

профиля входил в десятку лучших всего Советского Союза. Анвер Кеюшевич был настоящим руководителем, строго относился к сотрудникам по вопросам, касающимся служебных обязанностей, но всегда давал ценные советы и направлял сослуживцев и учеников в правильное русло, побуждая исправлять собственные ошибки.

Мне, как брату, только одному было известно, насколько он и дома переживал за работу, не переставая думать о своем детище ни днем, ни ночью. Так он любил свой «сельхоз», который был ему поистине родным домом!

В нашей большой семье Анвер был неугасаемой свечой, эталоном поведения и образцом достоинства. И мы старались брать пример с него. Я всегда спрашивал себя: «А как поступил бы мой брат в той или иной ситуации?»

Не могу не сказать о гордости за брата, которую я каждый раз испытывал, слушая, например, его речи, когда он выступал с докладами об охране природы на научных конференциях или сессиях Верховного Совета. Анвер был организатором и вдохновителем Генеральной ассамблеи МСОП в Ашхабаде в 1978 г.

Я – и сам ученый, тем не менее, просто поражаюсь, как мой брат мог сочетать руководящую работу на посту ректора с проведением научных исследований. У него почти 500 печатных трудов, причем, среди них немало монографий, книг и учебников.

Ежегодно для меня особенно радостным оставался день 17 декабря, когда мы собирались с родственниками и друзьями у Анвера дома и поздравляли его с очередным днем рождения. Кстати, этот день совпадал и с днем рождения моего старшего сына Александра. Анвер никогда не забывал поздравить и его с этим событием.

Хочется особо отметить, что мой брат с неугасаемой любовью относился к своей жене Елизавете Александровне. Как-то он признался мне, что если можно было бы повернуть время вспять и ему пришла бы пора жениться, то непременно – только и только на Лизе...

А какую большую заботу он проявлял о своих детях и внуках. Обо всех деталях этого не всем известно, но я, как брат, могу подтвердить это. Уместно сказать, что его дочь Белла – доктор наук, биохимик, работает в МГУ им. М.В. Ломоносова. «Молодец, Беллочка, порадовала больше всех!», – воскликнул Анвер, во время моего очередного посещения у него дома, когда пришло известие о защите дочерью докторской диссертации.

Младший сын Анвера Эльдар – тоже доктор наук, профессор – продолжает семейную традицию и старается воплотить то, что не успел сделать мой дорогой Анвер. Радовал его и старший сын Игорь, который рос на моих глазах, и который, окончив Бауманский ВУЗ (имеется ввиду Московский государственный технический университет имени Баумана, *прим. ред.*) дорос до ученого инженера-компьютерщика.

Заботу и внимание Анвер проявлял и по отношению ко мне. Он всегда интересовался моими научными успехами. Нередко журил меня по поводу затягивания представления готовой диссертации, которую я защитил в 43 года, но Анвер считал, что это было поздно.

Припоминается и такой случай. В августе 1968 г. я находился в Москве, где участвовал в международном симпозиуме по продуктивности ризосферы. Остановился в гостинице «Ленинградская». Вечером перед завтрашним рабочим днем решил лечь пораньше, но меня разбудил телефонный звонок. Я был обрадован голосу Анвера, который отыскал меня в большом городе. Мы договорились о встрече на завтра, после работы, и я подумал: «Надо же, ведь только позавчера мы виделись в Ашхабаде, а завтра снова будем вместе. Это мой брат меня нашел!». Я был чрезвычайно взволнован его теплым отношением ко мне.

Вот таким заботливым, внимательным, беспокойным человеком и в тоже время крупным ученым он навсегда останется в моей памяти. Для нас, оставшихся без Анвера, день 17 декабря и сейчас остается памятным, и мы каждый раз собираемся, теперь уже, к великому сожалению, без брата и делимся воспоминаниями об этом прекрасном семьянине и человеке. Для нас он жив, и мы не отмечаем день его кончины...

МОЙ ОТЕЦ – ЧЕЛОВЕК, НЕ СПОСОБНЫЙ НА ПРЕДАТЕЛЬСТВО И ПОДЛОСТЬ

Б.А. Умарова (г. Москва)

На даче, у меня на столе под стеклом старые фотографии, фотографии моего детства, молодости, фотографии из той, другой, жизни, в которой, как в песне – «все еще живы..., все еще живы...». Хочется добавить – не просто живы, а молоды, полны сил, улыбки и успешны, и, кажется, что так будет всегда, так должно быть всегда!

Почти на каждой – он – мой отец. Я люблю эти фотографии. Из Ашхабада,

из семейного архива я всегда привозила наиболее понравившиеся. Везде у него приветливое лицо и добрая улыбка, на всех фотографиях, особенно на групповых, его лицо резко выделяется на фоне остальных. Даже те, кто не знал его близко, понимают всю неординарность личности этого человека, понимают, что он являлся тем стержнем, вокруг которого и происходили основные события жизни людей, соприкасающихся с ним.

Для своей семьи он был таким стержнем. Понимание этого пришло потом, во взрослой жизни, а в детстве – папа – это такой человек, в лучах безграничной любви которого, тебе судьбой было позволено появиться на свет, расти, познавая этот мир, учиться думать, сопоставлять, переживать, радоваться, страдать, любить... Учиться жить...

И сейчас, когда я вспоминаю его, я понимаю, что главное не в тех милых сердцу и важных, возможно, только для меня событиях моей жизни, главное – в том ощущении любви, надежности, понимания и защищенности, которое не покидало меня до последних папиных дней.

Телефонный звонок из Ашхабада в тот страшный январь 2005 года, когда Рустам сообщил, что дедушки не стало, словно ледяным ветром выморозил чувства, эмоции, слезы, мысли потекли медленно – медленно, словно огромные камни, потом быстрее, и вот уже, как лавина с гор, рухнули, рассыпались, и осталась одна до пронзительности ясная – папы у меня нет...

И тогда, как спасательный круг, брошенный в водоворот смятения, как соломинка, за которую я ухватилась, возникло далекое, но такое яркое воспоминание – солнце, но не жаркое, наверное, была осень, и я с папой на открытой машине въезжаем в Фирюзинское ущелье. Мне не было и 6 лет, и я впервые в жизни увидела горы! Они были так близки, казалось, протяни руку и достанешь. Эта картина прочно врезалась в память, и возникает перед глазами всегда, как только речь заходит о горах.

И снова солнце ласково греет бок. Я сижу на струганных досках, сложенных штабелем для строительства соседнего дома, и жду папу с работы. И уже вижу большой желтый кожаный портфель с двумя карманами на блестящих замках, вижу рубашку, расшитую украинским орнаментом, срываюсь с места, несусь навстречу во весь дух, уткнулась носом в живот и ...отпрянула в испуге. Запах... этот человек не пах папой, не было родного и близкого папиного запаха. Я подняла глаза – оказалось, это был другой чужой мужчина, который улыбался, поняв мою ошибку.

Папа приходил с работы в 5 часов, мама к этому времени накрывала

на стол, и звала всех к столу обедать, не ужинать, нет, обедать. И это был настоящий обед – первое, второе, чай. Мы, конечно, ели раньше – перед уходом и после возвращения из школы, но это называлось «вторым завтраком». А обед был в то время, когда приходил папа, и вся семья собиралась за столом, во главе которого был папа. Уже потом, когда папа стал ректором, он приезжал на перерыв в час дня, и обед в нашей семье был приурочен к этому времени.

Отец работал постоянно. Я говорю не о том, что каждое утро он уходил на службу – его голова была постоянно занята решением разных вопросов и проблем, как касающихся его служебных дел, так и, особенно, науки. В нашем доме всегда выделялась комната под папин кабинет, в котором вечерами и по воскресеньям он работал за столом, «грызя науку», как он любил говорить.

Помню, летом, ближе к вечеру, когда уже солнце не так жарит, папа во дворе поливает водой из шланга площадку из кирпича, на которой проходила почти вся наша летняя вечерняя жизнь, и говорит. Я стою рядом, слушаю. А говорит он обо всем – о людях, с которыми он встречался, о поездках на конференции и съезды, о своих планах на будущее. Он говорит со мной, как с равной (к тому времени я была уже студенткой университета). И я начинаю понимать, что он не просто рассказывает мне о текущих событиях в своей жизни, нет, он учит меня разбираться в жизни, разбираться в людях, учит оценивать события, учит вырабатывать свою точку зрения и уметь ее отстаивать. Уйти от этих разговоров было просто невозможно – настолько они были интересны и притягательны.

Но вот площадка полита, наступила вечерняя прохлада, папа ставит на стол пишущую машинку и книги, просит, чтобы принесли чай. Папа садится «грызть науку». Наука была с ним всегда, была его страстью, любовью, в ней он черпал вдохновение и силы. И так было до последних дней. Уже когда я, как-то в очередной приезд, помогала править рукописи его последних работ, он, не вставая из-за письменного стола, просил достать для справки какую-либо статью или книгу, поражал меня своей памятью, точно указывая место на полке, где она хранится, и где нужно открыть, чтобы найти требуемые сведения.

И, сидя рядом с ним, я вспоминала то время, когда, будучи совсем маленькой, брала его толстенные книги с рисунками птиц и зверей, и карандашом на лист бумаги срисовывала (писать я еще не умела) названия диковинных заморских животных. Ни я, ни мои братья никак не мешали

ему, он мог печатать на пишущей машинке очередную статью, а мы в это время под письменным столом устраивали себе место для игр и довольно шумно возились там, пока мама не отправляла нас спать.

Ослушаться маму было нельзя, по крайней мере, так было заведено в нашей семье. Не помню, чтобы между родителями возникали разногласия относительно вопросов, касающихся детей – все, что скажет один, тут же подтверждалось другим. Как им удавалось достичь такого единодушия, для меня всегда было загадкой. Воспринимая маму и папу как целое, я с удивлением, замечала, что, слившись воедино за многие годы, каждый из них не потерял своей индивидуальности. Напротив, неповторимость каждого в дуэте открывалась новыми гранями и красками. Эти два человека сильно любили друг друга. Как-то при очередной встрече в Москве папа признался: «Если бы ты знала, как сильно я люблю твою маму!». А ведь к тому времени за плечами у них было уже больше 40 лет совместной жизни.

В Москве папа бывал часто. И когда я училась в аспирантуре, и потом, когда у меня была уже своя семья. Он останавливался в гостинице – так ему было удобней, и звонил мне. Несколько страниц моей записной книжки до сих пор исписаны короткими фразами – «папа», номер телефона, дата. Обязательно приглашал меня на обед в ресторан, а однажды устроил в ресторане ужин, на который пригласил меня с подругой, и весь вечер танцевал с нами, а мы млели от счастья, что у нас такой серьезный и красивый кавалер – лучше всех в зале. А я-то знала, что не только в зале – во всем белом свете.

Да и как могло быть иначе – это был прекрасный образец мужской красоты, рыцарского отношения к женщинам, душой любой компании! Помню, когда он приезжал навестить меня в колхоз, где мы, еще студентами, помогали собирать хлопок, он своим вниманием и доброжелательностью очаровывал всех вокруг, и вносил живую струю в нашу довольно однообразную, хотя и не лишенную налета студенческого романтизма, жизнь. Он приезжал ко мне, но вокруг него тот час же собирался плотный кружок студентов (его многие знали – ведь он читал лекции на биологическом факультете Туркменского университета), и разговорам не было конца.

Как-то он неожиданно появился в Москве, у меня на кафедре, зашел прямо в лабораторию, где ни с кем до этого не был знаком, но уже через минуту за чаепитием образовалась дружная компания наших сотрудников, и душой этой компании был именно он – мой папа. Потом мои сослуживцы признавались мне, что когда он вошел, кое-кто подумал, что это артист –

настолько он был великолепен!

Жаркое лето 1972 года. Мы с папой вдвоем отдыхали в санатории в Фирюзе. Вот, где отвели душу в беседах! Я, уже взрослая женщина, и папа, только что перенесший свой первый инсульт, к счастью небольшой. Он много тогда мне рассказал – о своем детстве, о родителях, о войне, которую он увидел буквально с первого дня ее начала, об экспедициях в Каракумы, о своей работе, о трудностях, которые выпали в жизни, и, конечно, о маме. О том, как много она значит в его жизни, и как мало он бы смог сделать не будь ее рядом. После таких бесед оставалось теплое чувство родства душ, и твердая уверенность, что счастье там, где миром правит Любовь.

Вот так и нанизываются воспоминания одно за другим, и перебираю я их как бусины на четках времени.

Он всегда был со мной – и в радостные дни, и, когда мне было трудно... Ему первому я сказала, что выхожу замуж, его первого познакомила со своим будущим мужем, ему первому сообщила, что мы ждем ребенка, которого потом назвала самым красивым именем – Анвер.

Может показаться, что я слишком идеализирую Отца. Что ж, не буду спорить, ведь я его дочь, и это мое представление о нем. Может, для кого-то он был более жестким, непримиримым и требовательным. Может быть... Но одно знаю – это был честный и порядочный Человек, не способный на предательство и подлость. Человек незаурядного ума и широкой души!

Родителей не выбирают. Но если бы можно было опровергнуть эту прописную истину, я все равно бы выбрала своих. И благодарю судьбу, что она сделала это за меня. Благодарю судьбу за то, что большую часть своего пути на этой Земле, я прошла и продолжаю идти вместе с дорогими мне людьми. Папы не стало, но есть его часть – мама, есть мои братья, в которых, как и во мне, папины гены, остался со мной папин голос, который говорит мне: «Жизнь – очень трудная штука, но любая сложная ситуация имеет выход. Постарайся найти его!». Я стараюсь...

ДЛЯ МЕНЯ ОТЕЦ ВСЕГДА БЫЛ ПУТЕВОДНЫМ МАЯКОМ

И.А. Рустамов (г. Киев)

Для меня отец всегда был путеводным маяком, появлявшимся всякий раз, как только в этом возникала необходимость, не раз помогавшим найти правильную дорогу в сложных жизненных лабиринтах.

Самые первые мои воспоминания об отце относятся к далёкому 1948-му году и связаны они с вынужденным отъездом нашей семьи из разрушенного землетрясением Ашхабада сначала в Баку, а затем в Подмосковье. Это наше путешествие, естественно, не могло быть радостным, потому что спасались от беды, покидая разрушенный стихией дом. Но рядом с нами был он, наш отец, тогдашний облик которого представляется мне далёким и размытым, в отличие от душевной стойкости и уверенности, которые от этого облика исходили, не оставляя сомнения в том, что раз папа с нами, то всё будет хорошо. Однако долго оставаться с нами он не мог – нужно было возвращаться назад, налаживать новую жизнь, создавать новый очаг для своей семьи. И, обустроив наше временное бытие на новом месте, он возвращается в родной город.

А потом была радость возвращения и всей семьи, вселение в только что построенный среди развалин небольшой трехкомнатный домик, которому суждено было стать нашим родовым гнездом. В этом доме и до сегодняшнего дня всё, от последней мелочи до самого его облика, пронизано памятью о нашем отце.

Мои воспоминания, относящиеся к тому периоду, носят обрывочный характер, но некоторые из них настолько прочно остались в памяти, словно всё это было только вчера.

Помню себя сидящим на коленях отца и вместе с ним наблюдающим за работой бульдозера, расчищающего территорию нашего будущего двора от земляных завалов.

Помню его довольное лицо в стеклянном окне ванной комнаты, через которое он пытается показать купающей меня маме уголок только что купленного им туркменского ковра. Того самого ковра, на котором выросло не одно поколение детей нашего дома и который по сей день хранится в моей киевской квартире.

Помню счастливое лицо папы под окнами родильного дома, куда он привёл меня с моей сестрой Беллой посмотреть на только что родившегося младшего брата.

Конечно же, все эти воспоминания из нашей семейной жизни связаны не только с образом моего любимого папы, но и моей любимой мамы, которая в моём сознании всегда присутствует как неотъемлемая часть одного целого образа моих родителей. Является образцом женской преданности мужу, с которым прожила долгую и счастливую жизнь, непрерывно заботясь о его здоровье, счастье и благополучии, создавая и укрепляя его авторитет в

сознании детей, а потом и внуков, и всего окружения семьи Рустамовых.

Помню первую школьную «линейку», на которую папа привёл меня за руку и торжественно передал непосредственно в руки школьному директору. К моему великому удивлению, последний, несмотря на то, что был значительно старше отца, оказался его учеником, о чём впоследствии не раз вспоминал, что слушал лекции «профессора», как он называл моего отца, в каком-то техникуме, где не-то учился, не-то повышал квалификацию. Данное, в общем-то, малозначительное обстоятельство, тем не менее, врезалось в мою память. Видимо, потому что впервые выплеснуло моё детское представление о папе за пределы чисто семейного восприятия его, как одного из моих родителей, заставило осознать его как общественную личность.

И это, действительно, была Личность. Мой отец был ярким представителем новой советской интеллигенции, вышедшей из рядов молодёжи – людей своего времени, прошедших непростой путь становления и воспитания уроками далеко неоднозначной жизни того времени. Природный ум, предприимчивость и смекалка позволили ему быстро понять, что хулиганистый юношеский романтизм, который по некоторым рассказам был не чужд ему в молодости, следует перековать в здравый прагматизм, позволивший обрести твёрдую жизненную позицию. Кредо его жизни стало стремление к достойному положению в обществе, образом жизни – лидерство всегда и во всём, делом жизни – наука, в служении которой он очень многого добился. В тридцать с небольшим лет он уже – доктор наук, самый молодой доктор в Туркменистане в середине прошлого века, и профессор, внесший огромный вклад в высшее образование, Заслуженный деятель науки, Лауреат Государственной премии, академик с общепризнанным авторитетом в стране и за рубежом, общественно-политический деятель, кавалер многочисленных правительственных наград, персонаж энциклопедических изданий ... – один только этот, далеко не полный перечень его достижений и заслуг, красноречиво свидетельствует о неординарности личности моего отца, рождает в душе чувство законной гордости за него.

Однако всё это общеизвестно и обо всём этом много уже написано. Для меня же он всегда был и остаётся, прежде всего, отцом, человеком близким и родным и эта семейная грань его личности представляется мне наиболее ценной.

Помню папу по многочисленным поездкам с семьёй на отдых в

пятидесятые годы (Кавказ, Черноморское побережье, Поволжье, Москва, Ленинград), во время которых, оказавшись вдали от своих общественных забот, он полностью переключался на семью, становясь ещё ближе и роднее. Его неумная энергия теперь была направлена, исключительно, на организацию нашего отдыха – транспорт, жильё, питание, экскурсии, развлечения и досуг – всё это становилось предметом его трогательной заботы, доставляло всем нам массу удовольствий. Благодаря ему, каждая такая поездка оставляла в душе чувство огромной радости, приносила много новых впечатлений, рождала чувство благодарности за счастливое детство и любви к своей семье.

По возвращению к трудовым будням, отец снова окунался в работу, перекладывая повседневную заботу о детях на маму. Но, несмотря на это, мы постоянно ощущали неусыпный контроль нашей детской жизни с его стороны. Прежде всего, отца интересовало наше образование. Лично для меня учёба «на пятёрки» стала само собой разумеющимся состоянием, «четвёрки» вызвали разочарование и неудовлетворённость, всё остальное вообще было «вне закона». Конечно же, отец хотел видеть меня своим последователем и преемником в науке, но был вынужден отказаться от этой идеи, обнаружив мои технические наклонности, которые принялся с присущей ему энергией всячески поощрять и развивать. Последней попыткой отца приобщить меня к своей науке стало моё участие после окончания восьмого класса в научной экспедиции в Западный Копетдаг, где мне довелось, наконец, увидеть отца в полевой работе. Это было впечатляюще, но меня не захватило, и эта поездка так и осталась для меня всего лишь интересной экскурсией в природу.

Зато на всю жизнь запомнилась другая поездка, которая состоялась сразу после окончания школы, когда отец взял меня с собой в научную командировку в далёкую Эстонию. Наш путь лежал через Москву, куда мы вылетели на самолёте, и, несмотря на то, что в детстве мне уже доводилось бывать в Москве, теперешнее посещение столицы, а затем и Прибалтики в облике юноши, только что получившего аттестат зрелости, сопровождаемого своим маститым отцом, по восприятию было сродни первому балу известной героини, мастерски описанному в романе Л.Н. Толстого «Война и мир». Ощущение приобщения к чему-то новому и неизведанному не покидало меня ни во время знакомства с древним городом Тарту, где проходила орнитологическая конференция, которая, собственно, и была целью командировки отца, ни во время встреч с его учёными коллегами,

ни во время двухдневного путешествия из Тарту сначала на теплоходе по Чудскому озеру, а потом, после ночёвки в маленьком рыбацком посёлке Муствээ, на автомобиле в Таллинн. Время, проведённое в Таллинне, а потом уже на обратном пути, несколько дней в Москве, вместе с отцом, положило начало нашим новым отношениям, которые уже не были похожи на прежние отношения папы и ребёнка, а приобрели окраску мужской дружбы между двумя близкими людьми, через которую лежал путь к пониманию друг друга в дальнейшей, уже не столь безоблачной жизни.

Мой отец был человеком абсолютно общественным и не мог существовать без людского окружения. Окружающие его люди, кто бы они ни были – родные и близкие, коллеги и друзья, недоброжелатели и даже враги, по сути, составляли среду его обитания, из которой он черпал всё разнообразие жизненных знаний, аккумулируя и трансформируя их в опыт и мудрость. И в ту же самую среду была направлена присущая ему энергия, посредством которой он находил и выстраивал оптимальные грани взаимоотношений с каждым из окружения в отдельности и со всем своим окружением в целом. Подобная модель общественного поведения и жизни, на мой взгляд, сродни искусству, которому научиться практически невозможно – необходимо просто таким даром обладать, и отец им не только обладал, но и мастерски пользовался. Результатом становились понимание, уважение, лидерство и авторитет, которыми он неизменно пользовался в любой компании, коллективе, обществе.

Дети семьи, в которой он родился, рано лишились родителей и среди пятерых оставшихся братьев и сестёр именно мой отец, хотя и не был старшим по возрасту, фактически занял место главы семьи, а потом и всего многочисленного рода Рустамовых, образовавшегося на её основе.

В коллективе сельскохозяйственного института, где он провел главную часть своей трудовой деятельности, отец очень быстро занял место руководителя и почти тридцать лет оставался на этом посту, превратив институт в показательный научно-образовательный центр, о чём свидетельствуют многократные признания его заслуг на этом поприще как в правительственных, научных и общественных кругах страны, так и в сознании каждого, кому довелось, хотя бы раз в жизни, иметь отношение к этому учебному заведению.

Наиболее впечатляют достижения моего отца в научной деятельности, где им были завоёваны заслуженные признание и авторитет во всём мире. Сотни научных трудов, высшие учёные степени и звания,

успешное сотрудничество с международными научными организациями, многочисленные ученики и последователи моего отца красноречиво свидетельствуют о яркости его научного таланта.

Что же говорить о роли и влиянии такого человека в его собственной семье? Здесь он был олицетворением самой истины в последней инстанции, которой никто и ничто не состояни было противостоять. Наша убеждённость в том, что не существует проблем, которые отец не сможет разрешить, всегда приводила нас к нему в сложных жизненных ситуациях, позволяла уверенно смотреть в своё будущее.

В силу жизненных обстоятельств, я довольно рано оторвался от родного дома, уехав сразу после школы учиться в Москву. Теперь моя непосредственная связь с домом носила характер краткосрочных встреч во время моих приездов на каникулы, а также во время командировок отца в столицу, к счастью довольно частых. За время учёбы я обзавёлся собственной семьёй и сам стал отцом, и по возвращении после учёбы на родину в Туркменистан, жил уже отдельно от родителей. Спустя некоторое время, я вновь покинул родные края, для продолжения образования в аспирантуре, теперь уже в Киеве, после окончания которой так и остался жить и работать там, вдали от родного дома, теперь уже навсегда.

Разумеется, что все эти годы, как и многие события этих лет, не могли не ослабить узы, связывающие меня с жизнью отчего дома, но, тем не менее, отношения дружбы и взаимопонимания с моим отцом утрачены не были. Я по-прежнему пользовался его поддержкой и советами, практической помощью в моих делах, источником которых были его неугасаемая родительская любовь ко мне, пронизательность и понимание состояния моей души, за что я всегда испытывал к нему глубокую сыновью благодарность.

Каждый раз, встречаясь со своим отцом, я не переставал любоваться этим красивым и мощным человеком, невольно испытывая гордость от сознания того, что я его сын. Неоднократно наблюдал, как под его обаяние попадали самые разные люди, которым доводилось с ним встречаться, независимо от причин и обстоятельств этих встреч. Его умение находить общий язык с самыми разными людьми, подбирать нужные слова в общении с ними и даже перевоплощаться в того, кого они желали видеть в нём в данный момент времени, восхищало. Можно бесконечно долго описывать многочисленные сцены из его многогранной жизни, красноречиво иллюстрирующие сказанное выше, приведу здесь лишь некоторые, наиболее

запомнившиеся из них.

Помню его пятидесятилетний юбилей. Мы с сестрой прилетели на празднование этого события из Москвы, встретив в самолёте коллег отца, известных московских учёных, летевших в Ашхабад с той же целью. В доме царила праздничная атмосфера, заполненная подготовкой к юбилею. Приходили разные люди – родственники, коллеги, друзья, что-то приносили, предлагали, обсуждали, одним словом, готовились к празднику. Сам же юбиляр, казалось, смотрел на всё это со стороны, словно не понимая, ради чего вся эта суматоха. Только потом, когда уже всё было готово, все домочадцы переместились к месту торжества, в дом старшего брата отца Идаята, где уже собрались многочисленные гости, и случилось так, что именно нам с отцом довелось вдвоём ехать последними, я вдруг заметил, что он заметно волнуется. Мы стояли на углу нашей улицы, поджидая прибытия автомобиля, и высокая фигура отца в строгом, элегантном костюме на фоне вечерних сумерек, показалась мне какой-то монументальной, одновременно спокойной и озабоченной. Всё в ней говорило о том, что этот, твердо стоящий на ногах человек, уверенный в правильности выбранного им жизненного пути, и на этом пути многого достигший, сегодня готовится держать экзамен перед теми, кто собрался чествовать его юбилей. И сейчас, перед предстоящим испытанием, озабочен единственной мыслью о том, насколько он сумел оправдать доверие этих людей, ставших его спутниками на дороге жизни. Дальнейшие события того вечера убедительно доказали, что этот экзамен давно уже принят самым строгим экзаменатором, каковым является сама жизнь.

Запомнился эпизод участия отца в правительственном приёме по случаю визита каких-то высоких зарубежных гостей, устроенном на загородной правительственной даче, куда он был приглашён в числе представителей местной элиты. Уже не помню, по какой причине, я оказался в служебной машине отца в качестве его сопровождающего, но благодаря этому обстоятельству, мне довелось стать свидетелем любопытной сцены. Во время разъезда гостей после окончания приема у выхода резиденции образовалось что-то вроде небольшой прощальной тусовки, в центре которой я увидел своего отца. Несмотря на летнюю жару, он был одет в синий костюм, того же цвета галстуком в мелкий белый горошек, таким же платочком, выглядывающим из нагрудного костюма, и находился в окружении тех самых иностранцев, ради которых был организован этот приём. Весь его облик, со всеми деталями туалета, на которые я даже не

обратил внимания по дороге туда, сейчас произвёл на меня впечатление по причине его уж очень органичной естественности внутри этого окружения. Неподдельный интерес иностранцев к его персоне, конечно же, не определялся только стилем одежды. По всему было видно, что и здесь обаяние отца сыграло свою традиционную роль, дало возможность гостям сразу почувствовать в нем «породу», о чем один из них откровенно признался в этом и, не удержавшись от комплимента, сравнил «господина профессора» с «английским лордом». «Вот откуда его успехи в международных связях», - подумалось мне тогда.

Еще вспоминаю его крупную голову с тщательно промытой, а потому необычно объёмной седой шевелюрой, за столиком ашхабадского ресторана, где он со своими земляками – учеными, с традиционной восточной щедростью чествовал своих коллег из других регионов страны. Разумеется, и здесь центром внимания всех участников вечера был он, как и многих, многих других застолий, на которых мне довелось его видеть. «Настоящий аксакал», – подумалось мне тогда с охватившим в тот же момент неподдельным чувством гордости.

Своё шестидесятилетие отец отмечал в Москве почти в семейном кругу. Несколько близких земляков из Туркменистана и московских друзей, приглашённых на этот вечер, организованный в уютном гостиничном номере, не приносили налёта официоза, а, напротив, подчеркивали интимность торжества. Ощущалась некоторая усталость юбиляра, потребность в спокойной обстановке, но это была всего лишь передышка перед новым двадцатилетием активной жизни. Разумеется, чествование этой даты не обошлось без официальных мероприятий и торжеств на родине, но мне в них участвовать не довелось.

Где-то в восьмидесятих годах мы встречались с отцом во время его отдыха в одном из санаториев Подмоскovie. Будучи в Москве по служебным делам, я узнал о том, что отец находится рядом на отдыхе, и выехал к нему в санаторий, где мы провели вдвоём великолепный незабываемый день. Гуляли в лесу, вместе обедали, отдыхали в его санаторном номере. Отец был в хорошем настроении, много рассказывал о домашних делах, делился своими планами, очень много шутил – мне не часто доводилось видеть его таким. После тёплого расставания, возвращаясь на автобусе в Москву, чувствовал, что доставил ему своим визитом радость, и от сознания этого на душе становилось тепло и спокойно.

Восьмидесятилетний юбилей отца, торжественно отмеченный в стенах

его родного сельскохозяйственного института, стал для него прощанием с активной общественной жизнью. Находясь в актовом зале, где проходило торжество, слушая огромное количество выступлений самых разных людей, я непрерывно прокручивал в памяти все события своей жизни, связанные с моим отцом. Они удивительно перекликались с тем образом юбиляра, который создавался выступающими с трибуны людьми. «Значит, говорят от души, - звучало в моём сознании, - значит можно довериться словам людей, знавшим отца с самых разных сторон жизни». Удовлетворённость от отсутствия фальши в этот вечер запомнилась навсегда. И, наконец, я услышал голос самого юбиляра. Выйдя из-за трибуны, с которой он произнес немногословное, но очень тёплое обращение к присутствующим в зале, отец поклонился в пояс со словами адресованной людям благодарности за то, что все годы его жизни они были рядом с ним, сделав возможной его жизнь такой, какой она была им прожита. Этот благодарственный жест вызвал мгновенный отклик в сердцах всех присутствующих людей в зале, взорвавшемся бурей аплодисментов, провожающими моего отца на заслуженный отдых.

Последующие годы жизни папа провёл в домашней обстановке, в тишине своего рабочего кабинета. Много болел, но и много работал, завершая научные труды своей жизни, при активном участии моего младшего брата Эльдара, ставшего его настоящим духовным наследником. Последняя наша встреча с отцом состоялась в родном доме в Ашхабаде. Помню его сидящим в кресле на площадке во дворе, куда он вышел подышать свежим воздухом, из-за болезни он уже не мог долго и бодро ходить. Я сижу рядом на стуле, медленно беседуем. И вдруг он обращается ко мне со словами: «Игорек, береги тех, кто рядом с тобой, это твоё богатство...». Содержание этой фразы отражало смысл жизни его самого, что он особо глубоко осознал в самом её итоге, и, видимо, он очень хотел, чтобы я это воспринял как можно раньше.

Наша тихая улочка никогда не видела такого огромного скопления людей, как в день похорон нашего отца. Когда мы вынесли его тело, завернутое в саван, из калитки родного дома, кроме людей, образовавших плотный живой коридор до самого конца улицы, пришедших проститься с ним, и мёртвой тишины в тот зимний, но мягкий день не было ничего...

Сегодня, когда я смотрю на безмолвные камни величественного мраморного надгробья на могиле отца или на безбрежную пустыню, простирающуюся вдаль от его бюста, установленного в самом центре

Каракумов, которые он исходил в многочисленных научных экспедициях, особенно остро ощущая в душе оставшуюся после его смерти пустоту, которую ничем и никогда невозможно будет заполнить.

Находясь далеко от родного дома, не ощущая этой пустоты каждодневно, невольно уходишь от мысли, что отца уже нет с нами. Вновь переживаешь боль утраты, только возвращаясь к действительности, в которой, к сожалению, не существует возврата к счастливому прошлому.

К счастью, у нас есть память, позволяющая вновь и вновь благодарно принимать то, что он дал нам при жизни и что оставил в наследство, уйдя в мир иной.

Так будем же вечно хранить её, память о прекрасном Человеке – муже, отце, брате и друге.

Пусть душа его будет с каждым из нас, а тело покоится с миром, а мы будем благодарны Аллаху за то, что дал нам возможность жить рядом с ним и быть частью его жизни.

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ...

Э.А. Рустамов (г. Ашхабад)

У натуралистов прошлого века интерес к животным и растениям, к увлекательным экскурсиям в природу, сбору коллекций часто был замечен с раннего детства. О себе сказать такого я не могу, не помню также, чтобы мой папа – Анвер Кеюшевич Рустамов, как-то направлял и наставлял меня на «путь натуралистических деяний», хотя библиотека и все, что он делал в доме, меня оставить равнодушным не могли. Еще пятиклассником по собственному желанию я сделал себе террариум, отгородив небольшую часть двора, где держал двух черепах, пойманных в южном пригороде Ашхабада, куда мы мальчишкам ездили на велосипедах. Но это не было серьезным увлечением, скорее – детским любопытством. Меня больше влекло фотодело и киносъемка, я посещал кинокружок Ашхабадской станции юных техников, а на станцию юных натуралистов не тянуло. Мечтал стать кинооператором и даже поступать во ВГИК, а под впечатлением популярной телепередачи «Клуб кинопутешествий» (так она называлась в 1960-х гг.), которую в то время, еще до Ю.А. Сенкевича (1937-2003), вел В.А. Шнейдеров (1900-1973), мечтал о путешествиях. Моя судьба решилась «в одночасье».

В 10-м классе, за пару месяцев до окончания школы, в конце

марта 1969 г., папа неожиданно сказал: «Эльдар, поезжай на весенних каникулах в Репетекский заповедник с Овезом Сопыевичем, он, как раз, собирается в очередную экспедицию, а я через недельку сам туда приеду». Где находится Репетекский заповедник я, к моему стыду, тогда не знал. На вокзале меня вместе со всеми членами экспедиции зоологической кафедры сельхозинститута (О.С. Сопыев с помощниками Р.С. Пинясовой и Л.Р. Фрейбергом) провожал Анвер Кеюшевич. Я и представить в тот момент не мог, что именно 22 марта 1969 г., с наступлением нового года (по мусульманскому календарю) и праздника Новруз-Байрам, начинается для меня совершенно иная жизнь, жизнь бесконечных путешествий в мир пустынь, большой мир зоологической науки...

Природа только отходила от продолжительной и необычно морозной и многоснежной в тот год зимы. Стояла ранняя весна, местами на склонах барханов даже сохранялись участки с неполностью стаявшим снегом. Овез Сопыевич захватил в экспедицию кафедральное фоторужье «Таир-ЗМ» и 16-миллиметровую кинокамеру «Красногорск». Эта аппаратура была на тот момент самой сногшибательной, с такой я не сталкивался даже в кинокружке, она превосходила все мои самые дерзкие мечты. Когда мы совершали походы в северную или южную («Чарлак») долины заповедника, я непременно брал фоторужье. Восторгу и ощущению полнейшего счастья от работы с ним не было конца. Я мотался с фоторужьем и камерой по поселку Репетек и его окрестностям и «охотился» на майн, которых увидел впервые в жизни, поскольку в Ашхабаде тогда их еще не было, и других птиц. Помню сизых голубей, которых воспринимал как-то по-особому, не так, как ашхабадских, буланую совку и домового сыча, бухарскую синицу и скотоцерку, удода, белокрылого дятла, курганника и ряд других «диких» для меня пернатых, первую, не зоопарковскую, встречу с зайцем-толаем. Поразила до глубины души встреча с барханным котом, несмотря на то, что длилась она несколько секунд: хищник стремглав скрылся за песчаной грядой, да так, что я не успел даже вскинуть фоторужье, преследование и поиск не увенчались успехом, больше никто из нашей экспедиции его не видел. Когда я встретил полоза и начал его снимать, Овез-ага громогласно пошутил: «Встреча Эльдара с анакондой!». Этот ироничный молодой тогда ученый – Овез Сопыевич Сопыев, получается, первым показал мне мир пустыни и ее птиц! С интересом я наблюдал, как работала герпетолог Раиса Михайловна Пинясова, как ловко она передвигалась по барханам, ловила песчаных круглоголовок и делала с их лапками какие-то манипуляции, чтобы поймать и узнать их в следующий раз. Мы развешивали скворечники

с Львом Рудольфовичем Фрейбергом (1909-1977), которые он мастерил там же в усадьбе заповедника, а в промежутках реставрировал экспонаты в небольшом музее заповедника. Дни были насыщены до предела.

Усадьба, в которой в то время находилась контора заповедника, и весь поселок Репетек мне казались одним своеобразным «микрооазисом», затерявшимся (асфальта на станцию Репетек еще не было) среди бескрайних просторов Каракумов. Но в самом поселке, особенно в усадьбе заповедника, было, как то, по-особому, уютно и приветливо. Ты находишься в дикой пустыне: вот она в трех метрах от тебя, иди и смотри, дотронься до нее руками, вдохни ее своей грудью, и, одновременно, ты в прохладном саду из экзотических пустынных «монстров» – саксаулов. Кто хоть раз побывал в Репетеке, наверняка, испытывал сходные чувства...

Через шесть дней, как и обещал, приехал папа, и на другой день директор заповедника Сувхан Вейисович Вейисов (1938-1997) организовал для него и всех нас автомобильную поездку по заповеднику – в восточную долину и далее до южных его пределов. А вечером я прощался со своими друзьями и с открытой мною страной «Репетекией», которую я навечно полюбил всей душой. Уезжать было очень грустно, единственное, что утешало – слова отца, что, если я стану зоологом, то смогу сюда возвращаться, когда захочу. На обратном пути в Ашхабад, мы заехали в Марыйский оазис, на Каракумский канал (ныне Каракумдарья), показавшийся нереально широким и мощным, знакомая мне часть его русла у Ашхабада была в три-четыре раза уже. Но участок внутри оазисных песков между Мары и Захметом на берегу канала меня не впечатлил, разве можно было сравнить его с настоящей пустыней в Репетеке. Помню слова отца о том, что Марыйский и другие оазисы, благодаря проложенному людьми каналу, забрал у пустыни часть ее владений. Я не мог знать тогда, что через 8 лет мне придется не раз побывать в этих местах Мургабской дельты для сбора материала кандидатской диссертации.

После поездки в Репетек я, буквально, стал бредить работой в поле. А отец искусно подогревал мой интерес: «Представь, если бы ты набрался терпения и пошел по следам барханного кота, то они привели тебя к ...норе ! Не так уж много людей, которым посчастливилось находить в природе норы диких котов, а тем более барханных. И, вот ты делаешь засидку, да так, чтобы хищники никоим образом не обнаружили и не услышали твоего присутствия. Представь, ты день за днем проводишь наблюдения за норой и всем тем, что происходит вокруг нее, как и какую добычу приносят взрослые в свою нору, и как потом котята выходят из норы, и как они

себя ведут... Представляешь, какое счастье проникнуть в тайны их жизни, а ведь такие тайны имеют все животные, и потом все это надо описать, сфотографировать и донести до тех, кто этого не знает, многие люди даже и не подозревают о существовании таких уникальных зверей, как барханный кот...». Встреча с барханным котом привела к тому, что я стал читать все о нем и его «родственниках». И, кстати, первый свой научный доклад в жизни на заседании зоокружка, уже в университете на первом курсе и курсовой реферат я написал по кошачьим Туркмении.

Конечно, о другой специальности, кроме зоолога, я уже думать не мог, и стал готовиться к поступлению на биофак. Вот таким простым способом папа заманил меня в зоологические сети, хотя, справедливости ради скажу, что и особых причин для сопротивления с моей стороны не было, просто я раньше не мог себе представить, что на свете существуют такие интересные занятия как полевые исследования. Впоследствии в заповедник я ездил много раз, и в каждый свой приезд, последний был в феврале 2012 г., во мне с неминуемой силой всплывают воспоминания первого посещения. Жаль, что я не спросил у папы, почему он не свозил меня в Репетек в 7-8 классе, тогда я стал бы зачитываться книгами Альфреда Брэма (1829-1884) и другими книгами про животных из отцовской библиотеки не в конце 10-го класса, а намного раньше...

Вскоре после возвращения из Репетека в наш дом пришла печальная весть – в Москве скончался дорогой нашей семье человек – профессор Георгий Петрович Дементьев (1898-1969). Никогда в жизни мне не приходилось видеть отца в таком горьком и подавленном состоянии. Дома образовалась какая-то пустота: во-первых, папа улетел на похороны своего учителя и друга, а во-вторых, было чувство, что с уходом Георгия Петровича мы все осиротели. Вспомнились более ранние годы, как он, приезжая в Ашхабад, гостил у нас дома. Соседи на улице даже думали, что это мой дедушка и спрашивали меня, кто он и чем занимается; видимо, спросить моих родителей или его самого у них духа не хватало. Соседей можно было понять, ведь они не знали, что у меня не было ни бабушек, ни дедушек, мои мама и папа поженились, когда оба уже остались без родителей. Поэтому Георгий Петрович вполне мог бы заменить мне дедушку. Во всяком случае, в моей детской памяти запечатлелось то глубокое уважение и почтение, с которыми относились мои родители к этому Великому человеку.

В первый же месяц начавшейся студенческой жизни, уже на 1-м курсе, студентов забрали на хлопкоуборочную компанию, причем, обидно, что наша мобилизация произошла накануне открытия в Ашхабаде очередной –

Пятой Всесоюзной орнитологической конференции. Несложно представить, как мне хотелось взглянуть на цвет, на элиту орнитологической науки всего Советского Союза. Но папа, несмотря на то, что хорошо понимал, что для меня важно увидеть собственными глазами ученых – орнитологов, и слышать не хотел о какой-либо отсрочке: «Еще успеешь поехать по конференциям, а сейчас - на хлопок, как все, не хватало еще разговоров о том, что ректорский сынок, не успев поступить в университет, пытается отлынивать от призыва на всенародный сбор урожая», – сказал отец, как отрезал.

Наступала весна 1970 г. У меня с папой, а, вернее, у него со мной, состоялся разговор о том, что мне следует изучать гнездовую жизнь птиц в условиях Ашхабада, «не отходя от кассы». Он посоветовал в качестве стационара выбрать Ботанический сад Академии наук. «Тебе в университете предстоит изучать целый ряд дисциплин. Каждый раз независимо от предмета все, что будет тобой изучаться, старайся пропускать через призму того, что будешь познавать в природной обстановке в ботаническом саду, территорию которого и все процессы, происходящие там с птицами, ты должен знать, как пять пальцев и видеть, как на ладони», – сказал папа, показав мне свою широкую ладонь. Подумав, он продолжил: «Помимо всего учти, что по гнездовой экологии целого ряда воробьиных птиц у нас мало что известно, и ты своей работой сможешь привнести много ценного и полезного, особенно для 3-го тома «Птицы Туркменистана», завершить который я еще не теряю надежды». Ну, а классические книги Г.А. Новикова «Полевые исследования по экологии наземных позвоночных» (1953) и А.С. Мальчевского «Гнездовая жизнь певчих птиц» (1959) он мне велел прочесть еще раньше – во время зимних каникул. Обе книги были с дарственными надписями авторов в адрес Анвера Кеюшевича, что доставляло мне особую гордость. Книг с дарственными в библиотеке было много. Что значит было? Они и сейчас существуют в отцовской библиотеке, доставшейся мне по наследству.

Так и получилось – вторым местом моего постоянного пребывания после университета в студенческие годы стал городской ботсад, а объектом повышенного внимания – южный соловей, гнездовой экологии которого была посвящена моя дипломная работа, впоследствии опубликованная в 17-м выпуске «Орнитологии» (1982).

Вот таким образом мой отец стал для меня еще и научным наставником. Естественно, мы стали с ним единомышленниками, а иначе и быть не могло. Вечерами, сидя в нашем домашнем кабинете, мы обменивались новостями, которые я приносил из ботанического сада и

университета, а он мне рассказывал о том, что делается на кафедре зоологии его института, зоологического института Академии наук, членом Ученого совета которого он состоял, и о совещаниях или научных конференциях, на которых я не бывал.

Конечно, я продолжал бы заниматься изучением воробьиных птиц в последующем, и это, по всей вероятности, вылилось в соответствующую диссертационную работу, если бы не одно «но». В самом начале я уже писал, что в школе, еще до Репетека, мечтал о путешествиях. Поэтому, как бы ни были мне интересны наблюдения за гнездами и гнездовым поведением птиц, за их взаимоотношениями между собой и с другими видами, мне стало тесно на 17 гектарах «моего» ботанического сада. Тянуло в походы и экспедиции, и папа не стал возражать и затискивать меня в аутэкологию и городскую орнитологию. После очередного разговора, он одобрил мою идею заложить, кроме ботсада, стационарные трансекты и в окрестностях Ашхабада, тем более что круглогодичных учетов птиц на постоянных маршрутах в Туркменистане до тех пор никто еще не проводил, и вообще количественная орнитология в Туркменистане явно отставала от других регионов.

И работа закипела. В 1972-1974 гг. я проводил круглогодичные еженедельные учеты птиц на трех маршрутах в пригородах столицы. Аналогичную задачу Анвер Кеюшевич поставил перед своим аспирантом К.А. Атаевым, который в те же годы стал проводить круглогодичный учет птиц в Репетекском заповеднике... Затем, в период летних каникул 1972 г., папа послал меня в Азербайджан к своему докторанту Г.Т. Мустафаеву, с которым мы освоили методику автомобильных учетов птиц, примененную А.М. Чельцовым-Бебутовым на равнинах Восточного Закавказья на полтора десятилетия раньше, еще в 1958 г. Мои орнитологические маршруты под Ашхабадом и автомобильные учеты в Азербайджане окончательно перевесили чашу весов в пользу дальнейших занятий количественной орнитологией. Еще до выпускных экзаменов Анвер Кеюшевич, используя образный перевод азербайджанской пословицы, сказал, что надо будет соединить наши ребра с ребрами профессора Александра Михайловича Чельцова-Бебутова (1922-1978) из Московского университета, который научит меня, как и где считать птиц и каким способом эти данные анализировать и использовать. Тем не менее, папа настоял на защите моего диплома по южному соловью, а не по количественным характеристикам населения птиц под Ашхабадом (материала было более, чем достаточно в обоих случаях), поскольку был уверен сам и убедил меня, что без знания основ экологии

птиц изучать их население, будь то на ограниченных площадках, или на огромных территориях, невозможно.

Вот так – взяв меня за руку, как когда-то в далеком детстве, повел меня папа по дороге, которая все расширялась и расширялась передо мной, по дороге, по которой мы потом шли вместе. Эта дорога началась с тех самых весенних дней в Репетеке и на Каракумдарье и продолжалась на протяжении, без малого, сорок лет, когда мы заканчивали Главную его книгу - «Животный мир Туркменистана», вышедшей в свет уже после его кончины. Много было интересных, важных и знаменательных моментов на этом пути, о которых мне, я надеюсь, удастся написать в воспоминаниях в будущем. Здесь же я поведал только о том, как все начиналось.

Мне, как сыну, конечно, повезло больше, чем кому-либо из учеников Анвера Кеюшевича, у меня была постоянная возможность обратиться к нему в любое время дня и ночи, подолгу спорить с ним, слушать, спрашивать и учиться. Учиться у него всему, чему только было возможно... В школьные годы я больше чувствовал присутствие мамы в своей жизни, а вот в университете по настоящему ощутил истинное значение отца. За все это я безмерно благодарен, моему папе, нашему отцу и судьбе – благодарен за единственный шанс из миллиона, который выпал мне – быть рожденным от этого добрейшего и сильного человека и прожить с ним рядом, дышать одним воздухом более полувека в нашем родном доме, работать вместе в одном кабинете и библиотеке. Сейчас уже минуло почти восемь семь лет, как я осиротел, но мой отец всегда незримо присутствует рядом, я ощущаю это присутствие в его книгах и вещах, его свет продолжает освещать мой научный путь.

ДЛЯ МЕНЯ И ВСЕХ РУСТАМОВЫХ ДЕДУШКА БЫЛ И ОСТАНЕТСЯ ГЛАВОЙ НАШЕГО РОДА

Э.И. Рустамов (г. Анкара)

Для меня, и, я уверен, для всех Рустамовых, Дедушка всегда был и останется главой нашего рода! Мне до сих пор иногда кажется, что вот я приеду в Ашхабад и как в детстве, смогу обнять своего Дедушку! Когда в следующую секунду я понимаю, что это не так, на душе становится очень больно и пусто! У меня в компьютере хранятся фотографии с Вечера Памяти и снятый моим двоюродным братом Рустамом фильм о Дедушке. Смотреть без слез его невозможно! Для всех нас эта утрата невозполнима!

Мы просто должны жить с этим!

Время беспощадно к людям!

Но против беспощадного времени встает человеческая Память!

Пока Светлая память о нашем Дедушке жива в наших сердцах, время не может торжествовать победу над ним! Шекспир по этому поводу сказал:

«Ты десять раз на свете будешь жить

Десятикратно в детях повторенный.

И сможешь ты и в свой предсмертный час

Торжествовать над смертью побежденной!»

Все мы – дети внуки и правнуки Анвера Кеюшевича Рустамова несем в себе его гены, его кровь, и мы должны быть достойны этого наследия, чтобы душа его радовалась и получала вознаграждение от Всевышнего не только за его достойные дела, но и за дела его потомков! Всевышний Аллах в Святом Коране сказал: «Все вы возвращаетесь к Нему согласно истинному обещанию Аллаха. Он создает творение в первый раз, а затем воссоздает его, чтобы по справедливости вознаградить тех, которые уверовали и совершали праведные деяния». (Сура «Йунус», Аят 4). Allah rehmet etesin!

ВСЕ ДЕТСТВО – С ДЕДУШКОЙ, КАКОЕ СЧАСТЬЕ !

Н.Э. Рустамов (г. Саратов)

Я не говорю и не пишу о моем Дедушке в прошедшем времени, так как память о нем всегда в моих мыслях и душе. Он жив. Любовь, которую я испытываю к нему, остается в моем сердце!

Первое что приходит в голову, когда вспоминаешь о Дедушке – это тишина. Тишина, которая царит в доме, когда он находится в своем рабочем кабинете. Ни детские шалости, ни наше любопытство не могут нарушить таинственную атмосферу, пронизывающую весь дом во время Дедушкиных занятий наукой.

Огромная библиотека не может полностью разместиться в его кабинете, и книги занимают свои места на дополнительных полках и стеллажах в зале, коридоре, на мансарде. Над книжными шкафами и на полках располагается разнообразная коллекция подарков и сувениров в виде фарфоровых и бронзовых фигурок птиц и зверей, привезенных Дедушкой из разных стран (Бабуля почему-то называет их «финтифлюшками», меня до сих пор забавляет это слово).

День у Дедушки начинается в 6-00 с похода в душевую, устроенную во дворе. Там он принимает холодный душ и, оборачиваясь в огромное пестрое,

полосатое полотенце, возвращается в дом, где его ждет приготовленный Бабулей завтрак. Тем временем нужно поднимать меня и брата в школу и он, подходя к лестнице, ведущей на мансарду, где мы спим, с характерной для него интонацией громко, как - будто по военному, произносит: «Нарькин, Руськин, подъем!» Естественно, нам с братом не хочется вылезать из теплых постелей, и Дедушке нужно более настойчиво нас будить. Бывало так, что даже ему приходилось подниматься. Но стоит нам услышать его шаги по лестнице, сон сбивает, как рукой.

Он часто бывал в заграникомандировках, и мы, как, наверное и все дети, с нетерпением ждали его приезда по простой причине – он никогда не приезжал без подарков. Помнится, как он вернулся из очередной поездки. Нашей с братом радости не было предела, он привез нам игрушечные пулеметы. Сейчас детей трудно чем-то удивить, но тогда... Вся улица, да что улица, весь квартал завидовал нам. Но на фоне всей этой эйфории никто, даже мы с братом не заметили маленькой эмблемы знака качества – «Сделано в Советском Союзе...»

И еще я помню какое счастье и какую гордость я испытывал, когда Дедушка в какой-то из праздников вел меня за руку по Выставке достижений народного хозяйства Туркменистана. Вся грудь его была увешана орденами и медалями, а на лицах идущих навстречу людей я видел неподдельное почтение.

К нам в гости, к Дедушке, часто приходили гости, как родственники, так и друзья, коллеги по работе. Мне по-детски было непонятно, о чем они говорят, но неподдельный интерес и искреннее уважение ясно читались на лицах любого из гостей, когда они слушали моего Дедушку.

Эти и многие другие воспоминания очень дороги для меня, поскольку они пронизывают все мое детство, всю мою душу. Именно эти моменты вызывают наиболее теплые чувства. Постоянная забота, любовь и в тоже время ни на секунду не ослабевающий контроль со стороны моего любимого Дедушки и любимой Бабушки ежеминутно со мной.

Имя моего Дедушки неразрывно связано с именем другого дорогого мне человека – моей Бабушки Лизы, Елизаветы Александровны. Именно она на протяжении всей его жизни была незаменима и любима им! Наша удивительная семья по праву называется мною эталоном семейной жизни! Полнейшее взаимопонимание и взаимоуважение – вот основные столпы жизненного устоя семьи, членом которой я являюсь. Я горжусь этим – частицей этой семьи – частицей жизни моего Вечного Дедушки – Анвера Кеюшевича Рустамова!

ДЕДУШКА – МОЙ – НЕСГИБАЕМОЙ ВОЛИ ЧЕЛОВЕК

Р.Э. Рустамов (г. Ашхабад)

Ученый с Большой буквы, ректор одного из крупных вузов страны, руководитель от Бога, организатор, общественный деятель, отец семейства... Харизматичный лидер, производящий такое сильное впечатление, что не забыть никогда. Человек, которому изначально было уготовлено судьбой прожить яркую жизнь, не тлеть, как угли, а гореть ярким пламенем костра, на тепло которого сходилось много народа.

Мне повезло намного больше, я вхожу в ту восьмерку, которая по праву и с гордостью может называть этого человека своим Дедом. Вы спросите, повлиял ли он на мое детство и взросление? Несомненно!

Я вам так скажу, даже в глубоко преклонном возрасте он никогда не ныл и не жаловался на судьбу, не охал, не брюзжал – это же какой стержень внутри надо было иметь, из какой стали? Такое его отношение к жизни – лучший пример для подражания. Вам нужен портрет моего Деда? Записывайте составляющие: дисциплина, высокая аккуратность и требовательность к себе и другим, готовность помочь в трудный момент, радушие, неиссякаемая тяга к знаниям, отсутствие вредных привычек, все это помножьте на большое доброе сердце и, тогда, вы будете приближены к его портрету.

Уверен, что с таким характером и работоспособностью он бы смог добиться успеха в любой другой сфере деятельности, будь то бизнес или политика. Но выбрал науку, а она выбрала его. В этой жизни ничего случайно не происходит, мы все выбираем какие-то пути, но далеко не каждый достигает своей сто процентной реализации.

Раскрою секрет. В своем бизнесе мне помогает имя Дедушки и сегодня. При разговоре с клиентами или чиновниками, особенно представителями старшего поколения, меня нередко спрашивают: «... У вас знакомое лицо, вы случайно не имеете отношения к академику Рустамову из сельхоза?..», - и если да, то вопрос решен. Узнав, что я внук самого Анвера Кеюшевича, уровень благосклонности собеседников ко мне увеличивается в разы и все вопросы решаются положительно, а уровень моей ответственности и гордости за фамилию еще больше повышается. Это поразительно, ведь столько лет прошло, а люди помнят. Видимо, не зря, видимо, есть за что.

Конечно, болезнь подкосила его, это все равно, что плеснуть ведро

воды в пылающий костер. Но скажу, он не сдавался, и назло insultам продолжал жить и работать. Это надо было видеть, как организм и душа человека боролись за то, чтобы не просто дышать и ходить, а за то, чтобы завершить задуманное. И ему удалось, он успел многое закончить, и это все благодаря своей несгибаемой воле.

Я был с ним до самого последнего дня. И когда там, в Чоганлы, во время погребения люди бросали землю лопатами, попеременно сменяя друг друга, я смотрел и не мог сдержать слез, а в голове – только два слова: – «...Спасибо...» и «...Прости...». Спасибо – за то, что ты был среди нас, был именно таким, освещая нам дорогу в жизни. Прости – за то, что нужно было куда больше времени посвятить общению с ним, еще больше узнать и большему научиться, обращаться за советом, просто говорить и говорить «за жизнь». Да, все надо делать вовремя, быть с родными людьми, пока они живы, и проявлять заботу, когда они особенно нуждаются в этом, чтобы успеть отдать свой долг внуков, который мы, наверно, уже никогда не сможем возвернуть. В этом для меня служит примером мой отец, которым я восхищаюсь за все то, что он делает, чтобы имя Рустамова Анвера Кеюшевича оставалось не только в памяти его родных и друзей, но и служило источником вдохновения для правнуков, а по большому счету – сохранилось в истории науки и просвещения для потомков...

Пусть же земля наша будет моему Дедушке пухом и светлая ему память. Душа твоя пусть будет спокойной, мой родной, ты это заслужил, как никто другой. А мы, внуки и правнуки, постараемся быть достойными твоим продолжением...

ДОБРОТА И ЧЕСТЬ – ЭТО ТАЛАНТ И БОЖЬЯ БЛАГОДАТЬ

С.М. Кулиева

Экс-доцент Туркменского национального
института мировых языков (г. Ашхабад)

Всевышний и природа одаряют каждого по-своему.

Но самый большой дар – это дар чести, совести и доброты.

И он был воспринят и реализован этим, я не побоюсь слова, уникальным и Великим человеком. А уникальность Анвера Кеюшевича Рустамова – в созданной им семье, воспитании детей, трудолюбии, отношении к родным и близким. Я убеждалась в этом не раз, несмотря на то, что не считалась родственницей по крови. Не было в этом человеке

высокомерия, он был прост, внимателен, общителен, способен понять каждого, посочувствовать. Коллеги и ученики – души в нем не чаяли, он выслушивал каждого и каждому протягивал руку помощи. Помнится такой эпизод: я, как-то попросила поработать преподавателем-совместителем на подготовительном отделении сельскохозяйственного института. Возражений со стороны ректора не последовало, но когда зав.кафедрой русского языка предложила взять меня на постоянную работу, Анвер Кеюшевич отказался, сказав, что с удовольствием, но если бы она не была родственницей. Я не обиделась, ибо понимала, что родственные чувства и желания были несовместимы с требованиями и общественным мнением того времени. Но великую поддержку моей семье – семье его племянника Кемала (сына старшей сестры Анвера Кеюшевича – Хавар-ханум), я чувствовала всегда.

Меня долгое время не покидало желание продолжить учебу и поступить в аспирантуру. Анвер Кеюшевич знал об этом. Как-то, в один из сентябрьских дней, он, по пути домой на обеденный перерыв, заехал, к нам домой: «Собирайся в университет, зайди на прием к проректору по учебной работе, есть место в очную аспирантуру». И действительно, так оно и было, но... я тогда не смогла стать аспиранткой по семейным обстоятельствам, надо было поднимать троих сыновей, и не важен был результат, важно и ценно для меня было внимание и забота нашего любимого дяди Анвера, так мы его ласково и искренне называли в нашей семье. Моя семья по-особому, я бы сказала, с неизмеримой гордостью и благоговением относилась к Анверу Кеюшевичу. Мы преклонялись перед ним в прямом смысле слова. Мой покойный муж Кемал видел в дяде Анвере не только величие, опору и поддержку. Он старался быть достойным его внимания и быть настоящим, а не на словах, родственником и племянником, он любил своего дядю как отца. И это Анвер Кеюшевич знал и чувствовал, поэтому, и не только поэтому, очень близко переживал кончину Кемала. На похоронах, подойдя ко мне, сказал: «Почему вышло так? Почему он ушел раньше времени? Первым должен быть я, а не он...».

Не только мы, все родственники, искренне радовались и гордились всем, что сочеталось в Анвере Кеюшевиче: высокий и элегантный кареглазый красавец, но главное – ум, честь, добродетель. Особенно убеждаешься в этом сейчас, по истечении времени, когда видишь, как земля оскудела без таких людей, как он. «Жизнь прожита не зря...», – это его слова, и они были сказаны не для красного словца. Казалось, я, как родственница Анвера Кеюшевича, должна была быть в курсе всех его деяний, но я была поражена, когда листала страницы его биографии: неужели один человек может

сделать так много. Какая для этого нужна организованность и собранность, сколько времени и физических сил? Невероятно! Я более чем уверена, что об этом задумался каждый из родственников, каждый из не родных ему людей, которые даже и не представляли всю полноту государственной и общественной жизни этого человека, пока не прочли книгу о нем. Он никогда не заострял на этом внимание. Анвер Кеюшевич прожил большую часть своей жизни в небольшом доме. Лишь под конец жизни по советам и уговорам родственников он оформил его как частное владение. Вместе со своей верной спутницей жизни – Елизаветой Александровной он перешагнул рубеж бриллиантовой свадьбы. Скромная обстановка, скромный образ жизни, без претензий на шик, а о мещанстве и речи не могло быть, я никогда не видела на его жене или дочери дорогостоящих украшений. Драгоценностями были их любовь, скромность, гостеприимство, причем, не только по отношению к нему самому, но и ко всем родственникам и друзьям, с кем была связана эта, я опять не побоюсь слова, уникальная семья! В теплые вечера, нередко по семейным торжествам, мы собирались за столом в небольшом дворике дома 21 по улице Степной: хозяйка организовывала застолье, всегда было вкусно, весело, душевно. Всего не перескажешь...

Для меня и для моей семьи он жив. Небольшой портрет дяди Анвера, который Кемал выпросил у него и принес в дом, подарок из командировки в далекую Африку, да простенькая визитная карточка – вот предметы, хранящие в нашем доме, как реликвии, бесконечную память об этом чудесном человеке...

С Аллахом не спорят, но мне хочется упрекнуть ...природу: ну, почему должны уходить такие людские шедевры !? Они должны жить и украшать нашу Землю как эталоны ума, добра и чести !

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ В ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.К. РУСТАМОВА

1917 (17 декабря) – родился в г. Ашхабаде (ныне – Ашгабат – столица Туркменистана) в семье школьного учителя.

1932 – окончил семилетнюю школу.

1932-1933 – учащийся Ашхабадского индустриального техникума (до его закрытия).

1934-1938 – студент естественного факультета Ашхабадского государственного педагогического института им. А.М. Горького (с 1950 г. – Туркменский государственный университет, с 1992 г. – имени Магтымгулы), одновременно в 1936-1937 гг. преподавал на курсах Туркменского института просвещения.

1937-1939 – преподаватель Ашхабадского физкультурного техникума.

1939 – поступил в очную аспирантуру на кафедру зоологии Ашхабадского государственного педагогического института (научный руководитель – проф. М.К. Лаптев).

1940-1941 – служба в армии и участие в начале Великой Отечественной Войны (на территории Молдавии), после ранения и контузии переведен в запас.

1941 – женился на Елизавете Александровне Юховской (в замужестве – Рустамова).

1942 – рождение дочери Беллы.

1942 – преподаватель Харьковского военно-медицинского училища (эвакуированного в г. Ашхабад), одновременно – продолжение учебы в аспирантуре (заочно).

1942-1943 – исполняющий обязанности старшего научного сотрудника Биологического института Туркменского филиала АН СССР.

1943 – защитил кандидатскую диссертацию: присуждена ученая степень кандидата биологических наук и звание старшего научного сотрудника.

1943 – повторная служба в армии – старшина Тамбовского пехотного училища (дислоцированного в г. Ашхабаде).

1944-1945 – директор Зоолого-зоотехнического института и Ученый секретарь Президиума Туркменского филиала АН СССР.

1945 – рождение сына Игоря.

1945-1947 – старший научный сотрудник Зоолого-зоотехнического института Туркменского филиала АН СССР, одновременно – в заочной докторантуре АН СССР (научный руководитель – проф. Г.П. Дементьев).

1946 – избран членом Московского общества испытателей природы.

1947-1978 – заведующий кафедрой зоологии Туркменского сельскохозяйственного института им. М.И. Калинина (с 1994 г. – Туркменский сельскохозяйственный университет им. С.А. Ниязова).

1948-1949 – декан зооветеринарного факультета (по совместительству) того же института.

1948 – пережил Ашхабадское землетрясение, участвовал в ликвидации последствий трагедии, восстанавливал работу института.

1949 – присвоено звание доцента, избран членом Всесоюзного общества «Знание».

1950 – защитил докторскую диссертацию: присуждена ученая степень доктора биологических наук и звание профессора.

1950-1964 – профессор кафедры зоологии (по совместительству) Туркменского государственного университета им. А.М. Горького (с 1992 г. – имени Магтымгулы).

1952 – рождение сына Эльдара.

1952-2004 – член Ученого совета (в 1960-1988 – Председатель, 1998-2004 – Почетный член) Туркменского сельскохозяйственного института (с 1994 – сельскохозяйственный университет).

1954 – участник XI Международного орнитологического конгресса (Швейцария, г. Базель) и III [Всесоюзной] экологической конференции (г. Киев).

1955-1968 – член Президиума и ответственный секретарь Туркменского республиканского Комитета защиты мира.

1956-1987 – Председатель Ашхабадского городского отделения Всесоюзного общества «Знание».

1956-1991 – член Орнитологического комитета АН СССР, один из организаторов и участник I-X Всесоюзных орнитологических конференций.

1957-1997 – член Ученого совета Института зоологии АН Туркменистана.

1959-1991 – член Президиума Туркменского республиканского общества «Знание».

1959-1997 – Председатель постоянной комиссии по охране природы АН Туркменистана.

1960-1978 – организатор и Председатель Ученого специализированного совета Туркменского сельскохозяйственного института по защите кандидатских диссертаций.

1960-1988 – ректор того же института.

1960-1991 – член Научного совета АН ТССР по проблеме – «Биологические основы освоения, реконструкции и охраны животного мира» и редколлегия журнала «Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия биологических наук».

1961 – участник I Всесоюзного совещания работников ВУЗов (г. Москва).

1963-1971 – Народный депутат и Председатель комиссии по сельскому хозяйству Верховного Совета (ныне – Меджлис) Туркменистана.

1963-1972 – Председатель Туркменского республиканского совета Научно-Технических Обществ (НТО СССР).

1966-1991 – член Зоогеографического комитета АН СССР, один из организаторов и участник IV-VIII Всесоюзных зоогеографических конференций; член Совета по координации научно-исследовательских работ при Президиуме АН ТССР и Председатель секции по сельскохозяйственным наукам.

1967 – присвоено Почетное звание «Заслуженный деятель науки Туркменской ССР»; чтение лекций в Англии (г. Лондон) по линии Всесоюзного общества «Знание».

1968 – участник Межправительственной конференции UNESCO по программе МАВ – «Человек и Биосфера» (г. Париж) и III Всесоюзного съезда НТО СССР (г. Москва).

1968-1978 – член Центрального совета НТО СССР.

1968-1998 – Председатель Туркменского общества охраны природы и организатор I-V съездов этого общества.

1969 – избран членом-корреспондентом АН ТССР.

1969 – организатор V Всесоюзной орнитологической конференции, посвященной памяти Г.П. Деметьева (г. Ашхабад), участник IX Международного конгресса биологов-охотоведов (г. Москва) и X Генеральной ассамблеи Международного союза охраны природы и природных ресурсов – IUCN (г. Дели).

1969-1976 – член Национального комитета СССР по изучению вирусов, связанных с птицами.

1969-1991 – член Научного совета АН СССР по проблеме – «Биологические основы

освоения, реконструкции и охраны животного мира».

1970 – участник совещания Восточно-Европейского комитета IUCN по просвещению (Болгария, г. София).

1970-1991 – член Комитета по Государственным премиям Туркменской ССР в области науки и техники и член Главной редакции Туркменской Советской Энциклопедии.

1971-1991 – участник V-IX съездов Всероссийского общества охраны природы.

1972 – участник Международной конференции UNESCO по социальному и культурному развитию стран Центральной Азии XIX-XX вв. (г. Ашхабад).

1973 – участник II Всесоюзного совещания работников ВУЗов и очередной Всесоюзной экологической конференции (г. Москва).

1973-1975 – член Комиссии IUCN по просвещению.

1973-1991 – член Всесоюзного герпетологического комитета АН СССР, один из организаторов и участник III-VII Всесоюзных герпетологических конференций.

1974 – участник Всемирной выставки по охране природы – «EXPO-74» (США, г. Спокэн).

1974-1991 – член Научного совета по Комплексному изучению и освоению пустынных территорий Средней Азии и Казахстана.

1975 – избран Академиком АН ТССР.

1975 – руководитель советской делегации Международной конференции по охране природных ресурсов Ближнего Востока и Юго-Западной Азии (г. Тегеран), участник XIII Генеральной ассамблеи IUCN (Заир, г. Киншаса) и Юбилейной сессии, посвященной 250-летию АН СССР (г. Москва).

1975-1979 – руководитель советско-американского Проекта «Охрана экосистем засушливых регионов».

1975-1983 – член Комиссии IUCN по природоохранному планированию.

1976 – организатор I научной конференции по охране природы Туркменистана (г. Ашхабад), участник XXIII Международного географического конгресса (г. Москва) и VI Международного симпозиума по арбовирусам (г. Новосибирск).

1977 – участник Межправительственной конференции UNESCO по образованию и охране окружающей среды (г. Тбилиси).

1978 – Участие в работе Исполнительного совета IUCN (Швейцария, г. Гланд); Генеральный секретарь по организации и проведению XIV Генеральной ассамблеи IUCN (г. Ашхабад).

1978-1988 – организатор и заведующий кафедрой охраны природы (первой среди сельхозвузов СССР) Туркменского сельскохозяйственного института.

1978-1991 – член Научно-методического совета Главного управления по сельхозвузам МСХ СССР и Научно-технического совета по проблемам окружающей природной среды Государственного комитета по науке и технике СМ СССР.

1979 – организатор Всесоюзного совещания по охране птиц, посвященного памяти Г.П. Деметьева (г. Ашхабад), участник Всесоюзной конференции по охране биосферы (г. Кишинев) и Юбилейной сессии, посвященной 50-летию ВАСХНИЛ (г. Москва).

1980 – организатор юбилейных торжеств и научно-практической конференции, посвященных 50-летию первого вуза Туркменистана – Туркменского сельскохозяйственного института (г. Ашхабад), участник III Всесоюзного совещания работников вузов (г. Москва) и Пленума советского Комитета по программе UNESCO «Человек и Биосфера» (г. Алмата); чтение лекций в Швеции (г. Стокгольм) по линии Всесоюзного общества «Знание».

1981 – организатор II научной конференции по охране природы Туркменистана (г. Ашхабад), участник I Всесоюзной конференции по образованию в области охраны окружающей среды (г. Минск) и очередного Пленума советского Комитета по программе UNESCO «Человек и Биосфера» (г. Душанбе).

1981-1985 – Председатель постоянного оргкомитета Всесоюзных олимпиад «Студент и научно-технический прогресс» среди сельскохозяйственных вузов (по биологическим наукам).

1981-1988 – организатор и научный руководитель Проблемной лаборатории по охране и рациональному использованию животного мира при кафедре охраны природы Туркменского сельскохозяйственного института.

1981-1991 – Председатель комиссии по охране природы комплексной программы «Научно-технический прогресс Туркменистана».

1982 – член оргкомитета и участник XVIII Международного орнитологического конгресса (г. Москва), организатор III Всесоюзного совещания по разведению редких и ценных видов животных (г. Ашхабад).

1983 – Лауреат Государственной премии Туркменистана в области науки и техники – за «Цикл работ по охране природы».

1983 – член-учредитель Всесоюзного Мензбировского орнитологического общества (до 1992 г. – Вице-президент); участник I Международного конгресса по биосферным заповедникам (г. Минск) и советско-американского симпозиума в рамках проекта «Охрана экосистем засушливых регионов» (г. Ашхабад).

1984 – участник XVI Генеральной ассамблеи IUCN (г. Мадрид), II Всесоюзной конференции по образованию в области охраны окружающей среды (г. Иваново), расширенных Пленума советского Комитета по программе UNESCO «Человек и Биосфера» (г. Кишинев) и заседания по Проблемам заповедного дела и сохранения биологических ресурсов аридной зоны СССР (г. Ашхабад – пос. Каракала).

1984-1991 – член Научного совета АН СССР по проблемам биосферы и советского Комитета по программе UNESCO «Человек и биосфера».

1984-1993 – член Исполнительного совета IUCN.

1985 – руководитель советской делегации на XIX заседании Исполнительного совета IUCN (Швейцария, г. Гланд); избран Почетным членом Мензбировского орнитологического общества.

1985-1991 – эксперт по проблемам охраны природы Научно-технического совета Госагропрома СССР.

1986 – участник Всемирной конференции по охране природы (г. Оттава) и расширенной сессии Научного совета АН СССР по проблемам биосферы (г. Ашхабад).

1987 – участник встречи «Круглый стол: пустыня – вчера, сегодня, завтра» в Агентстве печати новостей – АПН СССР (г. Москва) и Международного конгресса (программа UNESCO/UNEP) по образованию и подготовке кадров в области окружающей среды (г. Москва); организатор совещания орнитологов Средней Азии, посвященного памяти Г.П. Дементьева (г. Ашхабад).

1987-1991 – член координационного Совета АН СССР по проблемам миграций, управления поведением и численностью птиц.

1988-1997 – профессор (1993-1997 – профессор-консультант) кафедры охраны природы Туркменского сельскохозяйственного института (с 1994 – сельскохозяйственный

университет).

1990 – участник советско-американского диалога (г. Канзас) за безопасность народов в рамках программы советского Комитета защиты мира.

1990-1992 – Главный научный сотрудник-консультант лаборатории герпетологии и териологии Института зоологии АН Туркменистана.

1990-1997 – Член Бюро отделения биологических наук АН Туркменистана.

1992-1997 – организатор и руководитель лаборатории Института зоологии АН Туркменистана по проблемам охраны биоразнообразия и орнитокомплексов Средней Азии, заместитель председателя Ученого специализированного совета того же института по защите диссертаций.

1992-1998 – член Президиума Экологического фонда Туркменистана.

1993 – переизбран академиком АН Туркменистана.

1995 – участник II Азиатской герпетологической конференции (г. Ашхабад).

1996 – вступил в Союз охраны птиц России.

1998 – вышел на пенсию и, несмотря на болезнь, завершил главный труд своей жизни – монографию «Животный мир Туркменистана его охрана» (опубликована на туркменском и русском языках в издательстве «Ылым» в 2011 г., версия PDF – в 2012 г.).

2000 – избран Почетным членом Туркменского общества охраны природы.

2005 (18 января) – скончался на 88-м году жизни в своем доме в г. Ашгабате; похоронен на кладбище «Чоганлы».

ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ПОЕЗДКИ А.К. РУСТАМОВА ПО ТУРКМЕНИСТАНУ (1940-1992 гг.)*

1940 г. - 06.05-05.07 – Восточный Туркменистан (и приграничные районы Узбекистана) – долина Амударьи: 06-13.05 – Чарджоу (ныне – Туркменабат) – Ходжакала (левобережье) – Хандек – Орташуаб; 14-18.05 – в окрестностях Дейнау; 19.05 – пойменное озеро Ильджик (правобережье); 20-25.05 – Гойнук (левобережье) – Кабаклы – левобережье в 190 км ниже Чарджоу – тугай Гогерчинли (левый берег) – тугай Кукурде (правобережье); 26-27.05 – окрестности Дарганата (ныне – Бирата); 28.05-02.06 – озеро Акрабат (левый берег) – тугай Джигирбент (также на левом) – Дуль-дуль Атлаган (правобережье) – озеро Садывар (левый берег) – остров Талдытугай; 03-07.06 – окрестности Хазараспа (левый берег) и Түрткүля (правый); 08-11.06 – Карамазы – Ургенч – Шаабастугай – Сарытаутугай и мечеть Али-баба (все стоянки по левому берегу); 12-13.06 – Бадайтугай на правобережье; 14-15.06 – останцы Джимуртау и озеро Ходжакуль (на правом берегу); 16-17.06 – в правобережном тугае Бекбай; 18.06 – у Нукуса и в его окрестностях; 19-27.06 – Ходжейли и окрестности; 28.06-05.07 – озеро Алиликуль.

1940 г. - 05-10.09 – Центральный Копетдаг: Чули (ныне Гекдере) – Гермаб.

1942 г. - 01-10.07 – Центральный Копетдаг: Чули.

1945 г. - 16-22.01 – Репетекский заповедник.

1945 г. - 12.04-16.05 – Северо-Западные Каракумы: 12-14.04 – Ашхабад – Арчман – Казанжик (ныне – Берекет) – аул Гяур; 15.04 – экскурсия у Гяура; 16-29.04 – Гяур – через колодцы

** составлено Э.А. Рустамовым по дневникам отцом*

Тоголок – Мазарлы – Кандымлы – Едыхауз – Гарригечит – по Западному Узбою – Мелегоч – Янаджи – Дортиллер – южная оконечность Гапланкыра – Говенек – Ильясмолла – Ортакуи – Екедже – Пишке – чинк Зенгибаба – развалины крепостей Шасенем и Кызылчагала – Айрытам – аул Копекли – пос. Ильялы (ныне – Гурбансолтан) – Ташауз (ныне – Дашогуз).

1946 г. – 13.04-10.05 – Юго-Восточный Туркменистан: Ашхабад – Каахка – Душак – Меана – Чача – 1-й Тедженстрой – Серахс – Яловач – Хан'яб – Довлетабад – Новрузабад – хребет Гезь-Гедык – Беикабайчешме – колодцы Джумаджик – Адам-олен – Пинханчешме – Керлек – Акарчешме – Зюльфагар – Акрабат – Гошачанга – пойма Ислимчешме – Кушка (ныне – Серхетабат) – Моргуновка (ныне Серхетчи) – фисташиновый хребет – долина Кушки – Чеменибид (ныне Чеменабат) – Калаймор – Тахтабазар – аул Байрач на Мургабе – колодцы Досбай – Бегделек – Екимбай – обратно Досбай – Тахтабазар – вдоль Мургаба – Гарачёп – Имамабаба – Ёлотань – Туркменгала – Байрамали – Мары – через колодцы Бурнугум – Шехитли – Чарыбай – Кендыклы – Серахс – Теджен – Душак – Каахка – Ашхабад.

1946-1947 гг. – 13.12-05.01 – Северо-Западный Туркменистан: 13.12 – Ашхабад – Джебел; 14-18.12 – Джебел – Огланлы – Аккуи – Гошаоба – Порсыкуи – Туаркыр – Чагыл; 19-29.12 – экскурсии в районе Чагыла (Доунгра и останцы Огрындагы); 30-31.12 – Чагыл – Джебел; 01-04.01 – Джебел – Моллакара и обратно; 05.01 – Джебел – Ашхабад.

1947 г. – 31.03-03.06 – Северо-Западный и Северный Туркменистан: 31.03 – Ашхабад – Джебел; 01-04.04 – экскурсии в окрестностях Джебела; 05-07 – Джебел – Учгоз – Ташарват – Огланлы – Янкуи; 08-11.04 – экскурсии в Чильмамедкумах между колодцами Янкуи и Кеузешор; 12-16.04 – Кеузешор – Гаяджа – Карадонлы – Кемал – Дикче – чинк Аккыр – Акгёз – Агламыш – хребет Эрсарыбаба – Тарымлыкыр – Дуесычыран – Чагыл; 17-21.04 – Чагыл и его окрестности (Доунгра и останцы Огрындагы); 22-25.04 – Чагыл – Бегенджали – Аякдепме – чинк Устюрта – колодецы Денели – Кырксекиз; 26.04-01.05 – экскурсии на южной окраине Устюрта между колодцами Кырксекиз – Тамды – Кошаджи; 02-06.05 – обратно до Чагыла через колодцы Кырксекиз – Кавешем и Туаркыр; 07-14.05 – Чагыл и его окрестности; 15-24.05 – Чагыл – Доунгра – пески Кумсебшен – чинк Устюрта у Казахлышор – Узынкуи на Южном Устюрте – спуск в Сарыкамышскую впадину – колодцы Гарлышиих; 25-27.05 – экскурсии в Сарыкамыше; 28.05-05.06 – Сарыкамыш – колодцы Дикче и Ербурун – развалины Деукесен – земли колхоза Большевик (ныне Ашир Какабаев) – Кёнеургенч – Ташауз (ныне – Дашогуз).

1948 г. – 04.-14.04 – Центральные Каракумы: 04-09.04 – Дервезе – пос. Серный завод (ныне – Кукуртли) – обратно Дервезе – колодец Экиз-ак – останец Ойлыкызыл на Унгузе – колодец Атакуи; 10-12.04 – экскурсии у Атакуи и Маябозлан; 13-14.04 – Атакуи – Дервезе.

1951 г. – 23.05-04.06 – Северо-Восточный Туркменистан (и приграничные районы Узбекистана): 23-26.05 – Ташауз (ныне – Дашогуз) и его окрестности – Тельманск (ныне – Губадаг) – Лавак – Калинин (ныне – Болдумсаз) – Кёнеургенч – Тахиаташ – пристань Ходжейли; 27-30.05 – экскурсии в тугаях ниже Ходжейли; 31.05-04.06 – пос. Ходжейли – Кёнеургенч – Дерьялык; 02.03.06 – экскурсия по Дерьялыку; 04.05 – Ленинск (ныне – Акдепе) – Ташауз.

1952 г. – 22.05-15.06 – Северо-Восточный Туркменистан (и приграничные районы Узбекистана): 22.05-06.06 – Чарджоу (ныне – Туркменабат) – Дейнау – Кабаклы – Байхатынгала – Дарганата (ныне – Бирата) – Туемоюн – Питняк – Хазарасп – Ханки – Ургенч – Шават – Кошкूपыр – Хива – Газават – Бедеркент – Тахта (ныне – Гёроглы) – Ташауз (ныне – Дашогуз) – Калинин (ныне – Болдумсаз) – Кёнеургенч – земли колхоза Большевик (ныне

Ашир Какабаев) – аул Байрамтаган – юго-восточный чинк Устюрта – развалины Алиян-мечеть – Калинин (ныне – Болдумсаз) – Гекчага – Ташауз – Ильялы (ныне – Гурбансолтан) – Ленинск (ныне – Акдепе) – Дерьялык; 07.06 - экскурсия по Дерьялыку; 08-09.06 – Ленинск – Кёнеургенч – Булдумсаз – Гёкчага – Ташауз; 10-11.06 – в окрестностях города и между Ташаузом и Тахта; 12-14.06 – экскурсии восточнее Тахта на одноименном озере; 15.06 – Тахта – Ташауз.

1955 г. - 21.05-15.06 - Юго-Восточный Туркменистан: 21-24.05 – Ашхабад – Душак – Меана – Чача – 1-й Тедженстрой – Серахс – Ханкуи – Овезчолок – Акарчешме; 25-27.06 – экскурсии в Акарчешме; 28-29.06 – Акарчешме – Дашкую – урочище Кызылджар – Кагазлы – Узынкую – Калаймор – Чеменибит (ныне – Чеменабат) – Моргуновка (ныне – Серхетчи); 30-31.06 – окрестности Моргуновки; 01-02.06 – Кушка (ныне – Серхетабат) – Гарачёп – Бердыклыч; 03-05.06 – Кашан – Пеленгавали; 06-07.06 – пойма Кашана и юго-западная часть Карабиля; 08.06 – Тахтабазар – Калаймор – Моргуновка; 09-10.06 – долина Кушки и окрестности Моргуновки; 11.06 – Чеменибит – Дашкуи – Чайнури – Кызылджар; 12.06 – экскурсия в урочище Кызылджар; 13-14.06 – Дашкуи – Акарчешме – Керлек; 15.06 – Акарчешме – Серахс – Теджен – Ашхабад.

1955 г. – 17.06.-30.06 – Центральный Копетдаг: Чули (ныне Гекдере) и южная часть Низменных Каракумов: между Ашхабадом и кол. Кепеле.

1955 г. – 02-05.07. – Западный Узбой: Ашхабад – Небитдаг (ныне Балканабат) – Ясхан – Каратегелек – Топъятан – и обратно.

1956 г. – 20.05-20.06 – Центральный Копетдаг и Юго-Восточный Туркменистан: 20-30.05 – Ашхабад – Репетекский заповедник и обратно; 02-03.06 – Ашхабад – Гёкдепе – Гермаб; 04-07.06 – Куркулаб – Мергенуля – Сарымсаклы и обратно в Гермаб; 08-09.06 – Хейрабат – гора Душак; 09-10.06 – Чаек – Чули (ныне Геокдере) – Ашхабад; 11-20.06 – Ашхабад – Душак – Меана – Чача – 1-й Тедженстрой – Серахс – Овезчолок – Акарчешме – Кызылджар – Моргуновка (ныне Серхетчи)) – Ташкепри – Султанбент – Байрамали – Мары – Серахс – Теджен – Ашхабад.

1957 г. – 24-30.04 – Северо-Западный Копетдаг: 24.04 – Ашхабад – Бахарден (ныне Бахарлы) – Искендер; 25.04 – Казанжик (ныне – Берекет) – хребет Кюрендаг; 26-29.04 – экскурсии в Кюрендаге между родниками Шааджасув и Джигиртеккли; 30.04 – Казанджик – Ашхабад.

1960 г. - 02-11.06 – Юго-Западный Туркменистан: 02-03.06 – Ашхабад – Кызыларват (ныне – Сердар) – Ходжагала – Гаррыгала (ныне – Магтымгулы); 04.06 – ущелье Ёлдер; 05.06 – ущелье Шихимдере; 06-10.06 – Гаррыгала – Шарлаук (ныне – Кызылбаир) – Кызылатрек (ныне – Этрек) – Чатлы – Одой – Баятходжа – Агачарват – Яглыолум; 11.06 – Кызылатрек – Акяйла – Гудруолум – Ашхабад.

1966 г. - 11-16.06 – Кугитанг (ныне Койтендаг): Керки (ныне – Атамурат) – Чаршанга (ныне – Койтендаг) – Гаурдаг (ныне – Магданлы) – Ходжакараул – Ходжапиль и обратно.

1967 г. - 25-26.08 – Центральный Копетдаг: Ашхабад – Калининск (ныне – Маныш) – Кельтечинар и обратно.

1968 г. – 10-20.04 – Бадхызский заповедник (Еройландуз, Кызылджар, Эллибир, Акарчешме).

1969 г. – 25-30.03 – Каракумский канал и Репетекский заповедник: Ашхабад – Байрамали – Репетекский заповедник – обратно Байрамали – далее по Каракумканалу (ныне – Каракумдарья) между Мары и Захметом – Мары – Ашхабад.

1970 г. – 09-14.05 – Южный Устюрт: Кёнеургенч – земли клх. им. Ашира Какабаева –

подъем на чинк Устюрта, далее через колодцы – Кельмагамбет – Йылгынлюй – Байчагыр – Бай – до урочищ Босага и Каражар в северо-западной части впадины Карынжарык – пески Карынжарык – обратно – южнее через колодцы Туцисайкудук – Аккудук – Атанияз – Кырксекиз – впадину Казахлышор – колодец Узынкую – спуск с Устюрта (там же, где поднимались) – к землям клх. им. Ашира Какабаева – Кёнеургенч.

1970-1985 гг. – каждый октябрь (кроме 1976-1978 гг.) – в низовьях Мургаба: Ашхабад – Теджен – Мары – Байрамали – на север – земли совхоза им. 50-летия СССР (ныне – Байрамали) до урочища Тахирбай.

1971 г. – 05-06.09 – Центральный Копетдаг: Ашхабад – Яблонежка – Гауданский проход до самой границы у Баджгирана и обратно.

1972 г. – 03-23.06 – Центральный Копетдаг: Фирюза (ныне – Арчабиль) – Чули (ныне Гекдере).

1975 г. – 13-17.11. – Западный Туркменистан: Красноводский залив в пределах одноименного заповедника, далее – Красноводск (ныне – Туркменбаши) – Джебел – Небитдаг (ныне – Балканабат) – Ясхан – Небитдаг – Ашхабад.

1977 г. – 16-17.06. – Северные Каракумы: Ашхабад – Бокурдак – Ербент – Девезе – впадина Акчагая и обратно.

1978 г. – 26-27.08 и 04-06.10. – Бадхыз (Акарчешме, Еройландуз) и Восточные Каракумы (Репетек).

1978 г. – 07-10.10 – Северо-Восточный Туркменистан и Западный Узбекистан: Ташауз (ныне – Дашогуз) – Тахта (ныне Героглы) – Хива – Газли – Бухара и обратно.

1979 г. – 11-18.04 – Хаузханское водохранилище: Ашхабад – Теджен – Хаузхан (ныне Огузхан) – Малый Хаузхан – Мары и обратно.

1982 г. – 29-30.09 – Сюнт-Хасардагский заповедник и Огурчинский (Огурджалы) заказник.

1984 г. – 26-27.09 – Юго-Западный Копетдаг: Ашхабад – Кызыларват (ныне Сердар) – Каракала (ныне Махтумкули) – Пархай – Ёлдере и обратно.

1987 г. – 13-15.11 – Бадхыз (Акарчешме, Еройландуз, Моргуновка (ныне Серхетчи)).

1989 г. – 22-30.04 – через Центральные Каракумы: Ашхабад – Бокурдак – Ербент – Девезе – Ильялы (ныне – Гурбансолтан) – Ташауз (ныне – Дашогуз) – Кёнеургенч и обратно в Ашхабад.

1991 г. – 02-04.05 – Репетекский заповедник.

1991 г. – 05-07.05 – Карабиль и долина Мургаба: Тахтабазар – колодцы Атамурат – Аранклыч и обратно, далее – Калаймор – Серхетчи – обратно в Тахтабазар, далее – Ёлотань – Байрамали – Мары.

1992 г. – 02-06.11 – долина Мургаба: Мары – Ёлотань – Сандыкачи – Калаймор – Серхетчи и обратно.

Кроме перечисленного, в **1956-1959 гг.** – во время полевой зоологической практики студентов-биологов Туркменского госуниверситета (май) неоднократно совершались 1-2-х дневные выезды в предгорья (Первомайский, Хиндивар, Багир) и нижний пояс гор Центрального Копетдага (Фирюзинское ущелье, Чули), а в **1960-1990 гг.** – выборочные экскурсии (разное время года) в тех же местах и в антропогенном ландшафте предгорной равнины (Аннау, Геверс и др.) в окрестностях Ашхабада, а также самом городе.

ДИССЕРТАЦИОННЫЕ РАБОТЫ, РУКОВОДСТВО КОТОРЫМИ

ОСУЩЕСТВЛЯЛ А.К. РУСТАМОВ

Аманова Марал Базаровна – «Экология водопойного режима и некоторые особенности водного обмена птиц в пустыне» – кандидатская (1969 г.)

Аманова Марал Базаровна – «Эколого-морфологические и физиологические адаптации водного обмена птиц Каракумов» – докторская (1979 г.).

Атаев Какабай Атаевич – «Птицы Репетекского биосферного заповедника и их охрана» - кандидатская (1981 г.).

Атаев Чары Атаевич – «Эколого-географические особенности пресмыкающихся гор Туркменистана» – докторская (1993 г.).

Атаева Арзыгуль Аннакулиевна «Земноводные Туркменистана» – кандидатская (1981 г.).

Васильев Владислав Иванович – «Биоразнообразие Восточного Каспия: оценка и устойчивое развитие (на примере позвоночных животных)» – докторская (не завершена).

Горбунов Александр Васильевич – «Млекопитающие Северо-Западной Туркмении и Южного Устюрта» - кандидатская (1987 г.).

Караваев Алексей Александрович – «Водно-болотные птицы низовьев реки Атрек, мелководий Юго-Восточного Каспия и проблемы их охраны»- кандидатская (1988 г.).

Козлов Андрей Николаевич – «Птицы тугаев долин Мургаба и Теджена и перспективы их охраны» - кандидатская (1988 г.).

Мустафаев Гара Тейфурович – «Экологические особенности массовых видов птиц семейства Corvidae в Азербайджане» - кандидатская (1959 г.).

Мустафаев Гара Тейфурович – «Птицы наземных экосистем Азербайджана» - докторская (1985 г.).

Мустафаева Рагиля Тагиевна – «Экология дроздов в условиях Восточного Закавказья» - кандидатская (1967 г.)

Пенчуковская Татьяна Игоревна – «Эколого-этологические основы биоповреждающей деятельности фоновых видов грызунов Туркменистана» - кандидатская (не завершена).

Пославский Анатолий Никифорович – «Пути приспособления птиц к условиям существования в северных пустынях Евразии» - докторская (1987 г.).

Солоха Александр Владимирович – «Фазан в Туркменистане (биология, разведение и рациональное использование)» – кандидатская (1991 г.).

Сопыев Овез Сопыевич – «Гнездовой период жизни птиц пустыни Каракум (в связи с вопросом приспособления животных к аридным условиям)» - кандидатская (1965 г.).

Сопыев Овез Сопыевич – «Птицы песчаных пустынь Средней Азии, их охрана и рациональное использование» - докторская (не завершена).

Сухинин Александр Николаевич – «Хищные птицы и совы Бадхыза и их практическое значение» - кандидатская (1962 г.).

Хабибуллов Марат Рафикович - «Рептилии Кугитангтау (Восточная Туркмения)» - кандидатская (1990 г.).

Ханмаммедов Атлыхан Искандерович – «Распространение, экология и хозяйственное значение важнейших видов куриных птиц Азербайджана» - кандидатская (1957 г.).

Шаммаков Сахатмурад Шаммакович – «Фауна и экология пресмыкающихся «малых хребтов» (Западная Туркмения)» - кандидатская (1967 г.).

Шаммаков Сахатмурад Шаммакович «Пресмыкающиеся пустынь Туркменистана (фауна, экология, охрана)» – докторская (1988 г.).

Шамурадов Алламурад Кулиевич – «Миграции птиц в Туркменистане» - докторская (не завершена).

Щербина Александр Алексеевич – «Птицы водно-болотных экосистем Восточно-Каспийского побережья (миграция, зимовка, численность)» - кандидатская (не завершена).

Щербина Елизавета Ивановна – «Лисица, её экология и хозяйственное значение в Юго-Восточной Туркмении» - кандидатская (1962 г.).

ПОСВЯЩЕНИЯ И НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫЕ НАГРАДЫ

Премия имени А.К. Рустамова:

Премия имени академика АН Туркменистана А.К. Рустамова за исследования по изучению и охране птиц Средней Азии и Казахстана, среди молодых ученых, учреждена Королевским обществом защиты птиц (RSPB) Великобритании в 2008 г.

Сборники научных трудов:

- к 50-летию: Животный мир Туркмении (наземные позвоночные).
Ашхабад: Ылым, 1970. – 190 с.
- к 60-летию: Охрана природы Туркменистана. Выпуск 5. Ашхабад:
Ылым, 1979. – 175 с.
- к 70-летию: Редкие и малоизученные животные Туркменистана.
Ашхабад: Ылым, 1988. – 236 с.
- к 80-летию: Вопросы экологии и охраны позвоночных животных.
Киев-Львов, 1997. – 84 с.
- к 85-летию: Вопросы орнитологии Туркменистана. Москва: СОПР, 2002.
– 121 с.
- к 90-летию: Исследования по ключевым орнитологическим
территориям в Казахстане и Средней Азии. Выпуск 2.
Ашхабад, 2007. – 120 с.
- к 95-летию: Птицы Туркменистана: полевой иллюстрированный
определитель. – Ашхабад: ПРООН, 2012. – 400 с. *(в печати)*

Персональные издания:

1. Анвер Кеюшевич Рустамов. Материалы к библиографии ученых Туркменистана. Выпуск. 27. Ашхабад: Ылым, 1990. – 140 с. (на туркменском и русском языках).
2. Выдающийся зоолог и деятель охраны природы Анвер Кеюшевич Рустамов (1917-2005). – Баку, 2005. – 118 с. (на азербайджанском и русском языках).
3. Документально-художественный фильм “Жизнь прожита не зря, но я не писал мемуаров” (2012 г.).

Заседания, семинары и конференции:

- Торжественное совместное заседание Ученых советов Туркменского сельскохозяйственного университета, Института зоологии АН Туркменистана, и Президиума Туркменского общества охраны природы, посвященное 80-летию юбилею академика А.К. Рустамова (Ашхабад, декабрь 1997 г.).

-
- Научный семинар Института зоологии НАН Азербайджана о творчестве и природоохранной деятельности А.К. Рустамова (Баку, ноябрь 2003 г.).
 - Орнитологический семинар секции биологических наук Московского общества испытателей природы, посвященный памяти А.К. Рустамова (Москва, апрель 2005 г.).
 - Международная научная конференция «Птицы ключевых орнитологических территорий Центральной Азии» (Ашхабад, декабрь 2007 г.).
 - Ежегодные научные «Рустамовские чтения», проводимые в АН Туркменистана (Ашхабад, декабрь 2007-2012 гг.).

Ниболее важные государственные награды:

- 1944** – Почетная грамота Президиума Верховного Совета Туркменской ССР.
- 1954** – Медаль «За трудовую доблесть».
- 1960** – Почетная грамота Президиума Верховного Совета Туркменской ССР.
- 1961** – Орден Ленина.
- 1965** – Медаль «За трудовую доблесть».
- 1967** – Почетная грамота Президиума Верховного Совета Туркменской ССР.
- 1972** – Медаль С.И. Вавилова – высшая награда Всесоюзного Общества «Знание».
- 1973** – Премия Московского Общества Испытателей Природы.
- 1976** – Орден «Трудового Красного Знамени».
- 1979** – Почетная грамота Президиума Верховного Совета Туркменской ССР.
- 1980** – Почетная грамота Президиума Верховного Совета Туркменской ССР.
- 1983** – Государственная премия Туркменистана в области науки и техники.
- 1985** – Орден «Отечественной Войны» II степени.

БИБЛИОГРАФИЯ*

(хронологический список, дополненный и исправленный, на языке оригиналов)

Bibliografiýa*

(çap edilen dilinde, üsti ýetirilip we düzedilip, sene yzygiderliliginde berilýär)

1. О ЖИЗНИ, ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И НАУЧНЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ А.К. РУСТАМОВА

1. A.K. Rustamowýň ömri, işi we ylmy garaýyşlary hakynda

2. ТРУДЫ А.К. РУСТАМОВА

2. A.K. Rustamowýň işleri

2.1. НАУЧНЫЕ (Ylmy makalalary)

2.1.1. *Книги и учебники (Kitaplar we okuw kitaplary)*

2.1.2. *Статьи в журналах, сборниках, сводках (Žurnallardaky, ýygyndylardaky, taglumatlardaky makalalary)*

2.1.3. *Брошюры (Broşýuralary)*

2.1.4. *Тезисы докладов (Dokladlarynyň tezisleri)*

2.1.5. *Рецензии (Synlary)*

2.1.6. *Персоналии (Şahslar hakynda makalalary)*

2.1.7. *Хроника (Hronika)*

2.2. ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ (Publististik makalalary)

2.2.1. *Журнальные и другие статьи (Žurnal we beýleki makalalary)*

2.2.2. *Газетные статьи (Gazet makalalary)*

2.2.3. *Опубликованные доклады и выступления (Çap edilen dokladlary we çykyşlary)*

2.2.4. *Интервью (Interwýulary)*

1. О ЖИЗНИ, ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И НАУЧНЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ А.К. РУСТАМОВА

1. A.K. Rustamowýň ömri, işi we ylmy garaýyşlary hakynda

1. Академики АН ТССР: А.К. Рустамов // 25 лет Академии наук ТССР. – Ашхабад: Ылым, 1976. - С.49.

2. Академику А.К. Рустамову – 85 лет // Пробл. осв. пустынь. - 2002. - №4. - С.63.

3. А.К. Рустамов защитил докторскую диссертацию // газ. Туркменская искра. - 1950. - 4 апр.

4. Аксакал науки (К 80-летию со дня рождения А.К. Рустамова) // газ. Нейтральный Туркменистан. - 1997. - 22 дек.

5. *Алеев Ю.Г. Экоморфология. - Киев, 1986. – 423 с. (о Рустамове А.К. - С.19.).*

6. *Аманова М.Б. Международные научные чтения памяти академика А.К. Рустамова. 6-7 декабря 2007 г., Ашхабад, Туркменистан // Selevinia, 2007. – С.206-207.*

7. *Аманова М.Б., Рустамов Э.А. Чтения памяти академика А.К. Рустамова // Пробл. осв. пустынь. – 2007. - №3. – С.66-67.*

8. *Аманова М.Б., Сопиев О.С. Предисловие // Животный мир Туркменистана и его охрана.*

* Составитель – проф. Рустамов Э.А.

Düzüji – prof. Rustamow E.A.

– Ашхабад: Ылым, 2011. – С.3-4. (об авторе книги – А.К. Рустамове и важности его труда).

9. Анвер Кеюшевич Рустамов (к 70-летию со дня рождения и 50-летию научно-организационной, педагогической и общественной деятельности) // Пробл. осв. пустынь. - 1987. - №6. - С.81-82.

10. Anwer Keýüşewiç Rustamow // Türkmenistanyň alym-zoologlary. – Aşgabat, 2013. (çap edilende). – S.21-22.

11. Атаев Ч. Мое слово об академике Анвере Кеюшевиче Рустамове (1917-2005) // Исследования по ключевым орнитологическим территориям в Казахстане и Средней Азии. Выпуск 2. Ашхабад, 2007. - С.114-118.

12. Атаев Ч.А. О моем учителе – академике А.К. Рустамове (1917-2005). – Ашхабад. – 2009. – 62 с.

13. Бабаев А. Г., Банников А. Г., Сопыев О. Анвер Кеюшевич Рустамов (к 60-летию со дня рождения) // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1977. - №5. - С.84-86.

14. Бабаев А.Г., Ключкин Е.А., Петров М.П., Нечаева Н.Т., Овезлиев А.О., Харин Н.Г. Анвер Кеюшевич Рустамов (к шестидесятилетию со дня рождения и сорокалетию научной, педагогической и общественной деятельности) // Пробл. осв. пустынь. - 1977.- №6. - С.90-91.

15. Банников А.Г. Анвер Кеюшевич Рустамов. К 50-летию со дня рождения // Охота и охотничье хозяйство. - 1968. - №2. - С.22-23.

16. Банников А.Г. [Предисловие к статье А. К. Рустамова] «Сохраним животный мир пустыни» // Охота и охотничье хозяйство. - 1978. - №6. - С.2.

17. Банников А.Г., Галушин В.М. XII Генеральная ассамблея и XIII научно-техническое совещание Международного союза охраны природы // Природа. - 1976. - № 5. - С.35-37. (об избрании А.К. Рустамова членом Комиссии МСОП по планированию ландшафтов).

18. Банников А.Г., Флинт В.Е. Сохранить для грядущих поколений // газ. Туркм. искра. – 1983. - 13 марта. (о природоохранной деятельности А.К. Рустамова).

19. Вечер встречи избирателей с кандидатом в депутаты Верховного Совета ТССР товарищем А.К. Рустамовым // газ. Мичуринчи. - 1963. - 21 февр.

20. Воробьев Н. Последователи лапютян // газ. Туркм. искра. - 1963. – 24 нояб., перепечат. из газ. Правда от 22 нояб. того же года (фельетон – «хрущевская насмешка», как А.К. Рустамов описывает экологию [озерной] лягушки в статье, опубликованной в сборнике научных трудов Туркменского сельскохозяйственного института).

21. Выше знамя передовой мичуринской науки // газ. Туркм. искра. - 1948. - 22 сент. (о расширенном заседании ТФАН СССР и огульной критике группы ученых – т.н.«вейсманистов-морганистов», в том числе и А.К. Рустамова за его взгляды в учебном пособии «Основы Дарвинизма»).

22. Галушин В.М., Дроздов Н.Н., Флинт В.Е. Анверу Кеюшевичу Рустамову – 85 лет // Вопросы орнитологии Туркменистана. - М., 2002. - С. 6-10.

23. Garaýew M. A.K. Rustamow – biologiýa ylymlarynyň doktory // Sowet Türkmenistany gazeti, 1950 ý., 6-njy aprel.

24. Gladkov H.A., Deментьев Г.П. Советская орнитология за пятьдесят лет // Орнитология. - 1968. - Вып. 9. - С.3-12. (обзор некоторых работ А.К. Рустамова, указан его вклад в разработку понятия жизненная форма «пустынное животное»).

25. Gladkov H.A., Сопыев О. Анвер Кеюшевич Рустамов (к пятидесятилетию со дня рождения)

// Орнитология. - 1968. - Вып. 9. - С.381-382.

26. Говорухина В.А. Годичное общее собрание Академии наук Туркменской ССР // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1969. - №3. - С.92-96. (об избрании А. К. Рустамова членом корреспондентом АН ТССР).

27. Говорухина В.А. Годичное общее собрание Академии наук Туркменской ССР // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1975. - №2. - С.91-95. (об избрании А. К. Рустамова действительным членом АН ТССР).

28. Goçmyradow H. Hoş sözün gudraty // Garagum žurn. – 2008. – №6. – S.39-44.

29. Даревский И.С., Ильичев В.Д., Флинт В.Е. Анвер Кеюшевич Рустамов (к 70-летию со дня рождения) // Редкие и малоизученные животные Туркменистана. - Ашхабад: Ылым, 1988. - С.228-236.

30. Дементьев Г.П. Анвер Кеюшевич Рустамов (К пятидесятилетию со дня рождения) // Животный мир Туркмении (наземные позвоночные). - Ашхабад: Ылым, 1970. - С.5-8.

31. Дементьев Г.П. Всесоюзная орнитологическая конференция // Природа. - 1956. - №8. - С.117-119. (об участии А.К. Рустамова в работе 1-й Всес. орнит. конф.).

32. Дементьев Г.П. XI Международный конгресс в Базеле // Зоол. журн. - 1954. - Вып.6. - С.1424-1430. (об участии А.К. Рустамова в работе конгресса).

33. Дементьев Г.П. Орнитологические работы в СССР. Итоги и перспективы // Зоол. журн. - 1956. - Вып.11. - С.1689-1696. (о результатах авифаунистических исследований пустынь А.К. Рустамовым).

34. Дементьев Г.П. От редакции // Птицы пустыни Каракум. - Ашхабад, 1954. - С.7-8. (об авторе книги – А.К. Рустамове и значении его труда «Птицы пустыни Каракум»).

35. Дементьев Г.П. Птицы Туркменистана. - Ашхабад, 1952. - Т.1. - 516 с. (о вкладе А. К. Рустамова в изучение птиц Туркменистана. - С.21-23).

36. Дементьев Г.П. Развитие биологии в СССР. Орнитология. // Советская наука и техника за 50 лет. - М., 1967. - С.249-256. (о вкладе А.К. Рустамова в орнитологию).

37. Дементьев Г.П. Советская орнитология за 30 лет (1917-1947) // Зоол. журн. - 1947. - Вып.5. - С.451-463. (о первом пересечении Каракумов А.К. Рустамовым и изучении им зимних условий существования животных в пустыне).

38. Дементьев Г.П., Кумари Э.В., Шапошников Л.К. Работы советских орнитологов // Природа. - 1955. - №1. - С.67-69. (о некоторых работах А.К. Рустамова).

39. Дементьев Г.П., Страутман Ф.И., Полушина Н.А. III Всесоюзная орнитологическая конференция // Зоол. журн. - 1963. - Т.12. - Вып. 4. - С.637-638. (об участии в конф. и вкладе А.К. Рустамова).

40. Долгова Е. Премии молодым ученым // Газ. Нейтральный Туркменистан. - №9. 2012. – 11 янв. (О вручении Рустамовских премий молодым ученым в области орнитологической науки).

41. Долгова Е. Мир живой природы: сохранить и преумножить // газ. Нейтральный Туркменистан. - №17-18. 2012. – 20 янв. (о презентации книги академика А.К. Рустамова «Животный мир Туркменистана и его охрана»).

42. Животный мир Туркменистана и его охрана (на примере фауны позвоночных) // Selevinia, 2011. (о книге и её авторе).

43. Залетаев В.С. Природная среда и птицы северных пустынь Закаспия. - М., 1968. - 254с. (об исследованиях А.К. Рустамова на Южном Устюрте. - С.19).

44. Изучение фауны Каракумов // газ. Туркм. искра. - 1945. - 1 июня. (о работе А.К. Рус-

тамова в зоологической экспедиции в Северо-Западном Туркменистане).

45. Ильичев В.Д. Советские орнитологи - XVIII Международному орнитологическому конгрессу // Орнитология. - 1981. - Вып.16. - С.3-5. (о вкладе А.К. Рустамова в развитие орнитологической науки).

46. Ильичев В.Д., Флинт В.Е. Краткий очерк о жизни и деятельности А.К. Рустамова // Анвер Кеюшевич Рустамов. - Ашхабад: Ылым, 1990. - С.44-56.
(тоже самое – на туркм. яз. С.30-43).

47. Иоганзен Б.Г. Основы экологии. - Томск. - 1959. - 388 с.
(о трактовке А.К. Рустамовым «жизненных форм» у животных. - С.89).

48. Kakageldiýew A. Tebigy deňagramlyk // «Garagum» žurnaly. – 2012. – №2. – S.83-88.
(S.Şamtahowyň A.K.Rustamow we beýleki mugallymlary barada ýatlamasy).

49. Ковшарь А.Ф. Рустамов Анвер Кеюшевич (г.р.1917). [В дополнение...] // Орнитологи Казахстана и Средней Азии: XX век. биобиблиогр. справочник. - Алматы, 2003. - С.95-96.

50. Ковшарь А.Ф. Анвер Кеюшевич Рустамов (1917-2005) // Selevinia. - 2005. – С.201-202.

51. Ковшарь А.Ф. [комментарии: Рустамов Анвер Кеюшевич (1917-2005)] // Игорь Александрович Долгушин (1908-1966). – Алматы: СОПК, 2008. – С.214-215.

52. Круглов Л. Из Мадридского блокнота: Добрые надежды // газ. Сельская жизнь. - 1985. - 3 янв. (об участии А.К. Рустамова в работе XVI Генеральной ассамблеи МСОП).

53. Круглов Л., Дьяконов Ю. В гостях у драконов // газ. Сельская жизнь. - 1988. - 1 янв. (об изучении серого варана в Гяурском питомнике Туркменского общ. охраны природы).

54. Курочкин Е.Н., Галушин В.М. Юбилей патриарха: Анверу Кеюшевичу Рустамову – 85 лет // Орнитология. - Вып. 30. - М.: МГУ, 2003. - С.224-225.

55. Литература о А.К. Рустамове // Охрана природы Туркменистана. - Вып.5. - Ашхабад: Ылым, 1979. - С.9.

56. Мартиросова Р. Высокий полет в науке // газ. Нейтральный Туркменистан. – 2008. – 29 нояб.

57. Mätiýewa A. Meniň alym döwürdeşim // Sowet Türkmenistany gazetini. – 1981 ý. – 28-njy ýanwar. (A.K. Rustamowuň – M.B. Amanowanyň doktorlyk işine ýolbaşçylygy barada).

58. Меликов Г.Г. Международные научные связи Советского Туркменистана // Наука Советского Туркменистана за 60 лет (1924-1984). - Ашхабад, 1984. - С.351-362. (о XIV Генеральной ассамблее МСОП и избрании А. К. Рустамова в его руководящий орган. – С. 357 и 362).

59. Meeting for Peace // газета - Lawrence Journal-World. – Kansas. – V.132, №289. – 1990. – 24 р. (на англ. яз., об участии А.К. Рустамова в советско-американском диалоге за безопасность народов в составе делегации советского Комитета защиты мира. – С.8).

60. Михаилев Т.К. Карабах всегда славился своими мыслителями // Выдающийся зоолог и деятель охраны природы Анвер Кеюшевич Рустамов (1917-2005). – Баку: АОО, 2005. – С. 58-59.

61. Мириманян Х.П. Конференция по охране природы в Иране // Природа. - 1976. - №5. – С.37. (об участии А.К. Рустамова в конф. по охране ресурсов засушливых регионов Ближнего Востока и Юго-Западной Азии).

62. Мусаев М.А. Он всегда был желанным гостем в нашем институте // Выдающийся зоолог и деятель охраны природы Анвер Кеюшевич Рустамов (1917-2005). – Баку: АОО, 2005. – С.52-54.

-
63. *Мустафаев Г.Т.* Жизнь и творчество академика А.К. Рустамова // Выдающийся зоолог и деятель охраны природы Анвер Кеюшевич Рустамов (1917-2005). – Баку: АОО, 2005. – С. 45-51.
64. *Мустафаев Г.Т.* Мои поездки с Анвером Кеюшевичем. // там же – С.54-57.
65. *Мустафаев Г.Т.* Я помню тебя, учитель // газ. Азербайджанский конгресс. – №7(57). – 22. фев. 2008.
66. *Mustafayev Q.T.* Ənvər Keyüş oğlu Rüstəmov (anadan olmasının 50 illiyi) // S.M. Kirov adına Azərbaycan dövlət universiteti / Elmi əsərlər. Bioloji bölmələri seriyası. – 1967. – № 2. – S.111-113.
67. *Mustafayev Q.T.* Ənvər Keyüş oğlu Rüstəmov (anadan olmasının 60 illiyi) // S.M. Kirov adına Azərbaycan dövlət universiteti / Elmi əsərlər. Bioloji bölmələri seriyası. – 1977. – № 1. – С. 66-68.
68. *Mustafayev Q.* Səhra boşuq deyildir // Azərbaycan təbiəti – 1987. – № 5. – S. 10-11. (о роли А.К. Рустамова в изучении животных пустынь).
69. *Mustafayeva T.E.* Akademik Rüstəmov Ənvər Keyüş oğlunun yaradıcılığı tarix. - Бак.гос.унив., Биол.фак., каф. Биоэкологии. Баку, 2006. – 45 с. (Дипл. раб. о жизни и творчестве академика А.К. Рустамова, рукопись.).
70. *Мустафаева Р.Г.* Вспоминая дорогого учителя // Выдающийся зоолог и деятель охраны природы Анвер Кеюшевич Рустамов (1917-2005). – Баку: АОО, 2005. -С.63-64.
71. *Непесова А.К.* [Библиография] // Анвер Кеюшевич Рустамов. - Ашхабад: Ылым, 1990. - С.57-133.
72. Новые находки позвоночных животных // газ. Комсомолец Туркменистана. - 1945. – 10 окт. (о начале изучения фауны Кара-Кумов).
73. *Nowak Eu.* Wissenschaftler in turbulenten Zeiten / Erinnerungen an Ornithologen, Naturschützer und andere Naturkundler. - Stock & Stein, 2005. - 432 s. (об участии А.К. Рустамова в XI Международном орнитологическом конгрессе. – С.57).
74. *Оруджев Ф.* Прошлое не исчезает пока мы живем // газ. Махачкалинские известия. – 2011. – 11 нояб. (восп. Ремиханова А.К. о себе, жизни и своем наставнике – ректоре Туркменского сельхозинститута А.К. Рустамове).
75. [О А.К. Рустамове] // Туркменская Советская Социалистическая Республика. – Ашхабад: ТЭС, 1984. - С.331,346,349-351,520.
76. О присвоении А.К. Рустамову Почетного звания «Заслуженный деятель науки Туркменской ССР» // газ. Туркм. искра. - 1967. - 24 окт.
77. О присуждении Государственных премий ТССР 1982 г. в области науки и техники // газ. Знамя Октября. - 1983. - 24 мая.
78. О присуждении Государственных премий Туркменской ССР 1982 г. в области науки и техники // газ. Туркм. искра. - 1983. - 25 мая.
79. *Панов Е.Н., Томкович П.С., Иваницкий В.В., Ильичев В.Д., Рустамов Э.А., Зыкова Л.Ю.* Анвер Кеюшевич Рустамов (1917-2005). - Зоол. журн. - Т.84. - №7. - 2005. - С.892-895.
80. По караванным путям пустыни. Экспедиция зоологов в Кара-Кумы // газ. Правда. – 1946. - 27 апр. (об участии А.К. Рустамова в зоологических экспедициях в Северо-Западный и Юго-Восточный Туркменистан).
81. *Померанцев П.* В Ашхабаде – Всесоюзная конференция орнитологов // газ. Туркм. искра. – 1969. – 23 сент. (о выступлении А.К. Рустамова на Пятой Всесоюзной орнитологической конференции).
-

-
82. Помощь зоологов // газ. Туркм. искра. - 1950. - 30 сент. (об участии А. К. Рустамова в изучении фауны зоны Главного Туркменского канала).
83. Попов В.А., Ильичев В.Д., Сопыев О.С. Крупный ученый и общественный деятель (К 60-летию со дня рождения А.К. Рустамова) // Охрана природы Туркменистана. – Вып.5. - Ашхабад: Ылым, 1979. - С.3-9.
84. Потери науки: Рустамов Анвер Кеюшевич (1917-2005) // Пробл. осв. пустынь. - №1. – 2005. - С.60-61.
85. Путь в науку // Литературная газ. - 1950. - 28 дек. (о защите докторской диссертации А.К. Рустамовым).
86. Россолимо О.Л., Томкович П.С. Памяти Рустамова Анвера Кеюшевича (1917-2005) // Бюл. МОИП. Отд. биол. - 2005. - Т.110. - Вып.5. - С. 86-87.
87. Рустамов Анвер Кеюшевич // Зоологи Советского Союза. Справочник. - М.-Л., 1961. - С.197.
88. Рустамов Анвер Кеюшевич // Экологи Советского Союза (Специалисты по наземным позвоночным). - Свердловск, 1980. - С.152.
89. Рустамов Анвер Кеюшевич // Биологи. Биографический справочник. – Киев: Наукова Думка, 1984. - С.546-547.
90. Рустамов Анвер Кеюшевич (1917): Специалист в области зоологии, орнитологии. Заслуженный деятель науки Туркменской ССР. Избран (академиком) 16 апр. 1975 г. // 25 лет Академии наук Туркменской ССР. - Ашхабад: Ылым, 1976. - С.49, портр.
91. Рустамов Анвер Кеюшевич (1917): Специалист в области зоологии, орнитологии. Заслуженный деятель науки Туркменской ССР. Избран (академиком) 16 апр. 1975 г. // Академия наук Туркменской ССР. 2-е изд., перераб. и доп. - Ашхабад: Ылым, 1982. – С.75, портр.
92. Rüstəmov Ənvər Keyüş oğlu //Azərbaycan Sovet Ensiklopediyası. 8 cild. – Bakı, 1984. – S.235-236.
93. Rustamow Anwer Keyüşewiç // Türkmen Sowet Ensiklopediýasy. – T.7. – Aşgabat. –1986. – S.394-395.
94. Рустамов Э.А. Список научных трудов А.К. Рустамова, опубликованных в 1988-2002 гг. // Вопросы орнитологии Туркменистана. - М., 2002. - С.18-23.
95. Рустамов Э.А. Библиография // Выдающийся зоолог и деятель охраны природы Анвер Кеюшевич Рустамов (1917-2005). – Баку: АОО, 2005. - С.86-118.
96. Celebert besok hos Umea ABF // газета - Vasterbottens Folkblad. - №230. - 1980. - 2 окт. – С.11. (на швед. яз., о пребывании А.К. Рустамова в Стокгольме в составе советской делегации).
97. Симкин Г.Н. Анвер Кеюшевич Рустамов (К 80-летию со дня рождения) // Бюл. МОИП. Отд.биол. - 1998. - Т.103. - Вып.2. - С.71-72. // Орнитологи Казахстана и Средней Азии: XX век. Биобиблиографический справочник. - Алматы, 2003. - С.93-95.
98. Симкин Г.Н. Памяти Анвера Кеюшевича Рустамова // Орнитология. - Вып. 32. - М.: МГУ, 2005. - С.179-181.
99. Соколов В.Е., Ильичев В.Д. Все силы – изучению и охране птиц. Анверу Кеюшевичу Рустамову -70 лет // Современная орнитология. - М.: Наука, 1990. - С.232-235.
100. Сопыев О. Анвер Кеюшевич Рустамов (К 50-летию со дня рождения) // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1967. - №6. - С.88-92. (там же - Список печатных работ А.К. Рустамова за 1944-1967 гг. – С.89-92).
-

-
- 101.** *Сопыев О.* Список печатных работ А.К. Рустамова // Животный мир Туркмении (наземные позвоночные). - Ашхабад: Ылым, 1970. - С.9-15.
- 102.** *Сопыев О.* Список печатных работ А.К. Рустамова, опубликованных в 1968-1977 гг. // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1977. - №5. - С.87-89.
- 103.** *Сопыев О.С., Атамурадов Х.И., Шаммаков С.Ш.* и др. Слово об учителе: (К 70-летию со дня рождения А.К. Рустамова) // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1987. - №5. - С.120-122.
- 104.** *Sopuyew Ö., Ataýew K.* *Alym-pedagog* // Mugallymlar gazetini. - 1997. - 22 dekabr.
- 105.** *Sopuyew Ö., Ataýew K., Amanowa M.* Tebigatçy alym – aksakal terbiýeçi (Enwer Keýüşewiç Rüstamowyň dogulan gününüň 85 ýyllygy mynasibetli) // Вопросы орнитологии Туркменистана. - М.: СОПР, 2002. - С.11-15.
- 106.** Сохранить красоту планеты // газ. Туркм. искра. - 1984. - 4 дек. (об участии А.К. Рустамова в работе XVI Генеральной ассамблеи МСОП).
- 107.** Союз охраны птиц России поздравляет // Мир птиц. - 1998. - №2(11). - С.16. (поздравление А.К. Рустамова с 80-летним юбилеем).
- 108.** *Строков В.В.* Культурные ландшафты и задачи орнитологических исследований // Совр. пробл. орнит. - Фрунзе, 1965. - С.157-168. (о трактовке А.К. Рустамовым понятия «культурный ландшафт»).
- 109.** *Султанов Г.С., Захидов Д.З., Персианова Л.А.* Зоологические исследования в Средней Азии (1820-1975 гг.). - Ташкент, 1982. - 238 с. (о научной деятельности А.К. Рустамова. - С.88,92,96-97,101,103-104,112,115,149,152).
- 110.** *Султанов Э.Г.* Мне было с кого брать пример // Выдающийся зоолог и деятель охраны природы Анвер Кеюшевич Рустамов (1917-2005). - Баку: АОО, 2005. - С.60-62.
- 111.** *Сухарь М.Я.* Отважный пулеметчик // газ. Туркм. искра. - 1961. - 21 июня. (об участии А.К. Рустамова в бою за г.Бельцы).
- 112.** *Сухарь М.Я.* В боях за Советскую Родину. - Ашхабад: Туркменистан, 1965. - 259 с. (об участии А.К. Рустамова в Великой Отечественной Войне. - С.18-19).
- 113.** *Suhar M.Ýa.* Gaýduwsyz gahrymanlar. - Aşgabat: Türkmenistan. - 1965. - 294 s. (А.К. Rüstamowyň Beýik Watançylyk urşuna gatnaşyşy barada. - S.19-20).
- 114.** *Ташлиев А.О.* Зоологическая наука в Туркменистане. - Ашхабад, 1971. (о роли А.К. Рустамова в изучении фауны птиц пустыни. - С.64).
- 115.** *Ташлиев А.О.* Зоологическая наука // Наука Советского Туркменистана за 60 лет (1924-1984). - Ашхабад, 1984. - С.144-154 (о вкладе А.К. Рустамова в герпетологию, орнитологию и экологию).
- 116.** *Ташлиев А. О.* Орнитологические комплексы Юго-Восточной Туркмении. - Ашхабад, 1973. - с. (о вкладе А.К. Рустамова в изучение птиц Туркменистана. - С.72).
- 117.** *Ташлиев А.О., Ключкин Е.А.* Зоологические исследования в Туркмении за 40 лет // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1964. - №4. - С.39-45. (об исследованиях А.К. Рустамова фауны наземных позвоночных пустыни).
- 118.** *Ташлиев О., Луккова А., Караев М.* Монография о жизни пустыни // газ. Туркм. искра. - 1950. - 27 июня. (о защите А.К. Рустамовым докторской диссертации 22 марта 1950 г.)
- 119.** *Ташлиев А.О., Мягцева С.Н.* Зоологическая наука в Туркменистане за 70 лет и пути её дальнейшего развития // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1987. - №4. - С.14-23. (о вкладе А.К. Рустамова в зоологию).
-

-
- 120.** Tokgaýew T., Akyýewa M. Türkmenistan SSR-niň Gyzyklykitaby // Türkmenistanyň kommunisti žurn. - 1987. - №7. – S.86-90. (A.K. Rustamowyň TSSR-iň Gyzykly kitabyňyň üstünde işleýşi barada).
- 121.** Tokgaýew T., Сопыев О., Шустова В. Слово об академике Рустамове // газ. Туркм. искра. – 1992. - 19 дек.
- 122.** XIII Международный орнитологический конгресс // Зоол. жур. - 1961. - Т.11. - Вып. 2. - С.1760-1761. (об участии А.К. Рустамова в подготовке конгресса).
- 123.** Формозов А.Н. Животный мир // Средняя Азия. - М., 1958. - С.362-472. (о соответствии размножения птиц по времени экологическому оптимуму в пустыне; закономерность для Каракумов установлена А.К. Рустамовым).
- 124.** Халлыев Б. Пустыня: вчера, сегодня, завтра // газ. Туркм. искра. - 1987. - 31 окт. (об участии А. К. Рустамова в пресс-конференции в Агентстве печати новостей (АПН) по проблемам изучения и освоения пустынь СССР).
- 125.** Цвет пустыни // газ. Вечерний Ашхабад. - 1983. - 30 дек. (о роли А.К. Рустамова в изучении пустынь Туркменистана).
- 126.** Чарыев А., Сопыев О. Учёный, педагог, общественный деятель // Сельское хоз-во Туркменистана. - 1977. - №12. - С.29-30.
- 127.** Çaryýew A., Soryýew Ö. Alym hem guramaçy mugallym // Türkmenistanyň oba hojalygy. – 1977. – №12. – S.37-38.
- 128.** Указатель участников программы МАБ в СССР // Международная программа ЮНЕСКО «Человек и биосфера» (МАБ) в СССР: (справочник). - М., 1987. - Вып.3. – С. 263.
- 129.** Успенский С. Анвер Кеюшевич Рустамов (К 70-летию со дня рождения) // Охота и охотничье хоз-во. - 1987. - №11. - С.18.
- 130.** Экспедиция на Усть-Урт // газ. Туркм. искра. - 1947. - 22 июня. (Об экспедиции А.К. Рустамова в Северо-Западный Туркменистан).
- 131.** Яблоков А.В. Рустамов Анвер Кеюшевич (85 лет со дня рождения) // Бюл. МОИП. Отд.биол. – 2003. – Т.108. – Вып.5. – С. 99-100.

2. ТРУДЫ А.К. РУСТАМОВА

2. А.К. Rustamowyň işleri

2.1. НАУЧНЫЕ

2.1. Ylmy makalalary

2.1.1. Книги и учебники (1947-2011 гг.)

2.1.1. Kitaplary we okuw kitaplary (1947-2011 ýý.)

1. Darwinizmiň esaslary. – Aşhabad, 1947. – 98 s. (Pedagogiki institutynyň talyplary üçin okuw gollanmasy).
 2. Птицы пустыни Кара-Кум. - Ашхабад: АН ТССР, 1954. - 342 с.
 3. Птицы Туркменистана. - Ашхабад: АН ТССР. - 1958. - Т.2. - 252 с.
 4. Птицы Туркменистана. - Ашхабад: (рукопись). - 1959. - Т.3. - 200 с.
 5. Курс зоологии. Уч. пос. для студ. сельхозвузов. - Ашхабад: (рукопись). - 1959. - 500 с.
 6. Фауна Туркменистана. Курс лекций для студентов-биологов Туркменского государственного
-

-
- университета. - Ашхабад: (рукопись). - 1964. - 150 с.
7. В стуже и зное: Животное и ландшафт. - М.: Мысль, 1967. - 134 с. (соавт.: Г.П. Дементьев, С.М. Успенский).
8. Земноводные и пресмыкающиеся СССР. - М.: Мысль, 1971. - 303 с. (соавт.: А.Г. Банников, И.С. Даревский).
9. Животные культурных ландшафтов. - М.: Мысль, 1975. - 220 с. (соавт.: Н.А. Гладков).
10. В стуже и зное: Животное и ландшафт. - 2-е изд., доп. и перераб. - М.: Мысль, 1976. - 143 с. (соавт.: Г.П. Дементьев, С.М. Успенский).
11. Speige ir kaitroje. - Vilnius: Vaga, 1984. - 200 p. (соавт.: G. Demenijevs, S. Uspenskis).
12. Определитель земноводных и пресмыкающихся фауны СССР: Уч. пос. для студ. биол. спец. пед. ин-тов. - М.: Просвещение, 1977. - 415 с. (соавт.: А.Г. Банников, И.С. Даревский, В.Г. Ищенко, Н.Н. Щербак).
13. Охрана природы. - М.: Колос, 1977. - 207 с. (соавт.: А.Г. Банников).
14. Охрана природы. 2-е изд. - М.: Агропромиздат, 1985. - 287 с. (соавт.: А.Г. Банников, А.А. Вакулин).
15. Основы экологии и охраны окружающей среды / Уч. для сельхозвузов. 3-е изд. - М.: Колос, 1996. - 302 с. (соавт.: А.Г. Банников, А.А. Вакулин).
16. Основы экологии и охраны окружающей среды / Уч. для сельхозвузов. 4-е изд. - М.: Колос, 1999. - 302 с. (соавт.: А.Г. Банников, А.А. Вакулин).
17. Амфибии и рептилии Средней Азии: биология размножения. - Ашхабад: (рукопись). - 2002. - 200 с. (соавт. Ч.А. Атаев).
18. Зоологическая наука в Туркменистане: прошлое, настоящее, будущее. - Ашхабад: (рукопись). - 2003. - 300 с. (соавт. Э.А. Рустамов).
19. Biodiversity Conservation in Central Asia: on the example of Turkmenistan. - Tokyo: NEF, 2007. - 273 p. (соавт.: E.A. Rustamov).
20. Животный мир Туркменистана и его охрана (на примере фауны позвоночных животных). - Ашхабад: Ылым. - 2011. - 298 с. (там же на туркменском языке).

2.1.2. Статьи в журналах, сборниках и сводках (1944-2011 гг.)

2.1.2. Žurnallardaky, ýygyndylardaky we maglumatlardaky makalalary (1940-2011 ýý.)

21. Краткий обзор зоологических исследований, проведенных в Туркмении за 20 лет // Изв. ТФАН СССР. - 1944. - №2-3. - С.131-138.
22. Животные ресурсы и зоологическая наука в Туркмении за годы Великой Отечественной Войны // Изв. ТФАН СССР. - 1944. - №2-3. - С.163-171.
23. К биологии кеклика (*Alectoris graeca Meisner*) в Туркмении // Изв. ТФАН СССР. - 1945. - №1. - С.45-48.
24. Биоценоотические группировки и географическое распространение птиц поймы Амударьи // Изв. ТФАН СССР. - 1945. - №2. - С.65-72.
25. К зимней фауне Восточных Каракумов // Изв. ТФАН СССР. - 1945. - №3-4. - С.142-146. (соавт.: Г.П. Дементьев).
26. Европейская лесная «гирканская» фауна в Копетдаге // Изв. ТФАН СССР. - 1945. - №3-4. - С.132-135.
27. К вопросу о границах распространения пустынной фауны южного типа в Средней Азии // Изв. ТФАН СССР. - 1946. - №3-4. - С.147-151. (соавт.: Г.П. Дементьев).
-

-
28. Материалы к распространению и систематике птиц Туркмении // Тр. АПИ им. М.Горького. - Ашхабад, 1946. - Вып.1-2. - С.36-44.
29. Расселение майны в бассейне Амударьи // Природа. - 1946. - №2. - С.78-81.
30. Новые сведения по распространению позвоночных в Туркмении // Природа. - 1946. - №6. - С.82-83. (соавт.: Г.П. Дементьев, Е.П. Спангенберг).
31. Некоторые данные о фаунистических изменениях на Западном Узбое // ДАН СССР. - 1947. - Т.55. - №9. - С.885-888.
32. Очерк фауны позвоночных хребта Гяз-Гедык // ДАН СССР. - 1947. - Т.56. - №1. - С.103-105. (соавт.: Г.П. Дементьев, Е.П. Спангенберг).
33. Essai stir la Faune de la Chaîne Ghiaz-Ghedyk // Comptes Rendus (Doklady) de l'Académie des Sciences de l'URSS. - 1947. - V.56. - №1. - P.103-105. (соавт.: G.P. Dementiev, E.P. Spangenberg).
34. The Birds of Karabil // Ibis. - 1947. - V.89. - P.615-623. (соавт.: G.P. Dementiev, E.P. Spangenberg).
35. Основные направления адаптации крыла вороновых птиц // ДАН СССР. - 1948. - Т.60. - №6. - С.1089-1092.
36. О современном облике Сарыкамышской котловины // ДАН СССР. - 1948. - Т.60. - №8. - С. 1449-1451.
37. К вопросу о южной границе распространения псаммофильной фауны в Каракумах // Бюл. МОИП. Отд. биол. - 1948. - Т.53. - Вып.5. - С.85-91.
38. Караванные пути в Каракумах как элемент культурного ландшафта // Тр. Центр. бюро кольцевания. - М., 1948. - Вып.7. - С.68-73. (соавт.: Е.С. Птушенко).
39. Новая форма кеклика с Усть-Урта // Охрана природы. / Сб. науч. работ. - М., 1948. - №5. - С.106-108.
40. Особенности окраски хохлатых жаворонков Средней Азии и связь их с субстратом // Охрана природы. / Сб. науч. работ. - М., 1949. - №6. - С.80-91. (соавт.: Е.С. Птушенко).
41. Индийский балобан (*Falco jugger Gray*) в Туркменской ССР // Изв. ТФАН СССР. - 1949. - №3. - С.79.
42. К морфо-функциональному изучению оперения крыла птицы: (о значении внутренних маховых перьев) // Зоол. журн. - 1949. - Т.28. - Вып.6. - С.553-560. (соавт.: Н.А. Гладков).
43. Из результатов зимних зоологических работ в окрестностях колодца Чагыл (С-З Туркменистан) // Изв. ТФАН СССР. - 1950. - №2. - С.41-47.
44. О соколиной охоте в Каракумах // Изв. ТФАН СССР. - 1950. - №4. - С.56-61.
45. Птицы Карабиля (Юго-Восточная Туркмения) // Изв. АН ТССР. - 1951. - №3. - С.52-58. (соавт.: Г.П. Дементьев, Е.П. Спангенберг).
46. Основные черты современного состава и распределения авифауны трассы Главного Туркменского канала и источники заселения его птицами // Зоол. журн. - 1951. - Т.30. - Вып.1. - С.24-34.
47. Новые данные по зоогеографии и авифауне Южного Устюрта // Изв. АН Казах. ССР. Сер. зоол. - 1951. - Вып.10. - С.61-71.
48. Очерки фауны трассы Главного Туркменского канала // Охрана природы. - М., 1951. - Вып.13. - С.7-12. (соавт.: Г.П. Дементьев).
49. Заметки о питании пустынной куропатки // Изв. АН ТССР. - 1954. - №4. - С.56-60. (соавт.: Ш.И. Коган).
-

-
50. Семейство вороновых // Птицы Советского Союза. - М.: Советская наука, 1954. - Т.5. - С.13-104.
51. Род рыжая славка // Птицы Советского Союза. - М.: Советская наука, 1954. - Т.6. - С.388-394.
52. Род вертячая славка // Птицы Советского Союза. - М.: Советская наука, 1954. - Т.6. - С.394-398.
53. О гнездовой фауне птиц и практическом значении наземных позвоночных животных Ташаузской области: (Северо-Восточный Туркменистан) // Уч. зап. Туркм. гос. ун-та. - Ашхабад, 1955. - Вып.4. - С.95-129.
54. Материалы по фауне наземных позвоночных Юго-Восточной Туркмении // Тр. Туркм. с/х ин-та. - Ашхабад, 1955. - Т.7. - С.125-185. (соавт.: Г.П. Дементьев, Е.П. Спангенберг).
55. К вопросу о понятии «жизненная форма» в экологии животных // Зоол. журн. - 1955. - Т.34. - Вып.4. - С.710-718.
56. О зимнем размножении малой горлицы (*Streptopelia senegalensis ermanni Bonap*) в Ашхабаде // Изв. АН ТССР. - 1955. - №6. - С.77-79.
57. La faune avienne des deserts de l'U.R.S.S. // Acta XI Congr. Int. Orn. Birkhauser Verlag Basel. - 1955. - P.510-515.
58. К изучению авифауны культурных ландшафтов Средней Азии // Тр. Туркм. с/х ин-та. - Ашхабад, 1956. - Т.8. - С.279-291.
59. К фауне амфибий и рептилий Юго-Восточной Туркмении // Тр. Туркм. с/х ин-та. - Ашхабад, 1956. - Т.8. - С.293-306.
60. О гнездящихся скворцах Юго-Восточной Туркмении // Тр. Туркм. с/х ин-та. - Ашхабад, 1956. - Т.8. - С.319-322. (соавт.: М. Караев).
61. Заметки о некоторых видах кошачьих (*Felidae*) Туркмении // Изв. АН ТССР. - 1956. - №2. - С.75-78. (соавт.: Г.П. Дементьев).
62. О массовой гибели некоторых видов птиц и афганской полевки // Изв. АН ТССР. - 1956. - №5. - С.86-88. (соавт.: Н. Ишадов).
63. О линьке турача // Зоол. журн. - 1956. - Т.35. - Вып.8. - С.1262-1264.
64. Эколого-зоогеографические заметки о птицах, гнездящихся в фисташковых насаждениях Юго-Восточной Туркмении // Зоол. журн. - 1957. - Т.36. - Вып.5. - С.742-751.
65. О распространении сокола-лагуара (*Falco jugger Gray*) в Средней Азии // Зоол. журн. - 1957. - Т.36. - Вып.6. - С.792-794. (соавт.: Г.П. Дементьев).
66. О кошачьих (*Felidae*) Бадхыза // Изв. АН ТССР. - 1957. - №3. - С.119-121. (соавт.: Е.И. Щербина).
67. Новые сведения по авифауне Южной Туркмении // Изв. АН ТССР. - 1957. - №4. - С.70-76. (соавт.: А.Н. Сухинин).
68. О колебании численности некоторых хищных птиц и их кормовой специализации // Тр. Туркм. с/х ин-та. - Ашхабад, 1957. - Т.9. - С.427-433.
69. Заметка по распространению и экологии хорасанской агама // Тр. Туркм. с/х ин-та. - Ашхабад, 1957. - Т.9. - С.435-439.
70. Районирование и выделение ландшафтно-фаунистических комплексов в зоогеографическом анализе // Пробл. зоогеографии суши. - Львов, 1958. - С.229-233.
71. Гнездящиеся в Туркмении скворцы и их практическое значение // Уч. зап. МГУ. - 1958.
-

- Вып.197. - С.103-112.

72. Численность и размножение сов, хищных птиц и лисицы в связи с численностью грызунов в Южной Туркмении // Зоол. журн. - 1958. - Т.37. - Вып.6. - С.917-925.

(соавт.: А.Н. Сухинин, Е.И. Щербина).

73. От редакции // Тр. Ин-та. зоол. и паразит. АН ТССР. - Ашхабад, 1958. - Т.3. - С.3-4.

74. Экологический анализ гнездовой жизни некоторых вороновых птиц // Тр. Ин-та зоол. и паразитол. АН ТССР. - Ашхабад, 1958. - Т.3. - С.119-140. (соавт.: Г.Т. Мустафаев).

75. Фаунистические материалы по наземным позвоночным Западных и Северо-Восточных Каракумов // Уч. зап. ТГУ им. А.М. Горького. - Ашхабад, 1959. - Вып.9. - Ч.3. - С.101-147. (соавт.: Е.С. Птушенко).

76. Об орнитологических связях Копетдага с Гирканией // Тр. Ин-та зоол. АН Каз. ССР. - Алма-Ата, 1961. - Т.15. - С.132-138.

77. Очерк земноводных Туркмении // Тр. Туркм. с/х ин-та. - Ашхабад, 1962. - Т.11. - С.85-94.

78. К фауне земноводных и пресмыкающихся Приатречья // Тр. Туркм. с/х ин-та. - Ашхабад, 1962. - Т.11. - С.95-107. (соавт.: А. Курбанов, О. Сопыев).

79. Фаунистический комплекс – единица зоогеографического анализа // Тр. Туркм. с/х ин-та. - Ашхабад, 1963. - Т.12. - С.41-45.

80. История исследования фауны наземных позвоночных Туркмении (Ч.1) // Тр. Туркм. с/х ин-та. - Ашхабад, 1963. - Т.12. - С.46-59.

81. За дальнейшее развитие дела охраны природы в Туркменистане // Охрана природы в Туркменистане. - Ашхабад, 1963. - Вып.1. - С.5-43. (соавт.: Е.А. Ключкин).

82. Еще раз о понятии «жизненная форма» в экологии животных // Пробл. орнитологии: Тр. III Всесоюз. конф. - Львов, 1964. - С.18-29.

83. Длинноохлый скворец – новый вид для фауны птиц СССР // Зоол. журн. - 1965. - Т.44. - Вып.6. - С.940-941. (соавт.: М. Караев, О. Сопыев, Л.Р. Фрейберг).

84. Основные проблемы изучения птиц культурных ландшафтов // Совр. пробл. орнитологии. - Фрунзе, 1965. - С.111-156. (соавт.: Н.А. Гладков).

85. Орнитофауна и культурные ландшафты // Природа. - 1966. - №4. - С.54-65. (соавт.: Н.А. Гладков).

86. Ornitofauna ir kulturiniai landsaftaei // Musu galita. - 1966. - No'. - S.16-19. (sur.: N.A. Gladkov).

87. Краткий обзор герпетофауны Туркмении и её зоогеографические особенности // Позвоночные животные Средней Азии. - Ташкент, 1966. - С.158-168.

88. Итоги и задачи исследования наземных позвоночных Средней Азии // Науч. докл. высш. школы. Биол. науки. - 1967. - №11. - С.7-12.

89. Экология такырной круглоголовки (*Phrynocephalus helioscopus Pallas*) в Туркмении // Зоол. журн. - 1967. - Т.46. - Вып.5. - С.741-748. (соавт.: С.Шаммаков).

90. Crows Family Corvidae // Birds of the Soviet Union (*Ptitsy Sovetskogo Soyuz*). - V. 5. - 1954. / Translated from Russian Izrael Program for Scientific Translations. - Ierusalem, 1967.

91. Scrub robin Genus *Erythropgyia* Smith, 1836 // Birds of the Soviet Union (*Ptitsy Sovetskogo Soyuz*). - V. 6. - 1954. / Translated from Russian Izrael Program for Scientific Translations. - Ierusalem, 1967.

92. Streaked scrub warbler Genus *Scotocerca* Sundevall, 1872 // Birds of the Soviet Union

(*Ptitsy Sovetskogo Soyuz*). - V. 6. - 1954. / Translated from Russian Izrael Program for Scientific Translations. - Ierusalem, 1967.

93. Зоогеографические особенности различных групп наземной фауны пустынь Средней Азии // Орнитология. - 1968. - Вып.9. - С.131-136.

94. Цена влаги // Природа. - 1968. - №5. - С.56-61.

95. О некоторых экологических и зоогеографических аспектах освоения пустынь Средней Азии // Пробл. осв. пустынь. - 1969. - №2. - С.9-14.

96. Заповедник «Гасан-Кули» // Заповедники Советского Союза. - М., 1969. - С.418-422. (соавт.: Г.П. Дементьев)

97. Особенности «окультуривания» фауны в экстремальных условиях (тундра, пустыня) // Синантропизация и domestикация животного населения. - М., 1969. - С.61-62. (соавт.: Н.А. Гладков).

98. От редакции // Орнитология в СССР. - Ашхабад, 1969. - Кн.1. - С.3-5.

99. Орнитология Средней Азии // Орнитология в СССР. - Ашхабад, 1969. - Кн.1. - С.19-39.

100. Численность птиц гнездовой фауны хребта Кугитанг // Орнитология в СССР. - Ашхабад, 1969. - Кн.2. - С.543-546. (соавт.: О. Сопыев, М. Караев).

101. Охрана и рациональное использование растительного и животного мира пустынь // Пробл. осв. пустынь. - 1970. - №2. - С.23-29. (соавт.: Н.Т. Нечеева).

102. Проблемы охраны животного мира в Средней Азии // Научные основы охраны природы и их преподавание в высшей и средней школе. - Томск, 1970. - С.88-91.

103. По заповедникам Северной Индии // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1970. - №6. - С. 86-89.

104. О некоторых вопросах региональной зоогеографии // Животный мир Туркмении: (наземные позвоночные). - Ашхабад: Ылым, 1970. - С.16-23.

105. Гибель птиц в Бадхызе (Юго-Восточная Туркмения) от неблагоприятных погодных условий // Животный мир Туркмении: (наземные позвоночные). - Ашхабад: Ылым, 1970. - С.58-73. (соавт.: А.Н. Сухинин, Е.И. Щербина).

106. Распространение нематод-оксиурат у горных агам в Юго-Восточной Туркмении // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1971. - №1. - С.59-63. (соавт.: Г.С. Марков и др.).

107. Предисловие//Охрана природы в Туркменистане. - Ашхабад, 1972. - Вып.3. - С.3-4.

108. О состоянии охраны природы в Туркмении // Охрана природы в Туркменистане. - Ашхабад, 1972. - Вып.3. - С.5-16. (соавт.: Е.А. Ключкин).

109. Размещение пролетных птиц и формирование зимней авифауны в Туркмении // Трансконтинентальные связи перелетных птиц и их роль в распространении арбовирусов. - Новосибирск, 1972. - С.101-103.

110. О пролете малой мухоловки в Туркмении // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1972. - №3. - С.90-91.

111. Чернопятнистая лягушка в Каракумском канале // Природа. - 1972. - №4. - С.123.

112. Турач на грани уничтожения // Природа. - 1973. - №7. - С.125-126.

113. Животный мир пустынь // Основные задачи комплексного исследования территории Средней Азии и Казахстана. - Ашхабад, 1973. - С.25-29. (соавт.: Л.В. Арнольди и др.).

114. Закономерно-совместная встречаемость сочленов в гельминтозе горных агам в Средней Азии // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1974. - №1. - С.68-74.

(соавт.: Г.С. Марков и др.).

115. Areal // Türkmen sowet ensiklopediýasy. – Aşgabat, 1974. - Т.1. – S.188.

116. Biologiýa // Türkmen sowet ensiklopediýasy. – Aşgabat, 1974. - Т.1. – S.355-356.

117. Влияние антропогенных факторов на животный мир пустынь и некоторые вопросы его охраны // Охрана природы и рац. использ. диких животных. / Сб. науч. тр. МВА им. К.И. Скрябина. - М., 1974. - Т.72. - С.173-178.

118. Вопросы охраны амфибий и рептилий // Охрана природы и рац. использ. Диких животных / Сб. науч. тр. МВА им. К.И. Скрябина. - М., 1974. - Т.72. - С.164-172.

(соавт.: А.Г. Банников).

119. Воздействие человека на биогеоценозы и охрана природы // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1974. - №6. - С.3-9.

120. Wildlife Resources: Their Present and Potential Significance to the Economy of Arid Regions of Asia // Regional Meeting on Ecological Guidelines for the use of Natural Resources in the Middle East and South West Asia. Persepolis, Iran, 24-30 May. - 1975. - P.1-7.

121. Wildlife Resources: Their Present and Potential Significance to the Economy of Arid Regions of Asia // Ecological Guidelines for the use of Natural Resources in the Middle East and South West Asia, Persepolis, Iran, 24-30 May, 1975. - Morges, Switzerland, 1976. - P.96-101. (соавт.: A.G. Bannikov).

122. Об учреждении «Красной книги Туркменской ССР» // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1976. - №1. - С.75-79. (соавт.: Е.А. Ключкин).

123. Охрана природы пустынь Средней Азии и Казахстана // Пробл. осв. пустынь. - 1976. - №3-4. - С.29-34.

124. Вода в пустыне как экологический и зоогеографический фактор // Теоретич. и прикладные аспекты охраны природы и охотоведения / Сб. науч. тр. МВА им. К.И. Скрябина. - 1976. - Т.84. - С.40-44.

125. Объём и распространение в Средней Азии вида сетчатая круглоголовка *Phrynocephalus reticulatus* Eichwald (Sauna, Agamidae) // Теоретич. и прикладные аспекты охраны природы и охотоведения / Сб. науч. тр. МВА им. К.И. Скрябина. - 1976. - Т.84. - С. 113-119. (соавт.: И.С. Даревский, С. Шаммаков).

126. Новые данные по герпетофауне Туркменистана // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1976. - №5. - С.47-53. (соавт.: Ч. Атаев).

127. Заповедник Вирунга в Экваториальной Африке // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1977. - №2. - С.65-72.

128. Экология пятнистой круглоголовки (*Phrynocephalus mactilatus*) // Зоол. журн. - 1977. - Т.56. - Вып. 9. - С.1351-1356. (соавт.: С. Шаммаков).

129. Орнитология и охрана природы // Адаптивные особенности и эволюция птиц. - М., 1977. - С.11-15.

130. Сохраним животный мир пустыни // Охота и охотничье хоз-во. - 1978. - №6. - С.2-4.

131. Türkmenistanda tebigaty goramak // Türkmen sowet ensiklopediýasy. - Aşgabat, - 1978. -Т.8.- С.33-34 (А.Накыýew bilen bile).

132. Вступление // Природа Туркменистана. - Ашхабад, 1978. - С.2-3.

133. Вступление // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1978. - №4. - С.2.

134. Международный Союз охраны природы и природных ресурсов: (К 30-летию МСОП) // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1978. - №4. - С. 3-7.

-
135. О «Красной книге» Туркменской ССР // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1978. - №4. - С.8-10.
136. Вступление // Пробл. осв. пустынь. - 1978. - №4. - С.2.
137. Охрана природы в Туркменистане и её перспективы // Пробл. осв. пустынь. - 1978. - № 4. - С.3-7. (соавт.: А.Г. Бабаев, Е.А. Ключкин).
138. Предисловие // Охрана природы Туркменистана. - Ашхабад: Туркменистан, 1978. - Вып.4. - С.5-8.
139. Животный мир, его охрана и рациональное использование // Охрана природы Туркменистана. - Ашхабад: Туркменистан, 1978. - Вып.4. - С.94-110.
140. Заповедники Туркменистана // Охрана природы Туркменистана. - Ашхабад: Туркменистан, 1978. - Вып.4. - С.139-159.
141. Примечательные ландшафты и памятники природы Туркменистана. - Ашхабад: Туркменистан, 1978. - Вып. 4. - С.160-164. (соавт.: Е.А. Ключкин).
142. Conservation of Deserts in the USSR // Some Problems of Wildlife Conservation in the USSR. - М., 1978. - P.37-55.
143. Rare Mammals and Birds in Turkmenistan and their Protection // Some Problems of Wildlife Conservation in the USSR. - М., 1978. - P.98-103.
144. Стратегические задачи охраны природы: Ассамблея в Ашхабаде // Вестник АН СССР. - 1979. - №8. - С.84-89.
145. Вступление // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1979. - №4. - С.3-4.
146. Авифаунистика и охрана птиц // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1979. - №5. - С.3-6.
147. Охрана фауны // Охрана природы Туркменистана. - 1979. - Вып.5. - С.10-18.
148. Редкие и исчезающие виды рептилий Туркменистана // Охрана природы Туркменистана. - 1979. - Вып.5. - С.139-146. (соавт.: С. Шаммаков).
149. Возродить гепарда в Закаспии // Природа. - 1980. - №7. - С.46-49.
150. Антропогенные изменения окружающей среды и птицы // Экология, география и охрана птиц. - Л. - 1980. - С.138-143.
151. Sözbəşy // E.A. Klyuşkin – Ýylboýy güneşli, gülli ýlke. – Aşgabat, 1980. – S.3.
152. Предисловие // Туркменский ордена «Знак Почета» сельскохозяйственный институт им. М.И. Калинина. - Ашхабад, 1980. - С.5-6.
153. Кузница сельскохозяйственных кадров // Туркменский ордена «Знак почета» сельскохозяйственный институт им. М.И. Калинина. - Ашхабад, 1980. - С.7-16.
154. Задачи и перспективы института // Туркменский ордена «Знак почета» сельскохозяйственный институт им. М.И. Калинина. - Ашхабад, 1980. - С.138-140.
155. Туркменскому сельскохозяйственному институту им. М.И. Калинина - 50 лет. // Вестник с/х науки. - 1981. - №4. - С.139-141.
156. Зимовка птиц в Красноводском заповеднике // Охота и охотничье хоз-во. - 1981. - №1. - С.20-22. (соавт.: В.И. Васильев).
157. М.А. Мензбир о параллелизме // Вестник зоологии. - 1981. - №2. - С.3-9.
158. Охрана редких и исчезающих видов герпетофауны Туркменистана и рациональное использование ядовитых змей // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1981. - №4. - С.10-17. (соавт.: В.М. Макеев).
159. Зоогеографические связи герпетофауны Средней Азии и Кавказа // Бюл. МОИП. Отд. биол. - 1981. - Т.86. - Вып.4. - С.31-36.
160. Экология туркестанской агамы (*Agama lehmanni*) в горах Средней Азии // Зоол. журн.
-

-
- 1981. - Т.9. - №7. - С.1040-1045. (соавт.: Ч. Атаев и др.).
- 161.** Опыт оценки степени видового эндемизма герпетофаун Ирана, Афганистана и Средней Азии // V Всесоюз. герпетол. конф. / Вопр. герпетол. - Л., 1981. - С.118-119.
- 162.** От редактора // Шаммаков С. - Пресмыкающиеся равнинного Туркменистана. - Ашхабад: Ылым, 1981. - С.3-4.
- 163.** Краткие итоги, состояние и задачи охраны природы в Туркменистане // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1982. - №5. - С.16-23.
- 164.** Значение охраны исчезающих и редких видов фауны Туркменистана для сохранения генофонда в СССР // Генетические аспекты загрязнения окружающей среды: Мат-лы засед. секции генетич. аспектов пробл. «Человек и биосфера». - Ашхабад, 1982. - С.9-10.
- 165.** The Repetek Sandy Desert Reservation // XVШ Congressus Internationalis Ornithologicus. Itinery for Scientific Excursions. - Luberci: VINITI, 1982. - P.11-15.
- 166.** On the herpetofauna of Turkmenistan // Vertebrata Hungarica. - 1982. - Т.21. - P.215-226. (соавт.: S. Shammakov).
- 167.** Туркмения // Птицы СССР: История изучения. Гагары. Поганки. Трубноносые. - М.: Наука, 1982. - С.128-134.
- 168.** Наука Туркменистана - сельскохозяйственному производству // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1983. - №1. - С.3-7.
- 169.** Туркменистан – ключевой регион в сохранении генофонда редких и исчезающих видов животных // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1983. - №5. - С.3-11.
- 170.** Вопросы охраны и использования ресурсов животного мира на I конференции АН СССР по изучению производительных сил Туркменской ССР // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1983. - №5. - С.3-11.
- 171.** Биология турача в СССР и стратегия его охраны // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1984. - №5. - С.15-21.
- 172.** Турач // Природа. - 1984. - №5. - С.63-65.
- 173.** Параллелизм и конвергенция в адаптациях птиц аридных экосистем // Орнитология. - 1984. - Вып.19. - С.64-67. (соавт.: Н.Н. Дроздов).
- 174.** Сельскохозяйственные науки // Наука Советского Туркменистана за 60 лет (1924-1984 гг.). - Ашхабад, 1984. - С.155-178. (соавт.: В.Н. Фурсов и др.).
- 175.** Охрана природы // Наука Советского Туркменистана за 60 лет (1924-1984 гг.). - Ашхабад, 1984. - С.189-198.
- 176.** Охрана природы // Туркм. Совет. Соц. Республ. - Ашхабад, 1984. - С.63-65.
- 177.** Туркменский ордена «Знак Почета» сельскохозяйственный институт им. М.И. Калинина (ТСХИ) // Туркм. Совет. Соц. Респ-ка. - Ашхабад, 1984. - С.402-403. (соавт.: Ч.Р. Рахмедов).
- 178.** К экологии туркменского эubleфара (*Eublepharis turkmenicus Darevsky, 1978*) // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1985. - №1. - С.3-7. (соавт.: Ч. Атаев, О.С. Сопыев, А.Н. Макаров).
- 179.** От редактора // Ч. Атаев - Пресмыкающиеся гор Туркменистана. - Ашхабад: Ылым, 1985. - С.3-4.
- 180.** От редакции // Красная книга Туркменской ССР. - Ашхабад: Туркменистан, 1985. - С.5-10.
- 181.** Введение // Красная книга Туркменской ССР. - Ашхабад: Туркменистан, 1985. - С.11-20.
-

-
- 182.** Млекопитающие // Красная книга Туркменской ССР. - Ашхабад: Туркменистан, 1985. - С.21-104. (соавт.: Ю.К. Горелов, Н. Ишадов, Е.И. Щербина).
- 183.** Птицы // Красная книга Туркменской ССР. - Ашхабад: Туркменистан, 1985. - С.105-208.
- 184.** Пресмыкающиеся // Красная книга Туркменской ССР. - Ашхабад: Туркменистан, 1985. - С.209-270. (соавт.: Ч. Атаев, С. Шаммаков).
- 185.** Земноводные // Красная книга Туркменской ССР. - Ашхабад: Туркменистан, 1985. - С.271-275. (соавт.: Ч. Атаев, С. Шаммаков).
- 186.** Рыбы // Красная книга Туркменской ССР. - Ашхабад: Туркменистан, 1985. - С.277-293.
- 187.** Turkmenien // Handbuch der Vogel der Sowjetunion. - B.1. Erforschungsgeschichte. Gaviiformes. Podicipediformes. Procellariiformes. - A. Ziemsen Verlag Wittenberg Lutherstadt. - 1985. - S.106-111.
- 188.** Birds and Man-Made Environmental Changes in the Arid Zone of the USSR // Acta XVIII Congressus Internationalis Ornithologici. - M.: Nauka. - V.2. - P.584-587.
- 189.** Джейраны в Туркменистане: состояние популяций, расселение и разведение, меры охраны // Охрана и перспективы восстановления численности джейрана в СССР. - М., 1986. - С.17-21. (соавт.: Х.И. Атамурдов и др.).
- 190.** Герпетогеографическое районирование Средней Азии // ИЗВ. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1986. - №3. - С.13-20. (соавт.: Н.Н. Щербак).
- 191.** Отряд пеликанообразные или веслоногие // Жизнь животных. Птицы. - М.: Просвещение, 1986. - Т.6. - С.52-63. (соавт.: Н.А. Гладков, Е. Н. Курочкин).
- 192.** Отряд фламингообразные // Жизнь животных. Птицы. - М.: Просвещение, 1986. - Т.6. - С.77-80. (соавт.: Н.А. Гладков).
- 193.** Отряд курообразные // Жизнь животных. Птицы. - М.: Просвещение, 1986. - Т.6. - С.150-186. (соавт.: А.В. Михеев, Р. Л. Потапов).
- 194.** Отряд журавлеобразные // Жизнь животных. Птицы. - М.: Просвещение, 1986. - Т.6. - С.186-211. (соавт.: Н.А. Гладков и др.).
- 195.** Подотряд куликовые // Жизнь животных. Птицы. - М.: Просвещение, 1986. - Т.6. - С.216-245. (соавт.: Н.А. Гладков, В.Е. Флинт).
- 196.** Отряд удообразные // Жизнь животных. Птицы. - М.: Просвещение, 1986. - Т.6. - С.333-338. (соавт.: Н.А. Гладков).
- 197.** Турач // Птицы СССР: Курообразные. Журавлеобразные. - Л.: Наука, 1987. - С.46-61.
- 198.** Пустынная куропатка // Птицы СССР: Курообразные. Журавлеобразные. - Л.: Наука, 1987. - С.61-70.
- 199.** Неотложные задачи работы с Красной книгой Туркменской ССР // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1987. - №4. - С.8-14.
- 200.** Экология и охрана пустыни // Пробл. осв. пустынь. - 1987. - №5. - С.19-25.
- 201.** Чудесный уголок нашей Родины // Охота и охот. хоз-во. - 1987. - №11. - С. 18-20. (соавт.: Х. Атамурдов).
- 202.** Состояние и проблемы охраны редких позвоночных Туркменистана, внесенных в Красную книгу СССР // Редкие и малоизученные животные Туркменистана. - Ашхабад: Ылым, 1988. - С.7-16.
- 203.** Проблемы охраны рептилий Туркменистана и работа с красными книгами // Редкие и малоизученные животные Туркменистана. - Ашхабад: Ылым, 1988. - С.16-24. (соавт.: В.М. Макеев, О.С. Сопыев, С. Шаммаков).
- 204.** Каспийский улар в Туркменистане: биология и методы разведения // Редкие и
-

малоизученные животные Туркменистана. - Ашхабад: Ылым, 1988. - С.24-38.

(соавт.: О.С. Сопиев и др.).

205. Фауна и экология птиц и рептилий хребта Кугитанг // Редкие и малоизученные животные Туркменистана. - Ашхабад: Ылым, 1988. - С.82-117. (соавт.: О.С. Сопиев и др.).

206. Фауна птиц Нахичеванской АССР и ее среднеазиатские связи // Редкие и малоизученные животные Туркменистана. - Ашхабад: Ылым, 1988. - С.187-228.

207. Блок – биологические ресурсы, их использование и охрана // Прогр. биосферных и экол. исслед. по Туркм. ССР на период до 2000 г. - Ашхабад, 1988. - С.48-50.

208. Блок – экологическое образование // Прогр. биосферных и экол. исслед. по Туркм. ССР на период до 2000 г. - Ашхабад, 1988. - С.51-52.

209. Сельхозвузам – курс экологии // Совершенствование экол. образов. студентов. - Ашхабад, 1988. - С.4-5.

210. Люди и животные в пустыне // Наука в СССР. - 1990. - №1. - С.78-84.

211. Герпетология Средней Азии // Вопр. герпетологии. - Киев: Наукова Думка, 1989. - С.215-216. (соавт.: Н.Н. Щербак).

212. Редкие виды птиц в горах Туркменистана // Экологич. аспекты изуч., практич. использ. и охраны птиц в горных экосистемах. - Фрунзе, 1989. - С.84-85.

213. Vom Aussterben bedroht: Der Mittelasatische Wustensperling // Der Falke. – Н.1. - 1990. - S.12-15. (соавт.: О. Сопиев).

214. Д.Н. Кашкаров о применимости принципа Ле Шателье в биологии // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1990. - №5. - С.3-7.

215. Предисловие // Охрана природы Туркменистана. - Вып.7. - Ашхабад: ТуркменНИТИ, 1990. - С.2.

216. Предисловие // Охрана природы Туркменистана. - Вып.8. - Ашхабад: ТуркменНИТИ, 1990. - С.2.

217. Состояние и задачи охраны редких и исчезающих позвоночных в заповедниках Туркменистана // Заповедники СССР – их настоящее и будущее. - Ч.3. Зоолог. исслед. - Новгород, 1990. - С.304-306.

218. Распространение и экология полосатого и персидского псевдоциклофиса в Туркменистане // Экологич. аспекты охраны и рац. использ. диких животных / Сб. науч. тр. Моск. Вет. акад. - М., 1990. - С.29-35. (соавт.: Ч. Атаев).

219. Герпетология Средней Азии (краткий обзор) // Повышение эффективности сельскохозяйств. производства. - Т.34. - Ашхабад: Ылым, 1990. - С.161-188. (соавт.: Н.Н. Щербак).

220. О герпетологическом разнообразии генофонда Средней Азии // Пробл. изуч. и сохр. биол. разнообразия. - Фрунзе: Илим, 1990. - С.116-117.

221. Биологическое разнообразие: носители, уровни, проблемы сохранения // Зоологич. исслед. в Туркменистане / Тез. докл. науч. конф. сотр. ин-та зоол. АН ТССР. - Ашхабад: Ылым, 1991. - С.3-4.

222. О сохранении биологического разнообразия // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - №3. - 1991. - С.3-8.

223. О некоторых вопросах сохранения биологического разнообразия в условиях антропогенно трансформированной пустыни // Пробл. освоения пустынь. - 1991. - №3-4. - С.31-38.

224. К вопросу изучения и сохранения биологического разнообразия // Мат-лы 10-й Всесоюз. орнит. конф. - Ч.1. - Минск: Навука і тэхніка, 1991. - С.9-10.

-
225. Орнитогеографическое районирование Средней Азии // Мат-лы 10-й Всесоюз. орнит. конф. - Ч.1. - Минск: Наука і тэхніка, 1991. - С.138-139.
226. Животный мир Каракумов // Пустыня Каракум и пустыня Тар. - Ашхабад: Ылым, 1992. - С.146-156.
227. Предисловие // Природа Бадхыза (Охрана природы Туркменистана, Вып. 9). - Ашхабад: РИПО Туркменистан, 1992. - С.3-4.
228. Экологическое образование студентов и пути его совершенствования в Туркменском СХИ // Пробл. совершенст. высшего образования в Туркменистане. - Ашхабад, 1993. - С.48-49. (соавт.: О.С. Сопыев, К.М. Мукумов).
229. Малая горлица – *Streptopelia senegalensis* (Linnaeus, 1766) // Птицы России и сопредельных регионов: Рябкообразные. Голубеобразные. Кукушкообразные. Сивообразные. – М.: Наука, 1993. – С.163-181.
230. Vertebrates in the Red Data Book of Turkmenistan // Biogeography and Ecology of Turkmenistan. - Kluwer Academic Publishers, 1994. - P.205-230. (соавт.: О. Сопыев).
231. Ecology of birds in the Karakum Desert // Biogeography and Ecology of Turkmenistan. - Kluwer Academic Publishers, 1994. - P.247-264.
232. Reptiles of Kopetdag // Biogeography and Ecology of Turkmenistan. - Kluwer Academic Publishers, 1994. - P.329-350. (соавт.: Ch. Atayev, S. Shammakov).
233. К экологии каспийского улар (*Tetraogallus caspius* Gm.1784) в Копетдаге // Тр. ЗИН РАН. - Т.252. - 1995. - С.123-138. (соавт.: О. Сопыев, А.В. Солоха).
234. Зоогеографическая карта // Туркменистан: Комплексный географический атлас. – Т.1. [1995]. – С.67. (подготовленный к печати проект; соавт. Э.А. Рустамов).
235. Редкие и исчезающие наземные позвоночные животные Туркменистана [Школьная карта]. - Ашхабад: Туркменгеодезия, 1995. (соавт.: Т.Токгаев и др.).
236. Агробизнес, рынок и экология // Аграрная наука и образование – прогрессу сельскохоз. реформ Сапармурата Туркменбаши и укреплению независимости Туркменистана. - Ашхабад: Рух, 1996. - С.91-101. (соавт.: О. Сопыев).
237. Принцип Ле Шателье в приложении к сохранению биологического разнообразия // Вопр. эколог. и охраны позв. животных. - Вып. 2. - Киев-Львов, 1998. - С.44-48.
238. Мраморный чирок // Красная книга Туркменистана. - Т.1. - Ашхабад: Туркменистан, 1999. - С.220-221.
239. Лаггар // Красная книга Туркменистана. - Т.1. - Ашхабад: Туркменистан, 1999. - С.244-245.
240. Турач // Красная книга Туркменистана. - Т.1. - Ашхабад: Туркменистан, 1999. - С.254-255.
241. Белый журавль, или стерх // Красная книга Туркменистана. - Т.1. - Ашхабад: Туркменистан, 1999. - С.256-257.
242. Бегунок // Красная книга Туркменистана. - Т.1. - Ашхабад: Туркменистан, 1999. - С.274-275.
243. Чешуйчатый дятел // Красная книга Туркменистана. - Т.1. - Ашхабад: Туркменистан, 1999. - С.278-279.
244. О поведенческих и экологических адаптациях птиц песчаных пустынь Центральной Азии // Вопр. орнит. Туркменистана. - М. - 2002. - С.36-42. (соавт.: О.С. Сопыев, М.Б. Аманова).
245. Еще раз о пролете малой мухоловки (*Muscicapa parva parva*) в Туркменистане // Вопр.
-

-
- орнит. Туркменистана. - М. - 2002. - С.68-76. (соавт.: Э.А. Рустамов).
- 246.** Заметки о фауне птиц Бадхыза и Карабиля // Экология и охрана птиц Центральной Азии. - Киев–Москва. - 2002. - С. 96-106. (соавт.: О.С. Сопыев).
- 247.** О составе и распределении териофауны Туркменистана // Сб., посвященный памяти К.А. Татарина. - Львов: УАМБН, 2003. (соавт.: Э.А. Рустамов).
- 248.** О величине популяции *Laudakia caucasi* (Eichwald, 1831) (*Sauria, Agamidae*) и ее динамике в предгорьях Копетдага // Бюлл. МОИП. Отд. биол. - 2003. - 108. - Вып.5. - С.75-77. (соавт.: Ч. Атаев).
- 249.** Экспедиция на Устюрт в 1970 г. // Казахстанский орнитол. бюлл. - Алматы: Тетис. - 2003. - С.221-222.
- 250.** Сизоворонка *Coracias garrulus Linnaeus, 1758* // Птицы России и сопредельных регионов: Сивообразные. Козодоеобразные. Стрижеобразные. Ракшеобразные. Удодообразные. Дятлообразные. - М.: ТНИ КМК, 2005. - С.182-193.
- 251.** Зелёная щурка *Merops persicus Pallas, 1773* // Птицы России и сопредельных регионов: Сивообразные. Козодоеобразные. Стрижеобразные. Ракшеобразные. Удодообразные. Дятлообразные. - М.: ТНИ КМК, 2005. - С.258-267.
- 252.** Удод *Upupa epops Linnaeus, 1758* // Птицы России и сопредельных регионов: Сивообразные. Козодоеобразные. Стрижеобразные. Ракшеобразные. Удодообразные. Дятлообразные. - М.: ТНИ КМК, 2005. - С.269-280.
- 253.** О репродуктивных особенностях пресмыкающихся (*Reptilia*) Центральной Азии // Selevinia. - 2005. - С.135-142. (соавт.: Ч. Атаев).
- 254.** От редакторов // Птицы Средней Азии. - Т.1. - Алматы, 2007. - С.11-15. (соавт. А.Ф. Ковшарь).
- 255.** Об изученности авифауны Средней Азии // там же. - С.16-23.
- 256.** Краткий физико-географический очерк // там же. - С.24-28.
- 257.** Каспийский улар – *Tetraogallus caspius Gmelin, 1784* // там же. - С.287-291. (соавт. О.С. Сопыев, А.В. Солоха).
- 258.** Гималайский улар – *Tetraogallus himalayensis Gray, 1842* // там же. - С.291-295. (соавт. А.В. Солоха).
- 259.** Тибетский улар – *Tetraogallus tibetanus Gould, 1853* // там же. - С.295-297. (соавт. А.В. Солоха).
- 260.** Кеклик – *Alectoris chukar (J.E. Gray, 1830)* // там же. - С.297-304.
- 261.** Пустынная куропатка – *Ammoperdix griseogularis Brandt, 1843* // там же. - С.304-308.
- 262.** Турач – *Francolinus francolinus Linnaeus, 1766* // там же. - С.308-314.
- 263.** Перепел – *Coturnix coturnix (Linnaeus, 1758)* // там же. - С.322-327.
- 264.** Отряд Сивообразные – *Strigiformes* // там же. - С.421-467. (соавт. О.В. Митропольский).
- 265.** Отряд Ракшеобразные – *Coraciiformes* // там же. - С. 494-516.
- 266.** Отряд Удодообразные – *Upipiformes* // там же. - С. 517-522.
- 267.** Исследования герпетофауны Койтендага и прилегающих территорий // Пробл. осв. пустынь. - 2008. - №1. - С. 37-40. (соавт. М.Р. Хабибуллоев).
- 268.** Еще раз об изученности герпетофауны Койтендага (Кугитанг) // Selevinia. - 2009. - С.93-98. (соавт. М.Р. Хабибуллоев).
- 269.** *Ptyas mucosus* (Linnaeus, 1758) // Красная книга Туркменистана. 3-е изд. - Т.2. - Ашхабад: Ылым, 2011. - С.198-199. (соавт. С.М. Шаммаков).
-

-
- 270.** *Anas angustirostris Menetries*, 1832 // Красная книга Туркменистана. 3-е изд. - Т.2. - Ашхабад: Ылым, 2011. - С.226-227. (соавт. Э.А. Рустамов).
- 271.** *Tetragallus caspius Gmelin*, 1784 // Красная книга Туркменистана. 3-е изд. - Т.2. - Ашхабад: Ылым, 2011. - С.264-265. (соавт. О.С. Сопыев).
- 272.** *Francolinus francolinus Linnaeus*, 1766 // Красная книга Туркменистана. 3-е изд. - Т.2. - Ашхабад: Ылым, 2011. - С.266-267. (соавт. О.С. Сопыев).
- 273.** *Cursorius cursor Latham*, 1787 // Красная книга Туркменистана. 3-е изд. - Т.2. - Ашхабад: Ылым, 2011. - С.282-283. (соавт. М.Б. Аманова).

2.1.3. Брошюры (1950-1993 гг.)

2.1.3. Broşýuralary (1950-1993 ýý.)

- 274.** Птицы пустыни Каракум: автореф. дис. ... докт. биол. наук. - М., 1950. - 15 с.
- 275.** Вопросы советской науки: фауна Туркменской ССР, её состав, распределение, история, экология и практическое значение. - Ашхабад, 1961. - 11 с. (соавт.: А.О. Ташлиев и др.).
- 276.** Вопросы советской науки: биологические основы освоения, реконструкции и охраны животного мира. - Ашхабад, 1967. - 18 с. (соавт.: В.Е. Быковский и др.).
- 277.** Репетекский заповедник // Природные заповедники СССР- М.: Знание, 1971. - 32 с.
- 278.** Бадхызский заповедник // Природные заповедники СССР- М.: Знание, 1972. - 32 с.
- 279.** Природные заповедники СССР: (Всесоюзный орнитологический Красноводский заповедник). - М.: Знание, 1976. - 48 с. (соавт.: В.И. Васильев).
- 280.** Охрана природы / Progr. курса для высших сельскохозяйств. уч. заведений. - М., 1973. - 12 с. (соавт.: А.Г. Банников).
- 281.** Protection of Nature // Contents of the book «Protection of Nature». - М., 1977. - 4 р. (соавт.: А.Г. Банников).
- 282.** Программа дисциплины «Охрана природы» для высш. с/х учеб. завед. - М., 1978. - 14 с. (соавт.: А.Г. Банников).
- 283.** Заповедники Туркменистана. - М.: Колос, 1978. - 5 с.
- 284.** Turkmenian Reservations // XIV General Assembly of the International Union for Conservation of Nature and Natural Resources. September 25-October 5. - 1978. - 15 р.
- 285.** Охрана природы: Progr. курса для высш. с/х уч. завед. - М., 1982. - 15 с. (соавт.: А.Г. Банников, А.А. Вакулин).
- 286.** Охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов / Progr. курса для высш. с/х уч. завед. - М., 1990. - 18 с. (соавт.: А.Г. Банников, А.А. Вакулин).
- 287.** Джейран. - Ашхабад: Туркменистан, 1990. - 8 с. (соавт.: Х.И. Атамуратов, О.С. Сопыев, О.Р. Курбанов).
- 288.** Çöller we rowaýatlar mekanynda. - Aşgabat: Türkmenistan «PHÇB», 1992. - 51 s. (H.I. Atamyradow bilen bile).
- 289.** Çölüň janly hazynasy. - Aşgabat: Türkmenistan, 1993. - 71 s. (T.Tokgajew bilen bile).

2.1.4. Тезисы научных докладов (1940-2008 гг.)
2.1.4. Ýlmy dokladyňyň tezisleri (1940-2008 ýý.)

- 290.** Целесообразность и системосообразность организмов // Тез. науч.-исслед. конф. - Ашхабад, - 1940. - С.6.
- 291.** О размножении хищных птиц в Северо-Восточной Туркмении в 1951-1952 гг. // Тез. докл. проф.-преп. сост. на III науч. конф. - Ашхабад, 1955. - С.138-139.
- 292.** К вопросу о формировании зимней авифауны Туркмении // Тез. докл. проф.-преп. сост. на III науч. конф. - Ашхабад, 1955. - С.140-141.
- 293.** К вопросу о понятии «жизненная форма» в экологии животных // Тез. докл. проф.-преп. состава ТСХИ на науч. конф., посв. 30-летию ТССР. - Ашхабад, 1955. - С.29-30.
- 294.** Районирование и выделение ландшафтно-фаунистических комплексов в зоогеографическом анализе // Мат.-лы. к совещ. по вопр. зоогеогр. суши: Тез. докл. - Львов, 1957. - С.119-121.
- 295.** О фаунистических связях Копетдага с Гирканией // VII науч. конф. проф.-преп. состава ТГУ // Тез. докл. - Ашхабад, 1959. - С.67.
- 296.** Об орнитологических связях Копетдага с Гирканией // Тез. II Всесоюз. орнит. конф. - М., 1959. - Т.3. - С.63.
- 297.** О гибели птиц от неблагоприятных погодных условий в Юго-Восточной Туркмении // Тез. II Всесоюз. орнит. конф. - М., 1959. - Т.3. - С.64.
(соавт.: А.Н. Сухинин, Е.И. Щербина).
- 298.** [о неотложных задачах комиссий по охране природы республиканских академий наук] // Тр. Всесоюз. совещаний по охране природы. - Т.1.- Тбилиси: АН ГССР, 1959. - С.78-79.
- 299.** К оценке обилия и населения видов в зоогеографических характеристиках // Мат.-лы II Всесоюз. зоогеограф. конф. - Алма-Ата, 1960. - С.109-110.
- 300.** Некоторые вопросы зоогеографического изучения региональных фаун // Тез. III Всесоюз. орнит. конф. - Львов, 1962. - С.166-167.
- 301.** Эколого-географический изоморфизм - основа формирования «жизненных форм» у животных // Тез. III Всесоюз. орнит. конф. - Львов, 1962. - С.167-169.
- 302.** Некоторые очередные задачи зоогеографического изучения наземных животных пустынь Средней Азии // Зоогеография суши: Тез. III Всесоюз. совещ. по зоогеогр. суши. - Ташкент, 1963. - С.262-263.
- 303.** Фаунистический комплекс – единица орнитогеографического анализа // Тез. докл. Прибалтийской орнит. конф. - Тарту, 1963. - С.174-175.
- 304.** Герпетофауна Туркмении, её состав, распределение и связи // Вопросы герпетологии: мат.-лы Всесоюз. герпетол. конф. - Л., 1964. - С.57-58.
- 305.** Зоогеографические особенности различных групп наземной фауны пустынь Средней Азии // Тез. докл. IV Всесоюз. зоогеогр. конф. - Одесса, 1966. - С.233-234.
- 306.** Зоогеография и освоение пустынь Средней Азии // Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. по изуч. и освоен. пустынных территорий Средней Азии и Казахстана. - Ашхабад, 1968. - С.5-6.
- 307.** К изучению биологической продуктивности охотничьих угодий Туркмении // Тез.
-

докл. и сообщ. на симпоз. Повышение продуктивности охот. хозяйства. - М., 1969. - С.43. (соавт.: Е.И. Щербина).

308. Ornithogeography of cultural landscapes in Middle Asian Deserts // XV Congressus Internationalis Ornithologicus / Abstracts. - Haag. - 1970. - P.180.

309. Антропогенная зоогеография // V Межвуз. Всесоюз. зоогеогр. конф. («Влияние антропогенных факторов на формирование зоогеографических комплексов»). - Казань, 1970. - Ч.1. - С.21-22. (соавт. В.А. Попов).

310. К экологии туркестанской и гималайской агам в Юго-Восточной Туркмении (Кугитанг) // Вопр. герпет. Автореф. докл. III Всесоюз. герпет. конф. - Л., 1973. - С.159-160. (соавт.: О.С. Сопыев, Р.М. Пинясова).

311. Орнитология и охрана природы // Мат. VI Всесоюз. орнит. конф. - М., 1974. - Ч.1. - С.7-10. (соавт.: Н.А. Гладков).

312. Поведенческие и экологические адаптации птиц пустынь Средней Азии // Мат. VI Всесоюз. орнит. конф. - М., 1974. - Ч.2. - С.117-119. (соавт.: О. Сопыев, М. Аманова).

313. Behavioral and Ecological Adaptations of Birds in Middle Asia // 16 Intern. Ornithol. Congr. / Abstracts. Canberra - 1974. - P.34-36. (соавт.: О. Sопієv, М. В. Аманова).

314. Миграции птиц в связи с антропогенным воздействием на аридные земли // Мат. Всесоюз. конф. по миграциям птиц. - М., 1975. - Ч.1. - С.87-89.

315. Зоогеографические аспекты охраны природы // Актуальные вопр. зоогеогр. / VI Всесоюз. зоогеогр. конф.: Тез. докл. - Кишинев, 1975. - С.55-57. (соавт.: Н.А. Гладков).

316. Состояние и задачи охраны природы Туркменистана // Тез. докл. 1 науч. конф. по охране природы Туркменистана. - Ашхабад, 1976. - С.5-15. (соавт.: А.Г. Бабаев, Е.А. Ключкин).

317. О редких, исчезающих видах животных и растений и учреждении «Красной книги Туркменской ССР» // Тез. докл. 1 науч. конф. по охране природы Туркменистана. - Ашхабад, 1976. - С.15-17. (соавт.: В.В. Никитин, Е.А. Ключкин).

318. Антропогенные изменения окружающей среды и птицы // VII Всесоюз. орнит. конф.: Тез. докл. - Киев, 1977. - Ч.2. - С.169-170.

319. Nature Conservation Society of the Turkmenian SSR // 14 th Session of the General Assembly of JUCN and 14th IUCN Technical Meeting. Ashgabat, USSR, 26 September - 5 October 1978, Proceedings. - Morges. Switzerland. - 1979. - P.148.

320. Зоогеография и антропогенное воздействие на ландшафты // УП Всесоюз. зоогеогр. конф.: Тез. докл. - М., 1980. - С.222-224.

321. Кафедра охраны природы Туркменского сельскохозяйственного института им. М.И. Калинина // Образование в области окружающей среды.: Мат-лы 1 Всесоюз. конф. по образованию в обл. окружающей среды. - М., 1980. - С.140-142.

322. Reptiles in the Red Data Book of Turkmenistan // Summaries of the Lectures of the First Herpetological Conference of the Socialist Countries. - Budapest, 1981. - P.38.

323. Biotopic distribution and the numbers of reptile species in the flat lands of Turkmenistan // Summaries of the Lectures of the First Herpetological Conference of the Socialist Countries. - Budapest, 1981. - P.39.

324. Стратегические задачи охраны живой природы в Туркменистане // Тез. докл. II науч. конф. по охране природы Туркм. ССР. - Ашхабад, 1981. - С.126-130.

325. Курс «Охрана природы» в сельскохозяйственных институтах (на примере

-
- Туркменского сельскохозяйственного института) // Пробл. Природоохранного образ. и восп. - М., 1982. - С.60-62.
- 326.** Охрана редких видов животных в свете Закона СССР «Об охране и использовании животного мира» / Разведение и создание новых популяций редких и ценных животных: Тез. докл. III совещ. - Ашхабад, 1982. - С.3-6.
- 327.** Антропогенные изменения среды в аридной зоне СССР и птицы // ХУШ Межд. орнитол. конгр.: Тез. докл. - М., 1982. - С.30-31.
- 328.** Birds and Man-Made Environmental Changes in the Arid Zone of the USSR // XVIII Congressus International Ornithologicus. Abstracts of Symposia and Poster Presentations. - М., 1982. - P.38-39.
- 329.** Зоогеографические аспекты охраны редких видов животных // УШ Всесоюз. зоогеог. конф.: Тез. докл. - М., 1984. - С.123-125.
- 330.** Герпетогеографическое районирование Средней Азии // Вопр. герпетологии / VI Всесоюз. герпет. конф. - Л., 1985. - С.181-182. (соавт.: Н.Н. Шербак).
- 331.** Turkmenian herpetofauna and problems of protection // Third Ordinary General Meeting of Societas Herpetologica Europea. Abstracts. - Prague, 1982. - P.102. (соавт.: S. Shammakov, Ch. Atayev).
- 332.** О работе с «краснокнижными» видами птиц // Изучение птиц СССР, их охрана и рациональное использование: Тез. докл. - Л., 1986. - Ч.2. - С.206-207.
- 333.** Возродить борзую тазы в Туркменистане // Первое Всесоюз. совещ. по пробл. зоокультуры: Тез. докл. - М., 1986. - Ч.1. - С.109-111. (соавт.: Х.И. Атамуратов).
- 334.** Состояние и задачи охраны амфибий и рептилий в заповедниках Средней Азии и Казахстана // Географ. пробл. развития заповедного дела: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. - Самарканд, 1986. - С.114-116. (соавт.: Ч. Атаев, С. Шаммаков).
- 335.** Some Conclusions and the Strategy of Development of Ecological at Agricultural Institutes // Abstracts of the Papers for the UNESCO-UNEP Intern. Congr. On Environm. Education and Training. - М., 1987. - P.57-58.
- 336.** Редкие и малоизученные птицы Средней Азии // Мат-лы III Респуб. орнит. конф. - Ташкент: Фан, 1990. - С.3-7.
- 337.** Herpetological Variety of the Middle Asia // First Asian Herpet. Meet. - Haangshan, China, 1992.
- 338.** Хозяйственное использование ресурсов животного мира – дополнительный резерв в укреплении экономики Туркменистана. // Мат-лы респ. науч.-теорет. конф. Новая аграрная политика президента С.А. Ниязова и перспект. развит. сельскохоз. производ. Туркменистана. - Ашхабад, 1993. - С.75-77. (соавт.: О. Сопыев).
- 339.** About the Black Stork in Turkmenistan // 1-st Intern. Black Stork Conservation and Ecology Sympos. - Jurmala, Latvia, 1993. - P.73.
- 340.** Антропогенная зоогеография // Актуал. пробл. изуч. и охраны птиц Восточной Европы и Северной Азии / Мат-лы межд. конф. (XI Орнит. конф.). - Казань. - 2001. - С.21-22.
- 341.** Фенология пролета малой мухоловки в предгорьях Копетдага // Актуал. пробл. изуч. и охраны птиц Восточной Европы и Северной Азии / Мат-лы межд. конф. (XI Орнит. конф.). - Казань. - 2001. - С.540. (соавт.: Э.А. Рустамов).
- 342.** Сохранение биоразнообразия как комплексная задача // Природа Туркменистана в эпоху возрождения и новых преобразований / Тез. докл. науч.-практ. конф.
-

посв. 40-летию ООП Туркменистана и 30-летию вступления его в МСОП. – Ашхабад: Ылым, 2008. - С. 252-254.

2.1.5. Рецензии (1953-1977 гг.)*

2.1.5. Synlary (1953-1977 ýý.)*

- 343.** Зоол. журн. - 1953. - Т.32. - Вып.5. - С.1035-1036. - Рец. на кн.: Птицы Туркменистана. - Ашхабад, 1952. - Т.1. - 548 с.
- 344.** Зоол. журн. - 1955. - Т.34. - Вып.5. - С.1184-1186. - Рец. на кн.: Птицы Советских Карпат. - Киев, 1954. - 331 с.
- 345.** Зоол. журн. - 1963. - Т.42. - Вып.2. - С.1427-1430. - Рец. на кн.: Пресмыкающиеся Туркмении. - Ашхабад: АН ТССР, 1962. - 235 с.
- 346.** Узбекский биол. журн. - 1966. - №6. - С.68. - Рец. на сб.: Герпетология. – Ташкент, 1965. - 103 с.
- 347.** Заметное событие в изучении живой природы Средней Азии // Природа. - 1972. - №9. - С.115-116. - Рец. на кн.: Природа и животный мир Средней Азии. - Ташкент: Укитувчи, 1969. - Т.Т.1-2. - 324 с.
- 348.** Вестник АН Каз. ССР. - 1976. - №2. - С.78-79. - Рец. на кн.: Птицы Казахстана. - Алма-Ата: Наука, 1960-1976. -Т.Т.1-5. - 470, 780, 644, 367, 480 сс.
- 349.** Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1977. - №4. - С.87-88. - Рец. на кн.: Птицы зональных степей и пустынь Центральной Азии. - Л.: Наука, 1975. - 248 с.

2.1.6. Персоналии (1944-2008 гг.)

2.1.6. Şahslar hakynda makalalary (1944-2008 ýý.)

- 350.** В.Л. Комаров как биолог дарвинист: (к 75-летию со дня рождения) // Изв. ТФАН СССР. - 1944. - №1.- С.17-21.
- 351.** Şöhratly alym (W.L. Komarowyň 75 ýaşynyň dolan gününe) // Sowet Türkmenistany gazeti. - 1944. - 13-nji oktyabr).
- 352.** Akademik Alekseý Nikolaýewiç Bah // Mydam taýýar gazeti. - 1947. - 20-nji mart.
- 353.** Г.П. Дементьев как исследователь фауны Средней Азии: (к 50-летию со дня рождения) // Охрана природы. / Сб. науч. работ. - М., 1948. - №5. - С.5-11.
- 354.** Памяти Михаила Константиновича Лаптева // Изв. АН ТССР. - 1953. - № 5. - С.91-93. (соавт.: Г.П. Дементьев).
- 355.** Памяти друга и учителя: (Георгий Петрович Дементьев, 1898-1969 гг.) // Орнитология в СССР. - Ашхабад, 1969. - Кн.1. - С.7-15. (соавт.: Н.А. Гладков).
- 356.** Николай Андреевич Иванов (1912-1976 гг.) // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1977. - №1. - С.89-90.
- 357.** Зоолог Е.Л. Шестоперов (1885-1940) // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1977. - №3. - С.12-15.

* Кроме того А.К. Рустамовым написано более 200 официальных рецензий на сборники научных трудов, и отзывов на диссертационные работы.

* Ondan başga-da A.K. Rustamow tarapyndan 200-den gowrak dürli ylmy ýygynydlara we dissertasiýalaryň golýazmalaryna resmi synlar ýazyldy.

-
- 358.** Жизнь и деятельность Г.П. Дементьева // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1979. - №4. - С.5-14.
- 359.** Выдающийся советский зоолог – Георгий Петрович Дементьев // Природа. - 1979. - №12. - С.34-41. (соавт.: А.Г. Банников, В.Д. Ильичев).
- 360.** Д.Н. Кашкаров – основатель отечественной экологии животных // Экология. - 1979. - №3. - С.102-105.
- 361.** Памяти Виктора Алексеевича Попова (1910-1980) // Бюл. МОИП. Отд. биол. - 1982. - Т.87. - Вып.2. - С.123-125.
- 362.** Овез Сопыев: (К 50-летию со дня рождения) // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1985. - №4. - С.77-78.
- 363.** Владимир Евгеньевич Флинт (к 60-летию со дня рождения) // Орнитология. - 1985. - Вып.20. - С.203-207. (соавт.: А.Г. Банников и др.).
- 364.** Андрей Григорьевич Банников (К 70-летию со дня рождения) // Охота и охотничье хоз-во. - 1985. - №5. - С.12-13. (соавт.: В. Флинт).
- 365.** Андрей Григорьевич Банников // Охота и охотничье хоз-во. - 1986. - №2. - С. 16-17. (соавт.: Д.И. Бибилов и др.).
- 366.** Andrei Bannikov // IUCN Bulletin. - 1986. - V.17. - №1-3. - P.41.
- 367.** Исследователь фауны Средней Азии: (К 60-летию со дня рождения профессора Н.Н. Щербака) // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1987. - №5. - С.122-123. (соавт.: С. Шаммаков, Ч. Атаев).
- 368.** В.Д. Ильичеву – Почетное избрание // Информ. бюлл. ВОО. - №7. - Пушино, 1991. (соавт.: В.М. Галушин).
- 369.** Михаил Константинович Лаптев: 110 лет со дня рождения. - Ашхабад (Рукопись). - 1995. - 12 с.
- 370.** Выдающийся зоолог и деятель охраны природы Георгий Петрович Дементьев (к 100-летию со дня рождения) // Serinus / Орнит. альманах. - Вып.1. - Киев: УАМБН, 1998. - С.4-8.
- 371.** Он всем сердцем любил Туркменистан (о Г.П. Дементьеве) // газ. Туркм. искра. - 1998. - 6 июля. (соавт.: О. Сопыев).
- 372.** Георгий Петрович Дементьев (1898-1969) // Совр. орнитология 1998. - 1998. – М.: Наука. - С. 7-14. (соавт.: В.Д. Ильичев, Е.Н. Курочкин).
- 373.** Георгий Петрович Дементьев, 1898-1969 // Московские орнитологи. - М.: МГУ, 1999. - С.117-136. (соавт.: В.Д. Ильичев, Е.Н. Курочкин).
- 374.** Памяти Андрея Григорьевича Банникова (1915-1985) // Герпетологический вестник. Вып.3. – Львов, 2002.
- 375.** Поднялся ветер... // Академик Владимир Евгеньевич Соколов / Жизнь и научная деятельность в очерках и воспоминаниях. - М.: Наука, 2001. - С.98-99.
- 376.** Qara Teyfur oğlu Mustafayev elmdə dirilibdir // Qara Teyfur oğlu Mustafayev - 70 / Bibliografiya. - Bakı - 2001. - S.86-88.
- 377.** Кашкаров Даниил Николаевич (1878-1941) // Орнитологи Казахстана и Средней Азии: XX век / Биобибл. справочник. - Алматы, 2003. - С.32-36. (соавт.: А.Ковшарь).
- 378.** Шестоперов Евгений Львович (1885-1940) // Орнитологи Казахстана и Средней Азии: XX век / Биобибл. справочник. - Алматы, 2003. - С.48-50.
- 379.** Билькевич Станислав Иосифович (1864-1938) // Орнитологи Казахстана и Средней Азии: XX век / Биобибл. справочник. - Алматы, 2003. - С.53.
-

-
- 380.** Лаптев Михаил Константинович (1885-1948) // Орнитологи Казахстана и Средней Азии: XX век / Биобибл. справочник. - Алматы, 2003. - С.55-56.
- 381.** Дементьев Георгий Петрович (1898-1969) // Орнитологи Казахстана и Средней Азии: XX век / Биобибл. справочник. - Алматы, 2003. - С.83-87. (соавт.: А.Ковшарь).
- 382.** Владислав Иванович Васильев (1938-2004) // Зоол. журн. - 2004. - Т.83. - №7. - С.891-893. (соавт.: Э.А. Рустамов, Е.Н. Панов, М.Е. Гаузер).
- 383.** Игорь Александрович Долгушин, каким я его помню... // Игорь Александрович Долгушин (1908-1966). - Алматы, 2008. - С.63-65.

2.1.7. Хроника (1959-1986 гг.)

2.1.7. Hronika (1959-1986 ýý.)

- 385.** Конференция по изучению периодических явлений в жизни птиц // Зоол. журн. - 1959. - Т.38. - Вып.8. - С.1280.
- 386.** XIV Генеральная ассамблея Международного союза охраны природы // Природа. - 1979. - №5. - С.21-22.
- 387.** Всемирный форум по охране природы: (Об итогах XIV Генеральной ассамблеи МСОП) // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1979. - №4. - С.94-96.
- 388.** Совещание по редким животным // Охота и охотничье хоз-во. - 1983. - №7. - С.21. (соавт.: О. Сопыев, И. Кайдун).
- 389.** Охрана природы и мир [о XVI Генеральной ассамблее МСОП] // Охота и охотничье хоз-во. - 1986. - №12. - С.3. (соавт.: Ю. Язан, Л. Болыиова, А. Тимошенко).

2.2. ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ

2.2. Publitistik makalalar

2.2.1. Журнальные и другие статьи (1960-2005 гг.)

2.2.1. Žurnal we beýleki makalalar (1960-2005 ýý.)

- 390.** В.И. Ленин и охрана природы // Изв. АН ТССР. Сер.биол.наук. - 1960. - №2. - С.3-6.
- 391.** Высшее сельскохозяйственное образование в Туркмении // Вестник сельскохозяйственной науки. - 1963. - №8. - С.27-30.
- 392.** Туркменский сельскохозяйственный институт: к 40-летию образования Туркменской ССР и Компартии Туркменистана // Туркм. с/х институт. - Ашхабад, 1964. - Т.13.- С.5-9.
- 393.** Из редакционной почты: ядовитые змеи в опасности // Природа. - 1968. - №7. - С.124.
- 394.** W.I. Leniniň tebigaty goramak baradaky taglymatynyň respublikamyzda amala aşyrylyşy // Türkmenistanyň Kommunisti žurn. - 1970. - №1. - С.19-25.
- 395.** Осуществление в республике идей В.И. Ленина об охране природы // Коммунист Туркменистана. - 1970. - №1. - С.19-24.
- 396.** В.И. Ленин и дело охраны природы в Туркменистане // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. - 1970. - №2. - С.29-34.
- 397.** Сорок лет Туркменскому сельскохозяйственному институту им. М.И. Калинина // Туркм. с/х институт. - Ашхабад, 1971. - Т.16. - Вып.3. - С.3-11.
-

-
398. 20000 энтузиастов // НТО СССР. - 1971. - №6. - С.11-15.
399. Tebigat – hazynam // Sowet Türkmenistanyň aýallary žurn. - 1973. - №4. - S.16-17.
400. Преображенная пустыня // Здоровье. - 1974. - №3. - С.2-3.
401. Институт и сельскохозяйственное производство // Коммунист Туркменистана. - 1976. - №1. - С.14-18.
402. Institut we oba hojalyk önümçiligi // Türkmenistanyň kommunisti žurn. - 1976. - №1. - S.14-19.
403. Ленинское отношение к природе // Охрана природы Туркменистана. – Ашхабад: Туркменистан, 1978. - Вып.4. - С. 9-15.
404. Человек и дело охраны природы // Коммунист Туркменистана. - 1978. - №12. - С.63-66.
405. Adam we tebigaty goramak meseleleri // Türkmenistanyň kommunisti žurn. - 1978. - №12. – S.63-67.
406. Oba hojalyk kadalarynyň mekany // Türkmenistanyň oba hojalygy žurn. -1980. - №10. – S.10-16.
407. Кузница сельскохозяйственных кадров // Сельское хоз-во Туркменистана. - 1980. - №10. - С. 3-13.
408. Tebigaty gorap saklamak – her bir adamyň borjy // Türkmenistanyň kommunisti žurn. - 1981. - №9. – S.59-61.
409. Охрана природы – долг каждого // Коммунист Туркменистана. - 1981. - №9. - С.59-60.
410. Из воспоминаний... // Вопросы орнитологии Туркменистана. - М. - 2002. - С.24-35.
411. К моим воспоминаниям // Выдающийся зоолог и деятель охраны природы Анвер Кеюшевич Рустамов (1917-2005). – Баку: АОО, 2005. – С.65-79.

2.2.2. Газетные статьи (1944-1994 гг.)

2.2.2. Gazet makalalary (1944-1994 ýý.)

412. Darwiniň «tebigy saýlanyş üsti bilen görnüşleriniň gelip çykyşlary» diýen eseri dogrusynda // Sowet Türkmenistany gazet. - 1944. - 24-nji noýabr.
413. Книга, произведшая переворот в биологии: К 85-летию со дня издания книги Ч. Дарвина «Происхождение видов» // газ. Туркм. искра. - 1944. - 24 нояб.
414. Использовать ресурсы дикой фауны // газ. Туркм. искра. - 1945. - 15 марта.
415. Adamyň emele gelşi hakynda Darwiniň we Engelsiň taglymaty // Sowet Türkmenistany gazet. - 1945. - 16-njy mart.
416. Животный мир Туркменистана // газ. Туркм. искра. - 1945. - 2 сент.
417. Gylguýruklylaryň uçup geçmekleri // Ýaş kommunist gazet. - 1945. - 21-nji noýabr.
418. Индийский сокол // газ. Комсомолец Туркменистана. - 1946. - 10 окт.
419. Озеро-ловушка // газ. Комсомолец Туркменистана. - 1946. - 28 нояб.
420. Guşlary gorap saklaň // Mydam taýýar gazet. - 1946. - 28-nji noýabr.
421. Zoologiki tapmaça // Mydam taýýar gazet. - 1946. - 12-nji dekab.
422. Zemzen // Mydam taýýar gazet. - 1946. - 12-nji dekab.
423. Ýer ýüzünde ýaşaýyşyň gelip çykyşy // Sowet Türkmenistany gazet. - 1947. - 16-njy iýul.
424. Netijeli syýahatlar // Mydam taýýargazeti. - 1947. - 21-nji awgust.
425. Çarlz Darwin we onyň taglymaty // Sowet Türkmenistany gazet. - 1947. -
-

17-nji sentýabr.

426. Животный мир трассы Главного Туркменского канала // газ. Туркм. Искра. – 1951. - 18 марта.

427. Книги лауреатов Сталинских премий «Птицы Советского Союза» // газ. Туркм. искра. - 1952. - 6 апр.

428. Giriş ekzaminleriniň netijesi // Mıçuringi gazet. - 1959. - 15-nji sentýabr.

429. Halkyň erki egilmezdir // Sowet Türkmenistany gazet. - 1960. - 19-njy ýanwar.

430. Spesalist kadalary taýýarlamak meselesi // Sowet Türkmenistany gazet. - 1961. - 27-nji awgust.

431. 30-летие первого вуза в Туркмении // газ. Мичуринчи. - 1961. - 1 марта.

432. На пороге тридцать третьего // газ. Туркм. искра. - 1962. - 28 авг.

433. Учение, воспитание и труд - неразделимы // газ. Туркм. искра. - 1963. - 24 авг.

434. Новые возможности, новые задачи // газ. Туркм. искра. - 1966. - 17 сент.

435. На пути прогресса: К 100-летию научно-технических обществ // газ. Туркм. искра. - 1966. - 18 нояб.

436. Добро пожаловать, дорогие друзья ! // газ. Мичуринчи. - 1967. - 17 мая.

437. Дорогу техническому прогрессу: III Республиканский съезд науч.-техн. обществ // газ. Туркм. Искра. - 1967. - 6 сент.

438. Hünär alayyn diýseňiz // Sowet Türkmenistany gazet. - 1968. - 23-nji iýun.

439. Разумно использовать и охранять ресурсы природы // газ. Туркм. искра. - 1969. - 22 марта.

440. Tebigy baýlyklary aýawly saklalyň // Sowet Türkmenistany gazet. - 1969. - 22-nji mart.

441. К тем, кто стоит у входа в науку // газ. Мичуринчи. - 1969. - 29 мая.

442. В песках Каракумов // газ. Правда. - 1969. - 15 дек.

443. Не просто звание // газ. Туркм. искра. - 1970. - 1 окт.

444. Туркменский сельскохозяйственный: ТСХИ - 40 лет // газ. Туркм. искра. - 1971. - 6 янв.

445. Селу - квалифицированные кадры // газ. Туркм. искра. - 1971. - 4 сент.

446. Hazynalar mekany // Edebiyat we sungat gazet. - 1973. - 6-njy iýun.

447. Мы - не квартиранты на земле! // газ. Комсомолец Туркменистана. - 1973. - 7 авг.

448. Кадры завтрашнего дня // газ. Туркм. искра. - 1974. - 24 сент.

449. Пустыня: кладовая богатств // газ. Труд. - 1976. - 4 янв.

450. Задачи нового учебного года // газ. Мичуринчи. - 1976. - 29 сент.

451. Ассамблея состоится в Ашхабаде // газ. Туркм. искра. - 1976. - 13 нояб.

452. Oba hojalygy üçin kadalар // Sowet Türkmenistany gazet. - 1977. - 3-nji fewral.

453. Ашхабад - город Генеральной ассамблеи // газ. Комсомолец Туркменистана. - 1977. - 26 апр.

454. Кузница сельскохозяйственных кадров // газ. Мичуринчи. - 1977. - 30 мая.

455. Природа под защитой Основного закона // газ. Туркм. искра. - 1977. - 24 сент.

456. Хранить в чистоте наш общий дом // газ. Туркм. искра. - 1978. - 4 июня.

457. Tebigaty goramak işinde möhüm waka // Sowet Türkmenistany gazet. - 1978. - 11-nji iýul.

458. Охрана природы — дело всеобщее // газ. Вечерний Ашхабад. - 1978. - 23 авг.

459. Подвиг, зовущий на подвиг // газ. Мичуринчи. - 1978. - 29 дек.

(соавт.: Е. Приходько, Ч. Рахмедов, Т. Баяров).

-
460. Природа под надежной защитой // газ. Туркм. искра. - 1979. - 27 мая.
461. Tebigat ygtybarly goralýar // Sowet Türkmenistany gazet. - 1979. - 27-nji maý.
462. Важные задачи вуза // газ. Вечерний Ашхабад. - 1979. - 31 июля.
463. Наш дом - Земля: К Всемирному дню охраны окружающей среды // газ. Вечерний Ашхабад. - 1980. - 5 июня.
464. Первый ВУЗ Туркменистана. Пора зрелости // газ. Туркм. искра. - 1980. - 19 дек.
465. Oba üçin kadalar // Sowet Türkmenistany gazet. - 1980. - 19-njy dekabr.
466. Очаг науки и культуры // газ. Мичуринчи. - 1981. - 1 сент.
467. Эффект производственной практики: вуз и его проблемы // газ. Сельская жизнь. - 1981. - 30 сент.
468. В этой работе нет мелочей // газ. Вечерний Ашхабад. - 1983. - 11 мая.
469. Посвящается дню охраны природы // газ. Туркм. искра. - 1983. - 4 июня.
470. Жить в согласии // газ. Туркм. искра. - 1983. - 5 июня.
471. Экологические знания каждому специалисту // газ. Туркм. искра. - 1984. - 8 апр.
472. Беречь и приумножать // газ. Туркм. искра. - 1985. - 13 апр.
473. Дерево мира // газ. Туркм. искра. - 1987. - 4 июня.
474. Равноценно разорению // Экономическая газета. - 1987. - № 45 (ноябрь). - С.19.
475. Пора опомниться // газ. Туркм. искра. - 1988. - 18 окт. (соавт.: К.П. Попов).
476. На грани исчезновения // газ. Туркм. искра. - 1989. - 4 янв. (соавт.: И.С. Даревский, Н.Н. Щербак).
477. Ошибочный путь // газ. Туркм. искра. - 1989. - 17 окт.
478. «Чур-чури» – моя любимая птица // Суббота / прилож. к газ. Туркм. искра. - 1993. - 27 фев.
479. Признанные на международной арене // газ. Туркм. искра. - 1994. - 20 сент. (соавт.: В.Г. Долин, Г.С. Медведев).

2.2.3. Опубликованные доклады и выступления (1963-1986 гг.)

2.2.3. Çap edilen dokladlar we çykyşlar (1963-1986 ýý.)

480. Об охране природы Туркменской ССР: Докл. пред. комис. по охране природы АН ТССР, депутата А.К. Рустамова // газ. Туркм. искра. - 1963. - 28 марта.
481. Türkmenistan SSR-inde tebigaty goramak hakynda: TSSR ÝA-nyň tebigaty goramak baradaky komissiýasynyň başlygy, deputat A.K. Rustamowyň doklady // Sowet Türkmenistany gazet. - 1963. - 29-njy mart.
482. О проекте Закона об охране природы Туркменской ССР // I Сессия Верховного Совета ТССР 6-го созыва (26 марта 1963 г.). - Ашхабад, 1963. - С.127-136.
483. Türkmenistan komsomolynyň XXI gurultaýynda A.K. Rustamowyň sözlän sözi // Mugallymlar gazet. - 1966. - 13-nji mart.
484. Речь А.К. Рустамова на XXI съезде комсомола Туркменистана // газ. Комсомолец Туркменистана. - 1966. - 13 марта.
485. О выполнении Закона об охране природы в Туркменской ССР: Доклад пред. пост. комис. по сельс. хоз. Верховного Совета Туркм. ССР, депутата А.К. Рустамова // газ. Туркм. искра. - 1970. - 25 июня.
486. О проекте земельного кодекса Туркменской ССР: Доклад предс. комис. по сельск.
-

хоз. и охране природы Верховного Совета Туркм. ССР, депутата А.К. Рустамова // газ. Туркм. искра. - 1970. - 26 дек.

487. О выполнении Закона об охране природы в Туркменской ССР // Материалы сессии Верх. Сов. ТССР 7-го созыва. - Ашхабад, 1971. - С.131-138.

488. Речь А.К. Рустамова на XXIII съезде КП Туркменистана // газ. Туркм. искра. - 1986.- 22 янв.

489. Türkmenistanyň Kommunistik partiýasynyň XXIII gurultaýynda M.I. Kalinin adyndaky oba hojalyk institutynyň rektory ýoldaş A.K. Rustamowyň sözlän sözi // Türkmenistanyň halk magaryfy žurn. - 1986. - №2. – S.4-5.

2.2.4. Интервью (1966-1987 гг.)

2.2.4. Interwýulary (1966-1987 ýý.)

490. Новое проявление заботы о сельском хозяйстве: беседа с ректором Туркменского сельхозинститута им. Калинина А.К. Рустамовым // газ. Туркменская искра. - 1966. - 12 февр.

491. Охрана природы - дело общее // газ. Туркменская искра. - 1973. - 12 янв. SSSR-de ilkinji gezek // Sowet Türkmenistany gazetini. - 1978. - 24-nji sentýabr.

492. Пустыня – арена жизни // газ. Неделя. - 1978. - №39(967). - С.19.

493. Над нами одно небо // газ. Известия. - 1978. - 7 окт.

494. Дарите жизнь! // газ. Комсомольская правда. - 1978. - 7 окт.

495. В перспективе – новый вуз // газ. Туркменская искра. - 1980. - 21 авг.

496. Охрана природы – учебный предмет // газ. Знамя октября. – 1978. - 12 сент.

497. «Знак Почета» на знамени вуза // газ. Вечерний Ашхабад. - 1980. - 30 окт.

498. Орнитология: проблемы, важные для всех // газ. Туркменская искра. - 1982. - 15 авг.

499. Планета людей // газ. Вечерний Ашхабад. - 1985. - 12 апр.

500. Кому работать на селе // газ. Знамя Октября. - 1986. - 31 окт.

501. Hemmeleriň mähriban öýi // Sowet Türkmenistany gazetini. - 1987. - 20-nji iýun.

502. Диктует перестройка: кадры сельского хозяйства // Сельское хозяйство Туркменистана. - 1987. - №3. - С.33-34.

ФОТОИЛЛЮСТРАЦИИ
FOTOILLÝUSTRASIÝALAR



Анвер Кеюшевич со своей семьей – женой Елизаветой Александровной и детьми – Беллой, Игорем и Эльдаром (в 1955 г. и в 1979 г.).

Anwer Keýuşewiç öz maşgalasy – aýaly Ýelizaweta Aleksandrowna we çagalary – Bella, Igor we Eldar bilen (1955 ý. we 1979 ý.).

